ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 48-й

№ 49 (4595)

8 декабря 1976 г. СРЕДА

Атомные ледоколы «Ленин» и «Арктика», построенные на ленинградских верфях, успешно трудятся на Северном морском пути. Сейчас у достроечной стенки балтийского завода имени Серго Орджоникидзе высится громада третьего мощного атомохода — «Сибирь». К дню открытия XXV съезда КПСС на сорок дней раньше намеченного срока балтийцы спустили ледокол на воду.

В канун 60-летия Великого Октября «Сибирь» уйдет на государственные испытания. Это станет подарком ленинградцев к знаменательной дате, достойно встретить которую готовится сейчас вся страна.

● *«Сибирь» у достроечной стенки*

● *Комсомолка Т. Сухарева — маляр*

● *В. Савинков, В. Тимофеев и Д. Юрченко из бригады коммунистического труда М. Николаева заняты в эти дни монтажом надстройки кормовой части ледокола*

Фото Владимира БОГДАНОВА

Ленинградцы — 60-летию Октября

ВЫСОКАЯ МИССИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

2 ДЕКАБРЯ в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялось торжественное открытие IV Международной встречи переводчиков советской литературы, в которой принимают участие представители 35 стран. В президиуме — видные мастера художественного перевода: Жужа Раб (Венгрия), Ангел Тодоров (Болгария), Лизелотте Ремане (ГДР), Гуго Гуппарт (Австрия), советские писатели.

— Позвольте мне по поручению правления СП СССР выразить глубокое удовлетворение тем, что сегодня в этом зале собрались наши друзья, посланники многих стран мира, — сказал секретарь правления СП СССР Н. Федоренко, открывая встречу. — Нам предстоит рассмотреть актуальные проблемы высокого искусства художественного перевода. Эти встречи стали традиционными. Они берут начало с 1967 года. В наше время, определяющей чертой которого является стремление народов к сближению и взаимопониманию, к разрядке международной напряженности, роль перевода особенно ответственна и важна. Слово писателя, которое благодаря вашему искусству и труду звучит в разных уголках нашей планеты, помогает найти друзей и единомышленников, укрепляет в людях веру в торжество идеалов мира и гуманизма. Мы призваны внести свой посильный вклад в процесс разрядки международной напряженности, укрепления сотрудничества в духе решений, принятых в Хельсинки.

— С тех пор как мы встречались с вами, дорогие друзья, в 1972 году, у нас в стране произошло много значительных событий, — сказал первый секретарь правления СП СССР Г. Марков. — В начале этого года состоялся XXV съезд КПСС, явившийся исторической вехой в развитии нашего общества, нашей культуры. Во время поездки по стране вы воочию убедитесь, какие огромные успехи достигнуты советским народом за эти четыре года.

Знаменательным событием в литературной и общественной жизни явился VI съезд советских писателей. Он вызвал большой интерес международной литературной общественности. И знаменателен он еще тем, что зафиксировал приход в литературу молодых талантов. Вы сможете познакомиться не только с новыми работами мастеров старшего поколения, но и с интересными произведениями нашей творческой смены. Принятое недавно постановление ЦК КПСС «О работа с творческой молодежью» свидетельствует о пристальном внимании, которое уделяется у нас росту профессионального мастерства молодых.

В заключение Г. Марков пожелал участникам плодотворной работы и выразил уверенность, что знакомство с новинками многонациональной советской литературы, проникнутой духом интернационализме и дружбы, поможет переводчикам в их дальнейшей творческой деятельности.

От имени Госкомиздата СССР гостей приветствовал заместитель председателя Госкомиздата В. Сластёненко. Обращаясь к собравшимся, он подчеркнул, что искусство переводе является важным средством духовного общения народов, что книге в наши дни помогает жить, бороться, побеждать.

— Вспомним, что еще шестьдесят лет назад такого понятия, как советская литература, не было и в природе, хотя и родились уже первые произведения социалистического реализма, — отметил в своем выступлении председатель правления ВААП Б. Панкин. — Сегодня невозможно представить литературный процесс мире без нее.

Б. Панкин рассказал о том, как издаются книги советских авторов за рубежом.

Н. Федоренко огласил приветствие Советского комитета защиты мира в адрес участников IV Международной встречи переводчиков советской литературы, в котором, в частности, говорится: «В наше время, когда культурное общение получает все более широкие возможности, неизмеримо возрастает роль художественного перевода, являющегося испытанным средством обмена духовными ценностями. Многие из вас посвятили десятки лет своей жизни замечательной работе по ознакомлению читателей различных стран с произведениями советской литературы, внеся тем самым большой вклад в дело развития культурных связей между народами...»

Затем участники совещание заслушали доклады о современной советской прозе (Ю. Суровцев) и современной советской поэзии (Ал. Михейлов).

И. ГАВРИЛОВА,
А. НИКОЛАЕВСКАЯ

Репортаж о работе совещание будет опубликован в следующем номере «ЛГ».

Интервью с участниками встречи см. **стр. 3**

ОТ РАБОЧЕГО ДО МИНИСТРА: СТУПЕНИ РОСТА

● КОГО, ГДЕ И ЧЕМУ УЧИТЬ?

● РУКОВОДИТЕЛИ И ЗАМЕСТИТЕЛИ

стр. 10

НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ

Сергей БАРУЗДИН

КОГДА я вновь пишу эти слова, ставшие нашим лозунгом, а он, этот лозунг, на родился сам по себе, то думаю о многом... О судьбе нашей многонациональной Родины, о ее истории, о судьбах народов, населяющих нашу страну, и о том, что Великий Октябрь — а я будущем году мы отметим его 60-летие — принес русским и украинцам, якутам и молдаванам, белорусам и узбекам...

И о литературе советской, которая создается сегодня на 76 языках. Уже одна эта цифра потрясающа!

Но прежде всего я думаю о Коммунистической партии, партии большевиков-ленинцев, которая задолго до легендарных выстрелов «Авроры» предвидела и по-марксистски *понимала* будущее развитие мира. Коммунистическая партия направляла наши победы в гражданскую и Великую Отечественную войны, стояла у истоков незабываемой героики нелегких лет индустриализации и коллективизации, руководила восстановлением разрушенного хозяйства после войны. И первым спутником, и первым полетом в космос Юрия Гагарина, и спелым колосом, и счастьем каждого мирного утра мы тоже обязаны нашей родной партии.

У истоков рождения Коммунистической партии стоял Владимир Ильич Ленин. Говоря словами Маяковского, его «...сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем!..». Для вождя революции, организатора первого в мире социалистического государства, опиравшегося в своей многогранейшей деятельности и в своих гениальных работах на учение Маркса и Энгельса, реальная жизнь России, ее народ, судьба каждого рабочего и крестьянина были наиважнейшими. Ленин и возглавляемая им партия большевиков с самого начала исходили из главного: все для народа и все во имя народа. Отсюда и родилось это животворное понятие — народ и партия едины.

Наша литература многонациональна, но едина, ибо она советская литература, а ее властелин и герой — человек труда.

На XXV съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал добрые, окрыляющие слове о нашей литературе и искусстве. И о советском народе:

«...Важнейший итог прошедшего шестидесятилетия — это советский человек. Человек, который сумел, завоевав свободу, отстоять ее в самых тяжких боях. Человек, который строил будущее, не жалея сил и идя на любые жертвы. Человек, который, пройдя все испытания, сам неузнаваемо изменился, соединил в себе идейную убежденность и *огромную* жизненную энергию, культуру, знания и умение их применять. Это — человек, который, будучи горячим патриотом, был и *всегда* будет последовательным интернационалистом».

Эти слова Леонида Ильича Брежнева очень важны.

Ну, а если говорить о нас, литераторах, то важны вдвойне! Вся наша писательская жизнь связана с жизнью Отчизны, с ее судьбой, с партией. Проблемы жизни неотделимы от проблем литературы. И наоборот: проблемы литературы неотделимы от проблем жизни. Ибо литература всегда не только отражала происходящее, но и прокладывала дорогу в грядущее.

«Перед страной, перед нашей партией и народом в десятой пятилетке открывается огромная, захватывающе интересная работа, — говорил на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Работа крайне ответственная. И от того, как мы будем работать, как будем выполнять намеченные планы, зависят мощь, авторитет и процветание нашей Родины, благополучие каждой семьи, благосостояние и счастье каждого советского человека.

Нет сомнений, что народ наш, руководимый партией Ленина, и на этот раз окажется на высоте ответственности, возложенной на него историей».

Какой в этих словах простор для писательской мысли! Для каждого литератора, работающего в любом жанре прозы, поэзии, критики, детской литературы!..

Советские писатели постоянно ощущают заботливое внимание и поддержку, которые оказывает Коммунистическая партия, Центральный Комитет, Политбюро во главе с Генеральным секретарем Леонидом Ильичом Брежневым развитию нашей многонациональной литературы. Трудно переоценить в этом отношении исторические решения XXV съезде КПСС, *принятые* в последние годы постановления «О литературно-художественной критике» и «О работе с творческой молодежью». В этих важных партийных документах — развернутая, научно обоснованная программа дальнейшего движения советской литературы к новым идейно-художественным высотам, источник высокой творческой радости.

Дело партии — наше дело. А партия все делает ради каждого из нас.

Советский писатель не может стоять в стороне от задач, поставленных партией перед народом, потому что он сам выражает мысли и чувства народа, он — неотъемлемая его часть. Последнее десятилетие особенно наглядно показывает, как советские люди воспринимают литературу. Многочисленные встречи писателей с читателями на сибирских стройках и на полях Нечерноземья, на КМА и КамАЗе, в Сургуте и Нурекe, поездки по городам и селам России, по союзным и автономным республикам дают не только богатый материал для творческой лаборатории литератора. Эти поездки и оплодотворяющая наши книги дружба с героями великих строек — убедительное свидетельство высокого духовного единения и неразрывной связи литературы, партии и народа.

Мы знаем, как такие встречи необходимы и читателям. Приятно отметить, что многогранный опыт нашей писательской *организации*, рожденной в Стране Советов, нашел горячий отклик и поддержку в социалистических странах. Знаменательно, что в этих поездках вместе с советскими писателями сегодня участвуют литераторы Польши и Болгарии, Монголии и ГДР, Венгрии и Чехословакии...

Народ и партия в нашей стране были, есть и будут едины. В великой нерасторжимости коммунистов с народом — сила партии, дух всех ее исторических предначертаний, от первого съезде до последнего, XXV. Коммунистическая партия и ее Центральный Комитет во главе с Леонидом Ильичом Брежневым ведут нас к новым победам в коммунистическом строительстве, к миру и прогрессу!

НАШ СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

Очерк Абдижамила НУРПЕИСОВА о героях казахстанской хлебной эпопеи

стр. 2

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

ДИАЛОГИ С ДРУЗЬЯМИ

В Бухаресте и Тбилиси прошли советско-румынские литературные встречи за «круглым столом», предусмотренные планом сотрудничества между союзами писателей СССР и СРР на 1976 год. Их темы: «Герои и конфликты в современной советской и румынской драматургии» и «Общественное призвание писателя».

На встрече в столице Румынии побывали видные советские театроведы и драматурги В. Пименов, И. Вишневская, Г. Бокарев, Ю. Эдлис, А. Левада. За «рабочим столом» с ними встретились румынские коллеги: секретарь СП СРР, прозаик И. Хобана, известные драматурги и критики Х. Ловинеску, Ал. Миродан, М. Сорреску и другие.

Спустя две недели Союз писателей Грузии принимал посланцев Румынии — критиков М. Мартина и В. Кристю, поэтов И. Диаконеску и Н. Иоану, прозаиков Р. Мареша, Б. Янки, Г. Либхарда. В диалоге приняли участие секретари правления Союза писателей Грузии Н. Думбадзе и И. Нонешвили, главный редактор журнала «Цискари» Дж. Чарквиани, поэты, прозаики, критики.

Л. ДОЛГОШЕВА

***

В Юрмале (Латвийская ССР), в Доме творчества писателей имени Яна Райниса, состоялась творческая дискуссия на тему «Образ патриота-интернационалиста в литературе СССР и ГДР». В ней приняли участие секретарь правления Союза писателей ГДР Р. Дренков, немецкие критики и прозаики И. Гучке, Э. Паниц, Х. Бастиан, И. Новотный и Г. Рихтер, советские писатели С. Антонов, В. Борщуков, М. Слуцкис, А. Григулис, Л. Бридака, А. Эксне, Г. Цирулис и другие.

Встречу открыл первый секретарь правления СП Латвии Г. Приеде. Три дня продолжался обмен мнениями по самому широкому кругу вопросов, связанному с воплощением в литературе образа патриота - интернационалиста.

Участников творческой дискуссии принял заведующий отделом культуры ЦК Компартии Латвии А. Я. Горис.

(Наш корр.)

РИГА. (По телефону)

ВСТРЕЧА В ТБИЛИСИ

В Тбилиси состоялось выездное заседание Совета по грузинской литературе при СП СССР совместно с президиумом правления СП Грузии. С докладом о переводах и изданиях грузинской литературы в центральных издательствах и журналах выступил председатель совета, секретарь правления СП СССР К. Симонов. Секретарь правления СП СССР Ю. Суровцев познакомил с планом важнейших мероприятий творческого союза на 1977 год. Затем состоялось обсуждение выходящего в Тбилиси альманаха русских писателей, работающих в Грузии,— «Дом под чинарами» (докладчик — И. Гринберг). Вместе с членами Совета по грузинской литературе А. Межировым, В. Перцовым, Е. Евтушенко и другими в заседаниях принимали участие грузинские писатели, представители издательств, литературных журналов.

Первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе принял К. Симонова и Ю. Суровцева.

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Тихонова Н. С. орденом Ленина

За большие заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя Тихонова Николая Семеновича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА. КРЕМЛЬ. 3 декабря 1976 г.

ПРЕЗИДЕНТУ ОБЩЕСТВА ЛИТЕРАТОРОВ ФРАНЦИИ ГОСПОДИНУ ИВУ КАЗО

С чувством глубокой боли узнали о смерти большого писателя Франции Андре Мальро. Выражаем наши соболезнования по поводу этой потери для французской литературы.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

наш советский характер

КОНКУРС «ЛГ» НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК

Абдижамил НУРПЕИСОВ

ДУМА О ЧЕЛОВЕКЕ, О ЗЕМЛЕ И ХЛЕБЕ

Сентябрь 1976-го. На полях Казахстана — уборочная страда. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, посетивший тогда республику, говорит на совещании партийно-хозяйственного актива о нелегких условиях уборки, о непогоде. Но твердая уверенность в успехе звучит в его речи: «...Люди работают самоотверженно, с душой, по-геройски». Добрые слова Леонида Ильича вливают новые силы в сердца хлеборобов республики.

Минуло два месяца, наполненных трудом и высоким духовным подъемом. Казахстанцы рапортуют: собран рекордный урожай, государству продано более миллиарда ста пятидесяти миллионов пудов хлеба! И на октябрьском Пленуме ЦК партии Л. И. Брежнев отмечает: «Завоеван новый рубеж, которым законно могут гордиться трудящиеся республики».

О том, что происходило в эти два месяца, о героях казахстанской хлебной эпопеи рассказывает очерк писателя А. Нурпеисова.

Исмаганбетов и Химич

Нас не сразу пустили в самолет. Мы стояли у трапа. И тут неожиданно упала мне на руку холодная капля. Сразу пошел накрапывать мелким бисером осенний дождь. Торопливо приподняв воротник пиджака, я глянул на серое, стылое небо. Да, погода портилась. Который уж день холодный северный ветер гонял, трепал кудлатые тучи, и они куда-то уплывали, точно уносимые в половодье льдины. Сейчас они быстро обволакивали небо, сбивались, сгущались, особенно низко и мрачно нависая над аэропортом.

Я забеспокоился, посмотрел на запад, где тоже небо затягивалось тяжелыми тучами. Может, и там уже начинались дожди? Стоя у трапа самолета, поеживаясь под моросящим дождем, я мысленно уносился туда, откуда только что приехал. Там, за горами Аиртау, Имантау и Срымбет, мечтательно голубеющими в погожие дни в стороне от больших дорог, на бескрайних нивах трудятся мои знакомые. «Хоть бы не пошел дождь», — как заклинание, повторял я про себя, вспоминая этих обветренных и сильных людей степи.

Дождь во время уборки — сущее бедствие. Работа сбивается с ритма. Все останавливается. Даже неутомимые огромные комбайны, точно рыжие верблюды на привязи, мгновенно застывают посреди поля, под дождем. Хлеборобы хмурятся, курят, отсиживаясь на стане. Я живо представил себе Суюндука Исмаганбетова. Скромный, тихий по натуре, он в любых обстоятельствах умеет оставаться спокойным. Ну, а его друг, Василий Химич — весь порыв и нетерпение, и я с улыбкой думаю: самому создателю не сдоброволь попадись он в такое ненастье под горячую руку Химича. Как-то довелось мне говорить с ним наедине. Сидели тихо, мирно. Но стоило мне упомянуть о чьем-то неблаговидном поступке, как он вспылил, глаза его загорелись, он заговорил сбивчиво, размахивая руками. Он из тех натур, которые в одинаковой мере щедро раскрываются и в труде, и в быту, и в беседе с друзьями. Очевидно, искренность его натуры и притягивает к нему людей.

...Мы охотно свернули с дороги к полю Химича. Раздвигая стену пшеницы, навстречу нам вышел, широко улыбаясь, сам бригадир. Крупный и сильный, он с ходу сгреб меня в свои объятия.

— Ну, как дела?

— Сказано — сделано. Обязательство выполню...

Я не без сомнения посмотрел на веселого бригадира. Ведь после памятных весенних дождей здесь все лето стояла сушь. А мне уже приходилось видеть, какой бывает пшеница, не успевшая набрать колос. Было это несколько лет назад, осенью. Кругом — густая, в человеческий рост пшеница. Стоило мне шагнуть по полю, как застывшая в полуденном душном безветрии нива сразу зашелестела. Невесомые колосья с чахлым, сморщенным зерном качались передо мной из стороны в сторону, слегка касаясь то рук, то колен, и, к своему удивлению, я не ощутил в них той знакомой благодатной тяжести, которая присуща полновесному зерну.

Химич, видать, догадался о моих сомнениях.

— Не беспокойтесь! Двадцать четыре центнера с гаком получу!

Сказав это, он, широкоплечий, белозубый, простодушно расхохотался. Запустив всю пятерню в белокурые волосы, беспрестанно спадавшие на лоб, он привычно отбросил их назад.

Химичу веришь сразу, веришь каждому его слову и поступку. Может быть, потому и прощаешь его излишнюю на первый взгляд самоуверенность, граничащую с мальчишеским бахвальством, ибо в глубине души чувствуешь, что этому крупному человеку доставляет искреннюю радость делиться с людьми всем, что у него есть и чем он живет. Я знаю, что на целину он приехал совсем юношей. Русоволосый, шумный и восторженный, очень худой тогда, он навсегда связал свою судьбу с этим краем, с этой землей и людьми. За двадцать лет упорного труда пахаря не было случая, чтобы слова его расходились с делом. Сказал — сделал. Обещал — выполнил.

С ним я встречаюсь только второй раз. И вполне естественно, что знаю его еще мало. Однако мне нравится и он сам, и его живой веселый нрав. Его оптимизм. Его умение не предаваться унынию в более чем скверных обстоятельствах. Видно, потому после первой встречи с Химичем в разгар весеннего сева мне захотелось снова повидаться с ним в пору страды.

И вот спустя три месяца я с радостным волнением вновь смотрю на запомнившиеся мне с весны дали. Еще более дорогой, родной и милой мне кажется вся эта широкая степь, с ее асфальтированными дорогами, с ветвистыми, как у Шишкина, деревьями, одиноко стоящими где-то у обочины дорог или прямо посредине спелого хлеба. Кругом поля, поля, от горизонта до горизонта, возделанные, ухоженные, засеянные великим хлеборобом. Все вокруг знакомо и вместе с тем внове. Всюду находку перемены. Одна только безбрежная, удалая эта ширь неизменна и вечна. Да, весной, когда впервые приезжал сюда, здесь простиралось вспаханное поле, дымились и серели дальние дали, серели горы, дымилась и серела стерня, раскисшая от четырехдневных белых дождей. А теперь передо мной другая картина. С каждым зерном, брошенным в благодатное лоно земли, свершилось чудо: семя обернулось рослым стеблем с тяжелым колосом. Я прихожу в восторг, когда вижу, как шумит, волнуется, прогибаясь под порывистым степным ветром, это огромное багряное пшеничное море.

***

Еще весной я узнал, что два прославленных на Кокчетавщине человека — Исмаганбетов и Химич — соревнуются между собой. Когда приехал в бригаду Суюндука Исмаганбетова, в моих ушах все еще звенел уверенный голос его энергичного соседа. С явным беспокойством стал я поглядывать на Суюндука. Он, должно быть, почувствовал мою тревогу и, смутившись по своему обыкновению, все отворачивал черные глаза в мягкими, добрыми лучиками.

— Что сказать? Как видите, трудновато приходится,— неопределенно пробурчал он под нос.

— Но начальство вас вроде похваливает?

— Зря. Часть моего посева град побил. Теперь вот ветер пшеницу валит...

— Да, печально.

— Ну да... трудно очень. Пшеница только вошла в колос, и тут еще этот град...

— Выходит, отстаете от соседа?

Суюндук улыбнулся своей неизменной кроткой улыбкой. С настойчивостью, достойной журналиста, а наседал на него, продолжая допытываться. Но он по-прежнему нехотя твердил:

— Видно будет...

Я не отступал, но все равно ничего путного не добился. Не знаю, стеснялся ли он бесцеремонных расспросов о заветном для него, сокровенном или просто досадовал на нас, попусту отнимающих в такую горячую пору драгоценное время? Как бы там ни было, стеснительный и тихий по натуре, он все время испытывал неловкость, особенно когда разговор касался его самого, его бригады, смущенно прятал глаза. И на его открытом, молодом лице заметно проступали следы внутреннего волнения. Я улыбнулся: ведь он прославленный во всей республике хлебороб. Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Его именем называется приз Кокчетавского обкома комсомола. И чем громче его заслуженная слава, чем больше воздается почестей его таланту и труду, тем скромней и незаметней становится этот удивительно обаятельный, незаурядный человек.

Мне не раз приходилось видеть в деле их обоих, этих очень разных по складу и темпераменту людей — Василия Химича и Суюндука Исмаганбетова. Первый — гордый, напористый, но только не нахрапистый. Второй — тихий, скромный, но только не малодушный. Они вроде бы взаимно дополняют друг друга. Первый, широко шагая впереди нас, с нескрываемой гордостью показывал самые лучшие, на зависть, колосок к колоску подобранные участки. Второй, как только разговор заходил об урожае, каждый раз хмурился, досадовал, начинал что-то мямлить про погоду, про жару и ветер. По его словам выходило, будто зной опалил пшеницу, и зерно зачахло, а тут еще град побил, и вообще хвалиться нечем. И словно в подтверждение своих слов, он показывал нам наиболее неприметные участки. Мы знали его характер и потому только посмеивались про себя. Улучив момент, свернули на другие поля. Здесь все кипело. Рыжие комбайны на наших глазах заходили в бурую, стеной стоявшую пшеницу, неумолимо продвигаясь по хлебному полю. Они то исчезали где-то там, за горизонтом, то вновь появлялись. Неутомимо скашивали, сваливали в валки пшеницу — ряд за рядом, полоса за полосой, но все равно казалось: не будет конца этому оранжево-золотистому морю.

Со вчерашнего дня с севера дул пронизывающий ветер. Он усиливался, налетал, набрасывался на пшеницу, и она, зашумев сухими колосьями, подгибалась. Могучие волны прокатывались по полю. По всей степи Сарыарки стоял сытный дух хлеба. Я засмотрелся на метавшиеся под ветром колосья. Тонкие, как иглы, их усики трепетали, мелькали над хлебом, точно покалывая пьянящий воздух страды. Нива, слившаяся с небом, будто боролась с ветром или сопротивлялась комбайнам, заходившим то с одного, то с другого края. Как живая, волновалась пшеница, шуршала и шумела под ветром, — кажется, она убегала в панике от неотвратимо настигавшего ее чудища — комбайна со стальным мечом-семсером. А оно, рыжее чудище, вгрызалось в живую плоть. Пшеница, уже обреченная, металась в отчаянии, в последнем усилии старалась вырваться из-под него. И в бессильной ярости она хлестала тяжелыми колосьями по тупому рылу, кованному железом. Да, недаром сравнивают осеннюю страду с битвой...

Оторвавшись от этого зрелища, я незаметно покосился на стоявшего рядом Суюндука. Он, как завороженный, смотрел на рыжие комбайны, на пшеницу, на валки, на десятки раз виденную, но всегда неповторимо прекрасную жатву. Я видел, как он наслаждался этой картиной, радовался и по обыкновению тихо улыбался. Мне показалось, что в этот священный для хлеборобов миг он думал, как и я, о гордом и возвышенном. Он стоял весь во власти радостного волнения.

Что ж, ликуй, хлебороб! Возрадуйся и гордись, отрешившись хоть на мгновение от всех своих бесчисленных земных забот! Ты заслужил это счастье! Оглянись вокруг, посмотри на дело рук твоих, на родную степь, заботливо возделанную тобою, на взращенный тобой хлеб — бесценное добро, даруемое людям!

Кому из нас, живущих на этой благодарной земле, не знакома гордая радость матери? Проведя не одну бессонную ночь у колыбели, истомленная мать, бывает, забудется и сладко вздремнет в зоревой час у изголовья своего младенца, и лицо ее осветится от беспредельного материнского счастья. Точно такая же светлая улыбка озаряет усталое, обветренное и одухотворенное лицо хлебороба, любующегося в этот миг плодом своих великих трудов.

Турлубек, сын Абильпеиса

Он сидит за столом напротив меня. Мы встретились с ним утром, чуть свет, на откормочной базе. Едва взглянув на меня, он, видно, понял, что в этот осенний день городскому человеку не очень-то уютно в легкой, не по сезону одежде. И, чуть усмехнувшись, деликатно пригласил к себе домой. Мне, и в самом деле слегка озябшему, такое предложение пришлось по душе.

Пропустив меня вперед, он, как подобает гостеприимному хозяину, уселся чуть ниже. Прошло уже немало времени, мы успели лопить чай, отогреться, поговорить о том, о сем. Все это время он оставался сидеть на том же месте, в той же позе, прямой, собранный и немногословный.

Как говорят в народе, гость недолго гостит, да многое подмечает. Кто на нашего пишущего племени при встрече с интересным человеком не превращается весь в слух и внимание, словно ловчая птица перед броском на добычу? Пока кое-как тянется наша нескладная беседа и слежу за хозяином. Мой собеседник, крепко сколенный, подтянутый, смуглый, сидел в течение всего этого разговора одинаково ровный, непроницаемый, словно наглухо застегнутый на все пуговицы. Продубленный степным ветром и солнцем, он порой кажется мне изваянием, высеченным рукой сурового мастера из цельной темно-красной глыбы. Однако в его спокойных карих глазах, устремленных в одну точку, я заметил озабоченность. Было ясно, что он не из тех, кто с ходу обнажит перед тобой душу. И потому я старался вспомнить то, что узнал из его биографии до приезда к нему.

Учиться моему собеседнику особенно не довелось. Едва окончив начальную школу, он уже работал. Начал с прицепщика, позднее наловчился водить одновременно два комбайна. По тем временам такое было под силу лишь немногим. Целеустремленный и неистовый в работе, он в год первого казахстанского миллиарда один намолотил более девяноста тысяч пудов пшеницы — ни больше ни меньше ашелон зерна! Тогда-то и украсила его грудь Золотая Звезда Героя.

Тихо скрипнула дверь, вошел старик. Поздоровался. Сел рядом с моим собеседником. Лишь слегка поседевшая редкая борода выдавала его возраст. А так он тоже смуглый и тоже прямой и подтянутый. Будто и он высечен из той же темно-красной породы камня. Я сразу догадался, что этот почтенный старец — отец моего собеседника. Глядя на бодрого восьмидесятитрехлетнего аксакала Абильпеиса, веришь, что он только в прошлом году расстался с косой.

— Ты, видно, с юга, сынок?

— Да, аксакал.

— Я так и знал. Уж больно беспечно одет.

И старик добродушно рассмеялся. Не знаю, в какой степени беспечность, на которую незлобливо намекал старик, — свойство южан, однако в нашем краю среди моих дальних предков некая беспечность, что греха таить, имела место. По рассказам, один из наших родичей в то далекое время, разопрев после горячей просяной похлебки в жарко натопленной мазанке, в благодушии и беспечности приказал жене: «Эй, у ярки, кажется, по-весеннему губы повлажнели. Выгони овец из кошары на выпас». А за окном завывал ветер, шел снег. Говорят, покорная жена выгнала овец, уцелевших от зимней бескормицы, и они, как и следовало ожидать, погибли на мороле...

То ли по беспечности, то ли по неопытности — не знаю, но, не однажды бывая на Кокчетавщине, сбитый с толку алма-атинской жарой, я каждый раз попадаю впросак. Вот и сейчас, когда самолет пошел на посадку, я не на шутку встревожился, увидев сплошные серые тучи над Кокчетавом. Коснулся наш самолет стальным клювом растрепанных клочков дымчато-белого облака и тут же закачался, зачихал, словно захлебнулся в горьком чаду. Едва мы ступили на трап, как неласковый северный ветер налетел на нас, по-разбойничьи зашарил по всему телу. С этого момента мне никак не удавалось отогреться. Я знал, что и сейчас, перед этим стариком, отнюдь не выгляжу молодцом. Но зато сам старик мне понравился. Ох, видно, и умен он, и зорок! И за словом в карман не полезет. Поняв, что из его сына клещами слова не вытянешь, я решил разговорить отца:

— Говорят, отец — судья сыну. Скажите, аксакал, довольны ли вы своим Турлубеком?

Старик прокашлял. Кончики жидких и обвислых усов чуть вздрогнули в лукавой усмешке.

— Не стану скрывать: доволен им, доволен. Помоложе был — вроде на меня больше походил. А теперь примечаю: в разных счетах-расчетах он обскакал меня. Это уж не от меня. От бога. Сам дошел.

Я понял, на что, собственно, намекал старик. Ибо знал: комплексная бригада, руководимая его сыном, собирает ныне богатый урожай. Мало того, его бригада каким-то образом сумела добиться на откормбазе от каждого бычка по одному килограмму ста семидесяти граммов привеса ежесуточно. Только недавно от ста голов сданного государству крупного рогатого скота бригада получила сто тысяч рублей прибыли. Словом, прав старик: доходы, и доходы немалые, поступают от обеих отраслей хозяйства. Поглядывая в сторону сына, старик ухмылялся, шутил: «Труд его мне понятен, а вот счеты-расчеты — не для моего ума».

Очевидно, не желая мешать нашему деловому разговору, деликатный старик вскоре встал. Я посмотрел на Турлубека, который на шутку отца ответил сдержанной улыбкой. Что она означала? Согласие или молчаливое возражение?

— В душе он считает, что превзошел меня. По правде говоря, не он преуспел, а время его преуспело. Не он обогнал нас, а само время, сама жизнь обогнала нас. Вот такто! — заметил старый Абильпеис, направляясь к выходу. Бодрый, все еще прямой, он ступал твердо. Подойдя к двери, остановился. Обернулся. Будто продолжая начатый уже спор с сыном, сказал: — А я говорю ему: может, ты и превзошел меня. Пусть. Но ты сам сперва роди такого сына, потом хвались.

Старик вышел. Тихо стало в просторной комнате. Лишь где-то мерно потикивали часы...

В последние годы я словно породнился с этим славным краем. Приезжаю сюда охотно и часто. Познакомился со многими людьми. Обрел новых друзей, таких, как Маулет Каримов, Куандык Билялов, Аутен Куандыков. Нынешней весной встретился еще с Суюндуком Исмаганбетовым и Василием Химичем. Дорогие моему сердцу люди, всегда волновавшие, вдохновлявшие меня. Бывало, они тоже не сразу распахивали душу настежь. Тоже молчали, таились, отвечали односложно, поначалу приглядывались, только потом уже устанавливался между нами желанный доверительный тон. И все же в каждом из них я улавливал какие-то особенные черты характера. Ну, возьмем, к примеру, Василия Химича. Он, несомненно, вдохновенный артист. Его артистическую легкость, изящество вы заметите не только в раскованности, в свободном общении с людьми, в манере говорить, в жестах, в богатой мимике, вообще в его красивом облике. Подлинный артистический талант его особенно ярко проявляется в работе на поле, когда он заражает и увлекает людей своей одержимостью, искренним душевным порывом. Что касается Аутена, человека с телосложением борца, то он — сосредоточенный в себе мудрец. Билялов, пожалуй, больше романтик. А Исмаганбетов — воплощение скромности. Вот уже который час я тщетно пытаюсь определить, каким отличительным свойством наделен молчаливый мой собеседник, точно изваяние застывший на своем месте за этим большим столом напротив меня. Помимо того, что трудолюбив, честен, из года в год выполняет и перевыполняет обязательства, должен же он, думал я, иметь одному ему присущее свойство характера? Не скрою, когда я особенно отчаивался, он казался мне неким таинственным домом, все окна и двери которого плотно закрыты на засовы. У меня не оставалось никакой надежды, и я уже подумал про себя, что пора бы уходить, как вдруг без какой-либо связи поинтересовался, почему покрытую солончаком огромную лощину за аулом называют Кос-Кёлом, что по-казахски означает «два озера».

Турлубек грустно усмехнулся, в спокойных карих глазах вспыхнул огонек, однако тут же погас.

— Значит, были такие озера, потому и назвали так.

— Это понятно, Туреке. Но где они теперь?

Турлубек разговорился. Придвинул ко мне свой стул, сел поближе. А вскоре, к моему изумлению, этот еще минуту назад казавшийся мне скрытным человек вдруг ожил. Он говорил и говорил, и, слушая его, я только диву дивался, с каким увлечением и страстью он рассуждал о земле, о людях, о природе, о прошлом и настоящем родного края. Как он искренне радовался тому, что на этих полях, с которых еще в памятные годы собирали всего по пять шесть центнеров с гектара, теперь повсюду получают не менее двадцати, и это еще не предел.

Буквально за два дня до нашей встречи с Турлубеком шел большой разговор о будущем казахстанской нивы на республиканском активе в Алма-Ате, на котором выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Он приехал в Казахстан в разгар страды, что оказало огромное мобилизующее влияние на ход уборки. Мудрые советы и забота Леонида Ильича вдохновили хлеборобов Казахстана на выполнение поставленной задачи — быстро и без потерь собрать богатый урожай, засыпать в закрома Родины более миллиарда пудов зерна...

Но едва речь заходила об обмелевших и высохших за последние годы озерах, в голосе Турлубека снова невольно прорывались нотки горечи. По его рассказам получалось, что не только Кос-Кёл и Сары-Кёл за аулом, но и другие степные озера и речушки на Кокчетавщине постигла в последнее время печальная участь. Там, где недавно радовали глаз прозрачные голубые озера, теперь стали появляться унылые солончаки со скудной травой. Я знал, что Кос-Кёл — родовое поместье знаменитого степного барда Ахана-сары. Сейчас тут гуляет ветер, сеет белесоватый солончак. А ведь когда-то, еще при жизни Ахана-сары, здесь голубела широкая гладь озера. Рядом было второе, точно брат-близнец. Потому они и назывались Кос-Кёл — двуозерье. А в третьем, небольшом, по преданию чистом и прозрачном, говорят, купали самого Кулагера-скакуна, воспетого в сказах и легендах. Увы, этого озерца и в помине нет. По словам Турлубека, только за последние десять лет на кокчетавской земле высохло сорок два озера. Да и среди остальных нет такого, в котором уровень воды не спал бы на один-два метра. Если обмеление будет продолжаться дальше, то через какие-нибудь двадцать, тридцать, сорок лет судьба большинства кокчетавских озер может быть поистине печальной. Трудно себе представить, что когда-нибудь на месте этих дивных озер появятся мертвые солончаки, как это случилось в Кос-Кёлом, с Сары-Кёлом. Случись это, не раз воспетый акынами наш благодатный край, край голубых гор и озер, край песен и изобилия, где нынче потомки тех прославленных акынов и певцов выращивают сказочные урожаи, лишится своей извечной красы, своего былого чарующего вида. Что станет с голубыми горами, если, допустим, они потеряют своих неразлучных спутников — чудо-озера, со дня творения доверчиво и таинственно плещущиеся у их подножия? Что скажут тогда нам потомки? Как мы оправдаемся перед ними? Ведь мы в этой жизни, на этой вот земле в ответе за все.

Турлубек задумался. Будто требуя ответа, пытливо и долго смотрел на меня. Я молчал. Он помедлил, усмехнулся и заговорил вновь. Конечно, у нас есть что сказать потомкам. Надо будет, и доводы найдутся, и причины назовем. Эту некогда ковыльную степь за короткое время превратили в житницу. А хлебному полю, естественно, нужна вода. Снегозадержание ныне стало обязательным, всеобщим делом. Оно превратилось в искусство и науку земледелия. Благодаря современной агротехнике осадки, сколько бы их ни было, останутся теперь в почве. По словам Турлубека, в обмелении озер немало повинны и строители дорог. Асфальтированные дороги, проложенные вдоль озер, под высокой насыпью, как нарочно, не имеют водостока.

Проблема воды по-деловому и горячо обсуждалась и на недавнем совещании республиканского актива в Алма-Ате. Там, в частности, озабоченно говорили о том, что исконные пастбища и орошаемые поля Джамбулской области, питаемые прежде реками Талас и Чу, теперь, особенно в летнюю пору, с каждым годом все больше и больше испытывают острую нужду в воде. Я с интересом и тайной радостью наблюдал, что этот сдержанный смуглый человек, сидящий против меня, не остается равнодушным ко всему тому, что волнует его коллег там, на юге. Его беспокоит как судьба синего древнего Арала, так и то, что в последнее время все заметнее уходит от берегов одно из дивных творений природы — Иссык-Куль. Ну, а где выход? Как решить эту проблему? Как?..

Турлубек умолк. Эти мысли, должно быть, не сегодня и не вчера пришли ему в голову. Видно, что, помимо забот своей бригады, повседневных практических дел, его нередко мучил широкий круг вопросов, масштабные проблемы нашего времени. Мы оба молчали. Не было у меня таких слов, чтобы хоть как-то успокоить моего собеседника. Я молча простился, и мы тронулись в путь. И теперь, то ли под впечатлением недавнего разговора, то ли низкие осенние тучи над нами павевали уныние, — я чувствовал себя подавленно и до самого аэропорта не проронил ни слова.

***

Я промок до нитки, пока, наконец, поднялся в самолет. Бросил портфель на полку. Стоя в проходе, привычно окинул глазами длинный салон. Вижу, пассажиры уже уселись. Довольные и успокоенные, они притихли перед отлетом. Только теперь я заметил модно одетого молодого человека, бледное лицо которого, кроме тупого упрямства, ничего не выражало. Он сидел с краю, откинув голову назад, сонно прикрыв глаза. Точнее, не сидел, а бесцеремонно развалился в кресле, вытянув перед собой длинные, как оглобли, ноги. Заметив за ним свободное место, я хотел пройти туда, но молодой человек, хотя и уловил мое намерение, не потрудился побеспокоить себя. Мне ничего не оставалось, как перешагнуть через его вытянутые ноги. Ему это явно не понравилось. Зато я был доволен и даже горд, что все же задел молодого наглеца.

Я устроился. Оглядел салон, надеясь увидеть кого-нибудь из знакомых. Перед собой я видел только головы. Черные, русые, белые. Кто-то выставил мощный затылок.

Совхоз «Прутской». *Поздравления друзей*
Фото А. ТЕРЕХОВА

Кто-то высунул тощую шею. Кто-то втянул голову в плечи. Лиц не видать. Пока я тщетно искал знакомых, самолет тронулся. Огромное здание напротив иллюминатора медленно поплыло назад. Вскоре замелькали самолеты, стоявшие на открытом поле, замелькали люди. Едва оторвавшись от земли, самолет круто взял ввысь, будто стремясь как можно скорее пробить толщу набухших дождем туч. Я откинулся на спинку кресла, посмотрел в иллюминатор. Новый кокчетавский аэропорт — импозантное современное здание — мне нравился. Сейчас, когда я смотрел на него с высоты, оно показалось мне неестественно прижатым к земле.

Вскоре самолет вырвался в прозрачное синее небо. Находясь между небом и облаками, он словно повис неподвижно. Не поймешь, летим или стоим. Странное ощущение, нереальное, словно во сне. Будто находишься во власти таинственных, непостижимых чудес. И всем существом своим покорно погружаешься в какое-то полудремотное, блаженное состояние, про себя сознавая некую загадочную отрешенность от всего. Я задумался...

С заоблачной выси, когда смотришь глазами человеческой мечты, все там, внизу, кажется порой до смешного маленьким, незначительным. Не это ли имели в виду наши предки, когда в своих легендах и сказах восславляли гордый орлиный порыв, зоркий орлиный взгляд? Ведь неспроста, взмывая в неоглядную высь, орел видит особенно зорко и далеко. И многое из того, что происходит внизу, чудится ему мелкой суетой. И тогда становится понятной рисковая решимость отважной птицы, которая, не соблазняясь привычной добычей — скажем, зайцем или лисой, — нередко бросается с вышины на матерого волка. Видно, высокий идеал или желанная мечта каждого из нас в чем-то сродни благородному порыву орла. Не может ведь человек, если в нем бьется горячее сердце гражданина и его властно влечет настоящая мечта, довольствоваться тем, что ему отпущено скупой судьбой, уподобляться суетливой курице, которая, как известно, клюет лишь то, что находится внизу, под ногами. Человек неизменно устремляется все дальше, все выше, туда, на орлиный простор, чтобы на себя и на дело рук своих взглянуть с высоты, только с высоты всеобщих и всенародных интересов.

Мужчина, избравший себе в спутники высокую мечту, однажды поднявшись над горизонтом своего времени, непременно увидит за привычными заботами домашнего очага, за делами одной бригады, за проложенной бороздой самую большую, самую главную и важную всенародную цель. И да не угаснет в сердцах наших славных хлеборобов издревле воспетый народом благородный гражданский порыв и орлиная зоркость, перед которой простираются великие необозримые дали!

Перевел с казахского Г. ВЕЛЬГЕР

ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ — СОВРЕМЕННОСТЬ

Выездное заседание секретариата правления СП РСФСР в Грозном

КАК УЖЕ сообщалось, в Грозном состоялось выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, посвященное теме «Современный герой в произведениях писателей Северного Кавказа».

Накануне заседания писатели побывали на промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, учебных заведениях Чечено-Ингушетии, где состоялись встречи с читателями.

— Советская литература, — сказал, открывая заседание секретариата вступительным словом, председатель правления Союза писателей РСФСР, Герой Социалистического Труда **Сергей Михалков**, — стала частью большого общенародного дела. Писатели Северного Кавказа, как и все литераторы страны, считают своим священным долгом быть верными помощниками нашей партии в деле коммунистического воспитания трудящихся, шагать в первых рядах строителей новой жизни.

XXV съезд КПСС, наметивший грандиозные перспективы дальнейшего развития нашего общества, большое внимание уделил вопросам литературы и искусства. В Отчетном докладе ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев дал высокую оценку деятельности творческой интеллигенции. Мы благодарны партии за ее постоянную заботу и поддержку, за высокое доверие, оказанное нам, писателям.

Разумеется, продолжал оратор, тему «Современный герой в произведениях писателей Северного Кавказа» не надо понимать слишком узко. Современный герой — это человек, совершивший подвиг не только сегодня или вчера или в последние пять лет. Ведь современно все наше поколение, разгромившее фашистскую Германию, застенчивое атом работать для мирных целей, вырвавшееся в космос, строящее БАМ, КамАЗ и ТянкейГЭС. Эти всенародные подвиги находят отражение в художественной литературе, в том числе и северокавказской, которая уверенно идет к вершинам мастерства, обретает масштабность охвата жизненных явлений.

Имена многих писателей Северного Кавказа украшают сегодня не только литературы своих народов, но и всесоюзную многонациональную литературу нашей страны.

Творчество таких мастеров, как Р. Гамзатов, К. Кулиев, А. Кешоков, выросло на многовековых художественных традициях народов, впитало опыт выдающихся представителей братских литератур, и прежде всего русской. Достоинством лучших произведений северокавказцев является то, что они глубоко национальны, будучи интернациональными по своей сути.

Весомый вклад в развитие литератур Северного Кавказа вносят такие писатели, как А. Шогенцуков и Г. Кайтуков, И. Машбаш и М. Цагараев, А. Абу-Бакар и А. Аджиев, Т. Керашев и О. Хубиев, Ю. Хаппалаев и Ш.-Э. Мурадов, а также более молодые талантливые литераторы. Много интересного и значительного сумели сделать наши женщины-горянки Ф. Алиева и Р. Ахматова, Т. Зумакулова и Х. Байрамукова, М. Гаирбекова, Ф. Балкарова и критик Л. Бекизова...

С приветственным словом к участникам заседания обратился Председатель Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР **Х. Х. Боков**.

В начале своего доклада о современной прозе народов Северного Кавказа **Николай Шундик** привел слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде нашей партии: «Для истекших лет характерна дальнейшая активизация деятельности творческой интеллигенции, которая вносит все более весомый вклад в общепартийное, общенародное дело строительства коммунистического общества».

Глубина мыслей художника о современном герое, отметил докладчик, определяется не только самой новейшей злободневностью. Важно учитывать те итоговые сегодняшние достижения, которые накапливались длительное время во всех сферах жизни социалистического общества, в росте сознания, в кристаллизации характера советского человека.

В литературах народов Северного Кавказа налицо стремление преодолеть такие издержки прошлых лет, как описательность и схематизм, фольклорная одномерность и дидактизм, стереотипное отображение горского быта и, наконец, «барьер» умозрительности, который так пагубно проявляет себя в задаиности идеи, в бесплодной иллюстративности.

Докладчик остановился на произведениях Ф. Алиевой, М.-Р. Расулова, А. Боова, Ю. Тлюстена, Н. Капиевой, С. Капаева, Б. Тхайцухова, У. Богазова, А. Абу-Бакара, А. Кешокова, Т. Джатиева, Э. Гуртуева, Х. Теунова, С. Арсанова, С. Чахкиева, А.-Г. Гойгова, Д. Костанова, М. Цагараева, З. Толгурова, М. Ахметова, Г. Бицоева, С. Марзоева, М. Мусаева...

Уделив особое внимание литературе о современном рабочем классе, докладчик призвал писателей Северного Кавказа изображать человека труда яркими и естественными красками. Долг старших товарищей — вовремя увидеть и поддержать молодых авторов, разрабатывающих столь важную тему. К этому всех нас обязывает постановление ЦК нашей партии «О работе с творческой молодежью». Известно, что настоящий талант встречается редко и, как подчеркивалось на XXV съезде КПСС, является достоянием народа.

С докладом «Поэзия Северного Кавказа сегодня» выступил **Кайсын Кулиев**, сказавший, что заботливое и постоянное внимание партии и лично товарища Л. И. Брежнева вдохновляет деятелей советской культуры на новые творческие дерзания.

Когда мы говорим о поэзии Северного Кавказа, продолжал докладчик, к нашей большой радости, речь идет уже не о пробе сил, как это было несколько десятилетий назад. За последнюю четверть века поэзия северокавказских народов шагнула далеко вперед. Именно в этот период засверкали имена выдающихся поэтов нашего времени — Р. Гамзатова, Д. Кугультинова, А. Кешокова. У нас есть такие достойные мастера, как, например, Дж. Ядренцев, Ю. Хаппалаев, Н. Музаев, А. Аджиев, А. Шогенцуков, Б. Гуртуев, Г. Кайтуков, М. Геттуев, А. Аджаматов, С. Макитов, К. Жанэ, О. Хубиев, Х. Гашоков, а также талантливые поэты среднего и младшего поколения — М. Батчаев, И. Машбаш, Т. Тетцоев, К. Эльгаров, Н. Хубиев, А. Созаев, С. Гуртуев, П. Мисаков, А. Бицуев. Недавнее постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» — исключительно своевременный документ. Мастера старшего поколения должны делать все от них зависящее для воспитания поэтической молодежи, для ее роста и развития.

— ЛИТЕРАТУРА чеченцев и ингушей, — сказала в своем выступлении председатель правления Союза писателей Чечено-Ингушской АССР **Раиса Ахматова** (Грозный), — давно уже вышла из того младенческого состояния, когда она жила своими сугубо национальными проблемами и ограничивалась вопросами, которые на первых порах, естественно, волнуют каждую младописьменную литературу. Сегодня мы живем тем, что небезразлично каждому художнику, ощущающему свою принадлежность к нашей огромной многонациональной советской литературе.

Р. Ахматова призвала писателей Северного Кавказа уделять больше внимания судьбам горянок, образу современной женщины-труженицы.

А. Суячмезов (Ростов-на-Дону) рассказал о связях журнала «Дон» с северокавказскими литераторами. **Г. Бровман** (Москва) говорил о романах Х. Байрамуковой «Утренняя звезда» и И. Машбаша «Тропы из ночи».

Камиль Султанов (Махачкала) посвятил свое выступление отношению литературной критики к жанру романа в литературах народов Северного Кавказа. Заседание наше, сказал оратор, имеет большое значение, и, вернувшись в свои республики, мы продолжим этот взыскательный разговор. Немало предстоит сделать нашей критике.

Проблемам современной литературной критики посвятили свои выступления также **Т. Батурина** (Ставрополь), **Н. Байрамукова** (Черкесск), **С. Алиева** (Москва).

С горячим приветствием обратился к литераторам Северного Кавказа **Семен Данилов** (Якутск).

Л. Бекизова (Черкесск) говорила о типологической и этической сущности героя современной прозы Северного Кавказа, о тенденции к расширению ее интернационального содержания.

С. Орлов (Москва) полемизировал в своем выступлении с распространенным среди части критиков и читателей мнением, будто поэзия сегодня отстает от прозы.

Я. Козловский (Москва) посвятил свое выступление проблемам переводческого искусства. Ни одна литература, подчеркнул оратор, не может замыкаться в своих национальных границах. Изящная словесность любого народа, как свидетельствует письменное наследие веков, развивалась при непосредственном участии переводной литературы.

Перед отъездом в Грозный, говорит далее Я. Козловский, я прочитал десятки переводных поэтических книг, и грустно мне было порою их читать. Я читал переводы стихов зрелых и молодых поэтов и зачастую не понимал, для чего та или иная книга была издана. В том, что малохудожественные, хилые, лишенные национальной самобытности переводные книги стихов увидели свет, повинны и переводчик, и автор, и издательство.

Сегодняшний день властно входит в жизнь горцев, в их поэзию, сказал **А. Чепуров** (Ленинград), приведя ряд примеров яркого отображения современности в творчестве северокавказских писателей.

Д. Кугультинов (Элиста), отметив, что чечено-ингушская литература является одной из тех, что украшают многоцветный букет всей российской литературы, придал большое значение писательским встречам с тружениками республики. Эти встречи способствуют более глубокому пониманию жизненных проблем, проникновению в характер современного человека.

Далее Д. Кугультинов говорил о том, что достижения литератур народов Северного Кавказа тесно связаны с творческим освоением опыта великой русской литературы, лучших достижений всей нашей многонациональной советской литературы.

А. Коптяева (Москва) тепло отозвалась о прозе А. Кешокова, В. Портнова и Х. Теунова. Меня очень радует, сказала она, что у народов Северного Кавказа есть не только прекрасные поэты, но и хорошие прозаики. Говоря о романах Х. Теунова «Род Шогеновых» и «Подари красоту души», А. Коптяева отметила их многоплановость и остроту сюжета.

Н. Домдинов (Улан-Удэ) уделил особое внимание многообразию творческих индивидуальностей. Одним из чудес и таинств поэзии, говорил оратор, является то, что она, рожденная как явление исключительное, личностное, становится родной и близкой для всех, становится народным достоянием. За примерами нам далеко не ходить. Творчество Расула Гамзатова и Кайсына Кулиева, рожденное в предгорьях и горах Кавказа, пришлось по сердцу читателям всей страны. И в этом большая заслуга таких мастеров художественного перевода, как Я. Козловский, Н. Гребнев, С. Липкин.

Д. Гранин (Ленинград) отметил, что разговор получился проблемным, выходящим за пределы интересов региона, подчеркнул большую роль переводчиков и остановился на произведениях А. Абу-Бакара, Дж. Ядренцева, Р. Ахматовой и Т. Зумакуловой. Литература Северного Кавказа, сказал оратор, доказала, что она имеет право на строгий суд, без скидок.

Ю. Грибов (Москва), рассказавший о творческих связях еженедельника «Литературная Россия» с писателями Северного Кавказа, активно поддержал книгу Р. Хаджи «Дети Самура», выпущенную издательством «Современник» под рубрикой «Первая книга в столице».

В прениях выступили также **Д. Темираев** (Орджоникидзе), **Х. Туркаев** (Грозный), **К. Шаззо** (Майкоп), **Г. Ладовщиков** (Москва).

С заключительным словом выступил С. Михалков.

В работе выездного секретариата приняли участие секретари правления Союза писателей РСФСР Г. Ахунов, Р. Гамзатов, В. Липатов, председатель ревизионной комиссии СП РСФСР Г. Семенихин, поэт В. Боков.

После заседания группы писателей выехали в республики Северного Кавказа.

В Махачкале писатели встретились с учеными Дагестанского филиала АН СССР, а также побывали на строительстве Чиркейской ГЭС. В Музыкально-драматическом театре Махачкалы состоялся большой литературный вечер.

С. ЛУКНИЦКИЙ,
К. СУЛТАНОВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Сергей МИХАЛКОВ, Николай ШУНДИК, Расул ГАМЗАТОВ и Семен ДАНИЛОВ на Северном Кавказе

Фото Р. ОСТАПЕНКО

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Маргвелашвили Р. А. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Маргвелашвили Реваза Акакиевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
3 декабря 1976 г.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Зверева М. Д. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с восьмидесятилетием со дня рождения наградить писателя Зверева Максима Дмитриевича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
3 декабря 1976 г.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

МИР ВЕЛИКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редакция «Литературной газеты» обратилась к участникам IV международной встречи переводчиков советской литературы с просьбой рассказать о том, как состоялось их знакомство с русским языком и книгами русских классиков и современных советских писателей, а также поделиться мнениями о той роли, которую играют традиционные международные встречи переводчиков в Москве для развития культурного обмена и духовного сближения народов. Вот что нам рассказали:

Нино НИКОЛОВ

(БОЛГАРИЯ)

Я СТАЛ заниматься переводами с русского в начале пятидесятых годов. Толчком к этому послужило знакомство с поэзией Блока и Есенина. С тех пор круг «моих авторов» значительно расширился. Я принимал активное участие в работе софийского издательства «Народна култура» над выпуском «Библиотеки русской советской поэзии», в которую включено более ста поэтических имен.

В 1960 году у меня вышла книга переводов из С. Стальского. Затем два года я учился в Москве, где узнал многих интересных авторов, с творчеством которых впоследствии смог познакомить и болгарских читателей. Переводил А. Вознесенского, Евг. Евтушенко, Е. Винокурова, К. Ваншенкина, Ю. Мориц, В. Коротича, М. Кипиадзе и других. Работа многих советских поэтов представляется мне самобытной, оригинальной, доставляет большое творческое удовлетворение.

Московская встреча — новая замечательная возможность познакомиться с творчеством современных советских писателей, встретиться с коллегами и обсудить профессиональные проблемы переводческого дела — дела всей нашей жизни.

Генрика ВРОНЯТОВСКАЯ

(ПОЛЬША)

РУССКИЙ язык я изучила во время войны, находясь в Советском Союзе. В составе Первой польской дивизии, которая сформировалась и впервые вступила в бой у ставшего теперь историческим местечка Ленино, я участвовала в сражениях с фашистами. Понятно, что советские люди всегда будут для меня самыми дорогими друзьями.

На родине я продолжала внимательно следить за культурной и литературной жизнью СССР — и вскоре ощутила потребность попробовать себя в переводах с русского. Более двадцати лет назад я перевела рассказы Д. Мамина-Сибиряка, а затем пьесу С. Михалкова «Сомбреро». С тех пор в моем переводе на польском языке вышли произведения многих советских авторов: В. Катаева, Д. Гранина, Ю. Сотника и других.

Сейчас я закончила работу над переводом «Комиссии» С. Залыгина (я уже переводила его романы «На Иртыше» и «Соленая падь»). Недавно познакомилась с интересной книгой азербайджанского прозаика Акрама Айлисли «Люди и деревья», которую тоже скоро представлю на суд польских читателей.

Проблемам метода, а главное — качеству перевода уделено много внимания на встрече переводчиков в Москве. Трудно переоценить значение подобных совещаний — они очень много дают нам, специалистам, стремящимся как можно бережнее и тоньше перенести на свой язык всю ценность и достоинства оригинала.

Имре МАКАИ

(ВЕНГРИЯ)

МОЙ ИНТЕРЕС к произведениям русских классиков и мастеров советской литературы возник давно. С 1936 года я постоянно изучаю русский язык и вашу литературу. Меня всегда привлекало творчество Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Горького. Первый том «Тихого Дона» я прочел еще до войны на венгерском языке. Надо сказать, что с книгами советских авторов до освобождения нашей страны познакомиться было очень трудно, ибо их в хортистской Венгрии практически не издавали.

Переводами же я стал заниматься сразу после освобождения, вернее, когда еще в Будапеште шли бои. Вскоре у нас в моем переложении вышли две небольшие книжки с произведениями Горького и Пушкина. Учитывая огромный интерес читателей и в целях помощи изучающим русский язык, текст был напечатан на русском и венгерском.

Перечень моих переводов довольно велик. Но все-таки мне хотелось бы назвать здесь Гоголя («Портрет», «Шинель», «Невский проспект», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Старосветские помещики»), Толстого («Война и мир»), Чехова («Чайка», «Дядя Ваня»), Островского («Лес», «Таланты и поклонники»), Достоевского («Братья Карамазовы», «Идиот»). С большим увлечением шла работа по переводу «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Судьбы человека» и ряда ранних произведений Шолохова. Мне приятно, что знакомству венгерских читателей и зрителей с таким произведением советской литературы, как «Любовь Яровая» Тренева, помог мой скромный труд.

Я много перевожу также для журнала «Советская литература» на венгерском языке, куда недавно сдал рассказы Ф. Искандера. Сейчас на моем письменном столе — номер «Звезды», где опубликованы «Путевые портреты с морским пейзажем» В. Конецкого.

Я был участником первой и третьей московских встреч. Они всегда хорошо организованы, проходят интересно, и я уверен, что и нынешнее совещание поможет углублению духовного обмена между нашими странами.

Давид ЧАРИСЬЯН

(КУБА)

ВЮНОСТЬ я вступил поэтом, жадно поглощавшим любые сборники стихов и особенно любившим стихотворения Маяковского. Его переводы чудом дошли до моей страны, ибо советской литературе не давали тогда «виз» на Кубу. Первой настоящей встречей с литературой Страны Советов я обязан революции: в 1959 году, когда мне было 18 лет, в только что открывшейся книжной лавке в Гаване я купил «Педагогическую поэму» Макаренко. Меня поразило то, что все, написанное автором, было лишено какой бы то ни было риторики, а его персонажи были столь живыми, что их, казалось, можно было потрогать...

А затем — новые открытия: «Волоколамское шоссе» Бека, поэмы Маяковского и другие прекрасные книги, за которыми я каждую неделю приходил в ту же книжную лавку. Я и сейчас люблю их, считая, что вошел в советскую литературу через главные врата...

Самый близкий мне советский поэт и сегодня — Маяковский. Но я очень ценю Твардовского, люблю переводить Антокольского, Винокурова, Гамзатова, Мирзо Турсун-заде. Особый интерес у меня к армянским поэтам: Аветику Исаакяну, Егише Чаренцу, Сильве Капутикян и другим. Это легко объяснимо: я впервые в Советском Союзе, но мать моя — армянка.

Сейчас вместе с другими кубинскими поэтами перевожу антологию советской поэзии, которая будет издана к 60-летию Великого Октября. Меня поражает в вашей поэзии ее многообразие и ее единство. Мы, писатели социалистических стран, считаем себя поэтами единого сообщества, ибо у каждого из наших народов есть свои особенности, но существует и объединяющая нас идея.

Любой обмен мнениями означает взаимное обогащение. Много может дать сопоставление наших методов, хотя в переводческом деле, особенно в переводе поэзии, нет готовых рецептов. Мы используем сокровища советской поэзии, чтобы приумножить наше культурное достояние.

Фридрих ХИТЦЕР

(ФРГ)

МОЕ ЗНАКОМСТВО с русским языком и русской литературной классикой состоялось двадцать лет назад. Знакомство было простым — меня очень интересовали этот язык и эта литература, — но одновременно и сложным, ибо оно явилось началом моего политического развития. Книги Гоголя, Достоевского, Толстого, Тургенева открыли мне духовные богатства, о которых я и не подозревал, будучи типичным западногерманским студентом послевоенного времени, а критические статьи русских революционных демократов Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского буквально подвели меня к изучению философии Гегеля и позже — к марксизму.

В отличие от многих, имеющего хождение в литературоведении Запада, я глубоко убежден в том, что советская литература основывается в своем развитии на замечательных культурных традициях России XIX — начала XX века. Именно поэтому моя переводческая деятельность идет в весьма широком диапазоне — от «Писем» Достоевского, которые были изданы мною в ФРГ в 1965 году, до стихотворных переложений Е. Винокурова, А. Вознесенского, Л. Мартынова, Р. Гамзатова, составивших в 1972 году специальный номер журнала «Кюрбискерн», который я редактирую.

Никакая литература сегодня не может развиваться изолированно, и потому я считаю переводческую деятельность неотъемлемой частью литературного процесса в каждой стране. Традиции переводческого искусства в СССР (как в теории, так и в практике) поистине поразительны. Вот почему регулярные встречи в Москве мне представляются необходимыми для нашего дальнейшего творческого роста.

Мадлен БРОН

(ФРАНЦИЯ)

НАШЕ издательство «Эдитер франсе реюни» возникло на базе двух других, основанных в период Сопротивления. Сразу же после освобождения Франции оно развернуло деятельность, целью которой было широкое знакомство читателей в нашей стране с советской литературой.

Все участники французского Сопротивления с пылкой признательностью произносили названия — Москва, Ленинград, Сталинград... Огромные жертвы, понесенные советским народом в борьбе с гитлеризмом, явились как бы новым мощным призывом к познанию культурного наследия и современной литературы наших друзей. Свою работу мы начали с публикации собраний сочинений М. Горького и А. Чехова, потом выпустили произведения М. Шолохова, В. Ажаева, С. Антонова, И. Эренбурга, чей роман «Падение Парижа» недавно переиздали. «Чапаев», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», «Сережа» и у нас стали классикой.

Могу сказать, что благодаря нашим усилиям были опубликованы книги сотен русских и советских авторов. Такие писатели, как Г. Николаева, Ч. Айтматов, В. Аксенов, теперь хорошо известны французским читателям.

Лично мне особенно нравится проза Чингиза Айтматова: его повесть «Джамиля» пользуется неизменным успехом и часто переиздается. Фильмы, снятые по его книгам «Прощай, Гульсары» и «Первый учитель», заставили еще больше полюбить талант их автора.

Нашей гордостью является Владимир Маяковский, избранные произведения которого в переводе Эльзы Триоле уже давно изданы нами. Сейчас готовим полное собрание его сочинений, куда войдут не только стихи, проза, пьесы поэта, но и его рисунки.

Без превосходной работы лучших переводчиков с русского нельзя было бы осуществить эту дружескую связь наших культур. Встречи писателей, переводчиков, издателей очень полезны, потому что ничто не может заменить личного товарищеского общения. Это одна из причин, по которой я в качестве генерального директора издательства снова участвую в московской встрече.

Михаил ДУДИН:

СЛУШАТЬ ВРЕМЯ

Сумка почтальона, приносящего в правление Ленинградской писательской организации корреспонденцию, в эти дни переполнена почтой для М. А. Дудина. Поэту исполнилось 60 лет, ему присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Письма, бандероли, телеграммы отмечены штемпелями самых разных городов, поселков, селений страны. Много писем приходит от читателей, знающих Михаила Александровича по литературным произведениям, от людей, чьи заботы, интересы, дела так или иначе попадали в орбиту большой общественной работы поэта как депутата Верховного Совета РСФСР и председателя Ленинградского комитета защиты мира. Читательская почта, пусть даже и связанная с юбилеем, — чуткий барометр признания писательского таланта.

— Вашу первую юношескую книжку стихов «Лиственный» и последнюю, только что вышедшую в Лениздате «Лирику» разделяют 36 лет. Срок внушительный. В чем вы, Михаил Александрович, видите свое призвание поэта?

— Как-то в детстве я вместе со своим одноклассником Мишей Губновым обнаружил в журнале схему детекторного приемника. Достав разные клеммы, провода, мы смастерили приемник, и, к нашему изумлению, он вдруг заговорил. Вся деревня ходила к нам слушать Москву, а я, мальчишка, переживал счастливейшее ощущение надобности людям, своей причастности к той радости, которую им доставлял «говорящий ящик».

Вот это ощущение очень близко к тому чувству, которое с годами пришло ко мне как к поэту. Радость — от созданного тобой, счастье — что это созданное необходимо людям. И я поверил: если доведется остаться на войне живым — буду поэтом.

— Было ли для вас естественным, закономерным, сняв шинель солдата двух войн, заняться большой и ответственной работой, которую вы уже многие годы ведете, борясь за мир? И особенно на нынешнем посту председателя Ленинградского комитета защиты мира?

— Это чувство, думаю, закономерно не только для меня, но и для всех, кто пережил войну с фашизмом. Мы воевали ради того, чтобы на земле больше никогда не было войн. Война — это самое страшное проклятие рода человеческого. И если я и другие писатели моего поколения до сих пор не можем забыть, пишем о ней, то делаем с единственной целью: это не должно повториться! Пусть память о миллионах невернувшихся с полей сражений с фашизмом вечной тревогой стучит в сердцах людей всей планеты! Пусть то, что делает и делает сейчас наша страна по разрядке международной напряженности, укреплению дружбы народов, станет делом чести и совести каждого честного человека. Его личной заботой. Личной ответственностью.

— Недавно опубликовано постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». Какой совет-напутствие вы, перешагнувший 60-летний рубеж, могли бы дать начинающим литераторам?

— Серьезно учиться у жизни, учиться слушать Время. Помогать человеку быть чище, нравственнее, ответственнее за все, что происходит рядом с ним и на всей земле.

В. ВИСТУНОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»
ЛЕНИНГРАД

СЛАВНЫЙ СЫН РУМЫНСКОГО НАРОДА

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ПЕТРУ ГРОЗА

В СЕРИИ «ЖЗЛ» вышла книга о Петру Гроза — славном сыне румынского народа, верном друге нашей страны. Это рассказ о большой жизни, прослеженной Феодосием Видрашку от рождения своего героя до того последнего вечера в январе 1958 года, когда председатель Президиума Великого национального собрания Румынии — человек, снедаемый неизлечимой болезнью, — позвал попрощаться самых близких своих товарищей. Придя к умирающему, они были немало смущены и празднично накрытым столом, и безукоризненно элегантным видом хозяина. Оставляя гостей в застолье, стараясь при этом как можно выше держать свою седую голову, Петру Гроза сказал тогда свои последние в жизни слова: «Оставайтесь здоровыми, друзья мои... Я пошел умирать...»

Поразительно много вобрали в себя 74 года этой жизни — и того, что психологически неповторимо ни в какой другой судьбе, и того, что органично принадлежит самой эпохе. Есть человеческие судьбы, которые смело можно назвать судьбой народа, их породившего. Такой была жизненная история Петру Гроза. Он был подлинным вождем «Фронта земледельцев», родившегося в огне стихийных крестьянских выступлений против невыносимого гнета в боярской Румынии, выросшего постепенно в сильную демократическую организацию, которая тянулась ко всему революционно-передовому в стране, и прежде всего к союзу с рабочим, коммунистическим движением. Это был путь румынского крестьянства — и путь Петру Гроза, прошедшего через иллюзии буржуазного парламентаризма и сепаратизм крестьянского бунта, узнавшего фальшь и продажность политических краснобаев, звериную ярость фашизма в его националистическом обличье. Путь борца, испытанного подпольем и застенками, обретающего строгие критерии классового подхода к общественным явлениям, пережившего горькую смуту первых месяцев, когда Румыния порвала с гитлеризмом, но еще оставалась во власти продажных политиканов. Многому научившись у таких видных руководителей Румынской коммунистической партии, как Георге Георгиу-Деж и его товарищи, Петру Гроза выковал в себе черты подлинно народного вождя, стал в конце концов во главе целой нации. Видный ученый и политический деятель, доктор права, Петру Гроза был избран премьером первого в истории Румынии подлинно демократического правительства.

Для людей нашего времени фигура замечательного румына стала поистине символом того могучего процесса, с которым всякий истинный демократизм, истинные национальные чаяния неизбежно обращаются к делу коммунистов, — настоящая свобода и счастье народное могут быть достигнуты только под марксистско-ленинским знаменем! В этом смысле фигура Петру Гроза выступает по-особому крупно и выразительно.

Она выразительна тем более, что именно с Петру Гроза связаны первые исключительной важности документы послевоенных румыно-советских отношений, исторические акции, что легли в фундамент нынешней братской дружбы двух социалистических стран. То, что сделал Петру Гроза во имя этой дружбы, есть лучший пример интернационализма — практически действенного, несущего благо целым народам! «Гордый тем, что наша страна является составной частью непобедимого социалистического лагеря — самой могучей силы, поставленной на службу мира и социального прогресса, Петру Гроза внес огромный вклад в укрепление единства и сплоченности социалистических стран во главе с Советским Союзом, в развитие дружественных братских связей между этими странами», — говорилось в сообщении партии и правительства Румынии по поводу кончины Петру Гроза.

Бурная и богатая жизненная канва, драматизм и сложность общественно-исторических событий, в центре которых оказался Петру Гроза, наконец, сама его незаурядная человеческая личность — все это воздвигало перед автором книги немало творческих проблем. Ведь он взялся рассказать о герое, который через всю жизнь пронес исключительную верность своим политическим идеалам, неизменность цели и вместе с тем столь явно и стремительно менялся вместе с действительностью, с самой народной жизнью, все решительнее поворачиваясь к свету великой правды века... В потоке документально-исторического материала — стенограмм, речей и газетных цитат, хроник и политических деклараций — автор книги, воссоздавший и биографию героя, и летопись событий едва ли не за полвека, не потерял живого, неповторимого, самобытного человеческого характера.

Перед нами возникает поистине крупная личность, незаурядная в своем мироощущении и миропонимании, в любой жизненной реакции. Автор использует в повествовании многие письма, записи речей, рукописи Петру Гроза, наконец, его тюремный дневник, этот поистине уникальный документ, публикуемый на русском языке впервые, — все, в чем личность героя выявляется как бы сама собой, в своей совершеннейшей непосредственности.

Помогли живому воссозданию характера и знание автором той страны, людей, среди которых жил и боролся Петру Гроза, чувство неповторимых просторов Румынии, ее обычаев и нравов, фольклора.

Книга «Петру Гроза», богато иллюстрированная, увидела свет в дни, когда все мы переживаем события исторического визита товарища Л. И. Брежнева в социалистическую Румынию, ту сердечную встречу, которая была оказана Генеральному секретарю ЦК КПСС румынским народом и его руководителями, те решения, исключительно важные для всего дальнейшего развития советско-румынских отношений, что были приняты во время этой встречи. «...Главное состоит в том, — говорил товарищ Л. И. Брежнев в Бухаресте, — что дружба наших социалистических стран становится кровным делом миллионов и миллионов советских и румынских трудящихся, входит в их сознание, их сердца».

Этому великому делу была посвящена вся жизнь Петру Гроза, и именно в этом заключается главная мысль книги, ее пафос.

В. АЛЕКСЕЕНКО

Феодосий Видрашку. «Петру Гроза». Главы из книги. Журнал «Новый мир». №№ 10, 11, 1976.

Феодосий Видрашку. «Петру Гроза». Издательство «Молодая гвардия» («Жизнь замечательных людей»). М. 1976.

«МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ...»

Борис ХОТИМСКИЙ

«СЛОВО И ДЕЛО», «РАДИ БРАТИИ СВОИХ...», «ЕВПРАКСИЯ», «МЛАДШИЙ СЫН» — НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

ИЗ-ЗА НЕУМЕРЕННО частого применения оно стало едва ли не литературоведческим клише — словосочетание «связь времен», само по себе достаточно точное и емкое. И — такова уж природа примелькавшихся выражений — может представиться, будто нет уже никакой необходимости еще хоть раз призадуматься: а что же именно подразумеваем мы в каждом конкретном случае, когда сегодня (именно сегодня, а не вчера и не позавчера!) читаем, пишем, произносим два этих неразлучных слова? Современность авторской позиции? Злободневность звучания? И — перефразируя хрестоматийное изречение Гераклита Эфесского — можно ли дважды проследить одну и ту же «связь времен» в различных явлениях исторической прозы? Отличается ли в этом смысле тот либо иной исторический роман, созданный только что, от предшествующих произведений того же жанра, появившихся давным-давно или сравнительно недавно? Не может не отличаться. Потому что не может художник наших дней воспринимать и воссоздавать былое в точности так же, как, скажем, лет сто тому назад.

В своей работе «Русская историческая мысль и Западная Европа» (издательство «Наука». М. 1976) М. А. Алпатов, говоря о взглядах В. Н. Татищева на историю, напоминает, «что история не есть только взгляд в прошлое, она выступает как двуликий Янус, который о «прошедшем обстоятельно знал и о будущем из примеров мудро рассуждал». На первый взгляд может показаться, что речь идет о чем-то неизменном, непреходящем, что о связи исторических экскурсов чуть ли не с задачами футурологии говорилось одно и то же со времен Татищева и по наши дни. Но вспомним-ка, сколь существенные изменения претерпевало понимание и толкование одних и тех же исторических явлений историографами и литераторами разных времен.

Почти век спустя после появления написанного все тем же Татищевым первого и во многом спорного труда по отечественной истории Иван Лажечников создает известный и также кое в чем спорный исторический роман «Ледяной дом», в котором — говоря об Анне Иоанновне, Бироне, Волынском, Тредиаковском — косвенно откликается и на явления политической жизни российского общества своего времени. Но вот появляется роман современного прозаика Валентина Пикуля «Слово и дело» (Лениздат, 1975) — здесь мы находим принципиально новое осмысление того же материала — дерзкое, неожиданное...

Современность авторской позиций, понятно, может быть проявлена и при разработке такого исторического материала, который прежде не находил отражения в художественной литературе. Примером тому может служить творчество Николая Задорнова, и в частности новый его роман «Симода» (издательство «Советский писатель». М. 1975) — о заключении первого договора между Россией и Японией.

НЕ СТОЛЬ давно наша общественность обратила внимание на то, что в некоторых произведениях исторической прозы появилась неоправданная идеализация иных монархов и патриархальной старины. Об этих настораживающих явлениях сказала свое принципиальное слово и литературная критика. И, естественно, сегодня возникает потребность взглянуть, избавилась ли наша историческая проза от указанных в свое время недостатков...

Издательство «Молодая гвардия» в серии «Пионер — значит первый» выпустило повесть Юрия Овсянникова «Ради братней своих...» (М. 1975) — о русском первопечатнике Иване Федорове. Наряду с главным героем здесь изображается Иван Грозный — личность сама по себе более чем противоречивая. Не стану отвлекаться экскурсами в те прецеденты крайностей, которые в свое время допускались как историками, так и литераторами в трактовке и оценке деяний этого царя. О том уже немало сказано, повторять общеизвестное нет смысла. Ю. Овсянников, разумеется, не может не упоминать таких известных черт «жестокого царя», как подозрительность, мнительность, вспыльчивость. Но в том-то и дело, что негативные черты эти именно упоминаются, в то время как черты привлекательные показываются, причем вполне ярко и убедительно (в авторских комментариях, в диалогах царя с Федоровым и особенно в сцене возвращения из Казани). А всю вину за массовые репрессии Ю. Овсянников фактически сваливает лишь на изменника Курбского, на лютых злодеев-опричников и прочих «помощников» государя. Хотел того автор или нет, но на протяжении всей повести достаточно громко звучат мотивы пресловутой байки о добром царе-батюшке и злых его боярах.

Несколько иную картину видим мы в историческом романе Валерия Полуйко «Лета 7071» («Сибирские огни». №№ 3, 4, 5, 1976), где предпринята попытка более глубоко и объективно разобраться в политических и нравственных истоках тех либо иных деяний Ивана IV. Особенно интересен в этом смысле диалог царя с дьяконом — полемика о правде, правоте и справедливости, — в котором сталкиваются две крайние и равно ошибочные точки зрения спорящих: доброе непротивление злу и утверждение добра посредством зла...

Конечно, не следует забывать либо замалчивать объективные исторические заслуги Грозного, но при этом нельзя прощать, нельзя оправдывать или затушевывать его достаточно известные безнравственные поступки.

В Пермском книжном издательстве вышла книга исторических повестей А. Домнина «Матушка-Русь» (1975). В нее включена ранее издававшаяся одноименная повесть, в которой писатель делится небезынтересной, но небесспорной гипотезой о личности автора «Слова о полку Игореве». Дело, однако, не в спорности версии, на изложение которой художник в конце концов имеет право, коль скоро истина наукой еще не установлена. Дело в субъективном искажении некоторых объективных исторических явлений. Вот что, в частности, пишет А. Домнин о процессе введения христианства на Руси: «...с радостью обратились славяне к новой Христовой вере, запретившей убиение и жертвоприношение. И еще потому новая вера в единого бога пришла ко времени, что подступили к Руси враги-печенеги и надо было объединить разрозненные племена кривичей, полян, древлян и иные под одним стягом..., свергнув родовых богов». На первый взгляд все здесь убедительно. Но при более внимательном прочтении... Разве только «родовых» богов пришлось свергнуть при введении христианства? Разве до Ольги и Владимира не подступали к Руси печенеги и другие кочевники? Разве после введения христианства не терзали Русь пагубные перед лицом вражеских нашествий междоусобицы? Что же касается всеобщей «радости»... Не оспаривая исторического значения крещения Руси, уместно напомнить, что процесс этот происходил не вдруг и отнюдь не безболезненно, свидетельства тому есть. В том числе и летописные. Известно, например, что в XI веке в Новгороде восстали представители старой языческой религии. На стороне христианского духовенства выступили князь и дружина, а за языческими волхвами пошла вся народная масса. Может ли современный писатель игнорировать подобные свидетельства и безоговорочно повествовать о вышеупомянутой якобы всенародной «радости»?..

ПОЖАЛУЙ, наиболее убедительным свидетельством того, что писатель обращается к исторической тематике, отнюдь не стремясь при этом уйти от насущных вопросов своего времени, является сочетание в творчестве одного и того же автора произведений, посвященных как истории, так и современности. В этом смысле весьма показательно творчество Павла Загребельного. Так, перед новым романом «Разгон», посвященным труду советского ученого, писатель создал четвертый свой роман о Киевской Руси — «Евпраксия» (издательство «Днипро». Киев. 1975). В предисловии к «Евпраксии» говорится: «...автору хотелось, исходя, ясное дело, из его скромных сил, осуществить своеобразные художественные исследования народных судеб, каждая из которых не утратила своего значения и сегодня». Но не только в прямых авторских высказываниях, а прежде всего в самом творчестве П. Загребельного ощущается настойчивое стремление проследить исторические корни нынешних и будущих явлений. Поэтому на протяжении ряда лет он периодически то обращается к деяниям давних предков, то снова возвращается к делам современников.

Разумеется, и те наши писатели, которые посвящают свое творчество исключительно ретроспективной теме, все равно так или иначе обращают взоры к настоящему и будущему времени. Примечательно в этом плане творчество Дмитрия Балашова — писателя, ученого. Его исторические полотна не первый год привлекают яркостью красок и смелой уверенностью мазка, основательным знанием материала и горячей пристрастностью к объекту изображения. Вслед за повестью «Господин Великий Новгород» и романом «Марфа-посадница» появилось новое его произведение — роман «Младший сын» («Север». №№ 10, 11, 12, 1975). Само название здесь не случайно и наделено неоднозначным смыслом. Один из первоплановых героев романа, будущий московский князь Данила — младший сын Александра Невского. Другой герой, едва ли не первостепенный в произведении, Федор — младший сын простого ратника. Судьбы двух этих «младших сыновей» то расходятся, то, встретясь, вновь переплетаются среди множества других человеческих судеб, среди бурных событий того давнего века.

В самом начале повествования перед читательским взором предстает величественная фигура легендарного князя Александра Ярославича. Летописцы и писатели, живописцы и кинорежиссеры — кто только не вдохновлялся образом героя битвы на Неве и Ледового побоища, полководца и дипломата! Но такого, каким показал его Д. Балашов, — уже постаревшего и еще могучего, терзаемого сомнениями и решительного, цельного и противоречивого, — такого князя Александра мы доселе не знавали.

В романе беспощадно бичуются алчность, жестокость, своекорыстие притеснителей народа и всяческих блюдолизов, безоговорочно осуждается пагубная для Руси междоусобица, убедительно показывается бедственное положение трудовых слоев населения, страдающих под гнетом иноземных и доморощенных стяжателей. И пишется здесь о несветлых сторонах отечественной истории с таким уважением к ней, с такой болью, с таким небезразличием, что невозможно читательскому сердцу, если оно не зачерствело безнадежно, не откликнуться на эту боль художника, не разделить с ним этого небезразличия к судьбе своего Отечества.

Чрезвычайно интересно противопоставление в романе пассивного и активного начал, олицетворяемых прежде всего в образах кроткого княжича Ивана и ратника Федора, несущего в себе лучшие черты народного характера. Оба, казалось бы, стремятся служить добру и справедливости. Но службу эту каждый из них несет по-своему. Так, Иван проповедует непротивление злу, покорность неизбежной судьбе, уповая на одну лишь любовь к ближнему. Федор же, отнюдь не исключая любви к ближнему, но вынужденный непрестанно сталкиваться с порождаемыми действительностью жестокими альтернативами, «упрямо полагал..., что все-таки жизнь идет не сама по себе, что делают ее люди, мы, живые, и от наших усилий, сообча, миром, происходит то, что потом назовут божьим промыслом, или историей, или еще как-нибудь, мудреными словами, ученые люди. Но что ежели бы оно шло само, без нашей воли и помимо воли, то и жить бы тогда не стоило вовсе в этом грешном мире, на этой суровой земле». Таково кредо Федора, в нем — непреходящая нравственная ценность. Именно такие строки придают исторической прозе злободневность звучания.

Человек — творец истории в прошлом, человеку вершить ее и в будущем. Об этом и напоминает еще раз современному читателю роман «Младший сын». Иллюстрация тому — весь жизненный путь ратника Федора и его глубокая убежденность в исторической миссии каждого человеческого деяния, в ответственности человека перед грядущими поколениями. О том же по-своему размышляет в романе и Александр Невский: «Искать неизбежности, доказывать, что именно так, не иначе, должна была, не могла не потечь река-история, будто история существует сама по себе, без людей, без лиц. Будут говорить о ее непреложных законах, ибо видна река, но не камень, повернувший течение ручья...»

А ведь куда потечет завтра «река-история», зависит от нас, сегодняшних, — и к этому, по сути дела, сводится ощущение и осмысление «связи времен» в лучших из новинок исторической прозы.

ПОХВАЛА АФОРИЗМУ

О КНИГЕ Вл. ВОРОНЦОВА «СИМФОНИЯ РАЗУМА»

СТАРЕЙШИЙ вид словесного искусства, рожденный еще в дописьменные эпохи — афоризм, — снискал в последние годы всеобщее внимание.

Это явление родственно возрождению сонета, обретшего новую жизнь под могучим пером Максима Рыльского. Оно сходственно с мелодиями, зазвучавшими в наши дни из глубины веков благодаря стараниям Александра Юрлова. Оно под стать тому всенародному интересу, которым окружила современность мозаики Киева, живопись Андрея Рублева и Феофана Грека, зодчество Владимиро-Суздальской земли.

Существует давняя книжная традиция, связанная с любовью к крылатому слову. Если попадется на глаза старинный рукописный сборник «Пчела», знайте, что перед вами — собрание мудрых мыслей, бывших в ходу в допетровскую пору. Предки знали цену меткому выражению. Через столетия прокатилось: «Иду на вы». Поражает афористичность «Слова Даниила Заточника»: «Не море топит корабли, но ветры...»

Новое время — новые песни, точнее — новые изречения, которые особенно полюбились. Сборники устной и книжной мудрости вошли в постоянный обиход. Многие поколения увлекаются «Крылатыми словами» Сергея Максимова, произведением, написанным свежим, кратким и ясным языком; как отрадно иметь на письменном столе во время работы «Меткие и ходячие слова» Михельсона, «Литературную речь» Овсянникова, «Крылатые латинские выражения» Овруцкого, «Крылатые слова» Ашукина и Ашукиной... В начале семидесятых годов издательство «Прогресс» выпустило «Афоризмы (по иностранным источникам)» — книга была встречена с интересом, ибо расширяла число обычно цитируемых авторов.

Ныне появилась «Симфония разума», изданная любовно и тщательно «Молодой гвардией». Книга вобрала размышления и опыт многих поколений разных стран и народов.

Значительный по размерам сборник (свыше шестисот страниц!) примечателен смелым и широким обращением к современности. Это сказалось прежде всего в тематике глав. Наряду с традиционными разделами о смысле жизни, о мудрости, уме и глупости, о характере и пр. введены такие разделы, как «Русский язык», «Могущество слова», «О красноречии», «О выборе книг», «О фантазии, гипотезах и дерзании», «О значении опыта и эксперимента», «Об умении беседовать» и т. д. Читая предельно насыщенные главы (каждое слово — золото или серебро), невольно вспоминаешь ленинскую мысль: «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений».

Вл. Воронцов широко использовал материалы, которые в наше распоряжение предоставляет быстротекущая действительность. До появления «Симфонии разума» собиратели и составители охотнее всего обращались к античным и средневековым мыслителям, к Ларошфуко, Гёте, Шопенгауэру, Пушкину, Грибоедову, Крылову... Издавна существует традиционный список авторов, чьи суждения обладают глубиной и красотой мысли, внезапной убедительностью, краткостью и точностью формы. Читатель даже привык к тому, что афоризм, изречение, сентенция, максима — «мудрость веков».

Создатель новой книги-композиции вводит в привычный афористический контекст «мудрость дня», связанную с двадцатым столетием, с его последними десятилетиями, с политической борьбой, художественными обретениями и утратами. Шаг этот совершенно верен, ибо, как однажды сказал Леонид Леонов, от современности сбежать можно только в могилу.

Вл. Воронцов охотно и обильно цитирует Пришвина, Маяковского, Фадеева, Ал. Толстого, Ф. Гладкова, Форш, Упита, а также Шолохова, Леонова, других ныне живущих писателей. Нет никакого сомнения, что полезная работа по освоению новых литературных источников должна быть продолжена. Вспомним, что в свое время Георгий Чулков открыл для широких читательских кругов афористичность стихов и прозы, устных высказываний Федора Тютчева, опубликовав «Тютчевиану», ставшую ныне библиографической редкостью.

В народный фразеологический обиход с времен Великой Отечественной войны прочно вошли поэтические афоризмы Исаковского и Твардовского, бытующие в народе наряду с пословицами и поговорками. В самом деле, трудно, например, найти у нас человека, который бы не знал: «Если смерти, то — мгновенной, если раны — небольшой». Или: «Бой идет не ради славы, ради жизни на земле». Пора этим поистине народным афоризмам дать место на страницах сборников. Можно назвать и другие литературные источники, на которые обратить внимание, несомненно, следует.

Своеобразной увертюрой к «Симфонии разума» служит раздел-глава «Об афоризмах», показывающий на разнообразных примерах, как большое содержание может быть удачно выражено в немногих словах.

Мы воочию видим, что народная мудрость высказывалась обыкновенно афористически. Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. Недаром Михаил Шолохов писал: «Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах». Рядом с великим автором и редактором — Народом — живут и высказывания, на которые мы постоянно ссылаемся, не думая, что они принадлежат они, скажем, Пушкину, Крылову, Грибоедову. Анонимность бытования во многих случаях — высшая похвала создателю.

Максимы — соль литературы, и те книги наиболее питательны, что изобилуют ими. Афористичность стиля — вернейший и несомненнейший признак писательской даровитости. Перечитайте с этой точки зрения великие книги — и вы убедитесь, что изящество, гибкость, музыкальная насыщенность стиля почти всегда соседствуют с такими достоинствами, как точность, выразительность, образность, метафоричность.

Я не верю в то, что афоризм можно «сочинить». Своеобразный литературно-философский жанр живет по тем же законам, что и стихотворение, поэма, роман...

В народной толще повсеместно бытуют и действуют, выполняя полезнейшую работу, афоризмы, слетевшие в мир со страниц произведений Максима Горького, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Алексея Толстого, Михаила Пришвина, Николая Тихонова, Александра Твардовского, Михаила Шолохова, Леонида Леонова.

Давно и надолго было сказано: «Мы должны сохранять память не об одних только деяниях людей, но и об их словах. Настоящее хранилище этих слов, этих сказаний — это сборники речей, посланий и изречений». Невозможно с этим не согласиться, когда держишь в руках сборник, продолжающий славнейшую традицию. Многие главы составлены так, что воспринимаются как новеллы со сквозным сюжетным действием.

«Симфония разума» рассказывает о том, как в наши дни откровения мудрых входят в современность, как делаются они всеобщим достоянием. Множество высказываний последовательно, емко и остроумно показывают, как обретается истина, не находящаяся в готовом виде, — она требует, чтобы ее искали, добывали и распознавали самостоятельно.

Чему учит весь сборник — это, несомненно, умению мыслить, а следовательно, и говорить коротко, образно, точно, просто о сложном и глубоком. Невозможно не привести хотя бы несколько выразительных высказываний — их, ей-ей, надлежит прочно усвоить.

Много говорить и много сказать не есть одно и то же.

О вещах серьезных следует говорить просто: напыщенность тут неуместна: говоря о вещах незначительных, надо помнить, что только благородство тона, манеры и выражений может придать им смысл.

Слово есть поступок.

Я с удовольствием привожу эти высказывания, не сомневаясь в том, что читатели испытывают наслаждение, знакомясь с тем, что не худо знать каждому. Великие истины, вообще-то, просты.

Конечно, можно поспорить, насколько удачно распределение афоризмов по разделам. Но отнесение по главам для любой книги такого рода — самое уязвимое место. Все мы любим и вкушаемся собранием пословиц и поговорок, составленным великим Владимиром Далем, но до сих пор не утихают споры о том, куда следовало бы отнести то или иное речение. Лично мне представляется, что в «Симфонии разума» размышления об афоризме как литературном жанре следовало бы объединить с главой «Об умении беседовать». Или поместить их рядом. Ведь афоризм в монологическом сочинении редок, чаще всего произносится он в диалоге — вспомним, как наполнена образными высказываниями речь героев Грибоедова, Островского, Булгакова, басни Крылова и стихи Ивана Никитина, насыщенные афоризмами диалогичны. Острое словцо любит вспыхнуть в споре.

Завидна участь «Симфонии разума». Перед нами — книга надолго. Думаю, что в интересах читателя потребуется не одно ее переиздание.

Евгений ОСЕТРОВ

СРЕДИ КНИГ

АНФАС

II

В ПРОФИЛЬ

Дружеские шаржи Н. ЛИСОГОРСКОГО

Виталий КОРОТИЧ

Евгений ИОСОВ

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Языком графики

М. Осис. «За Родину, за Октябрь». Журнал «Карогс», № 11, 1976. Рига.

читая журналы

ОБРАЗ РОДИНЫ

ГЕРОП повести Александра Русова «Линия в пространстве» мысленно вычерчивает на карте треугольник, линии которого соединяют Москву, Ереван, Ташкент. Тут же в его сознании возникает еще один треугольник, поменьше: Ташкент — Самарканд — Бухара и как «отклонение от симметрии» — крошечный хвостик Бухара — Гиждуван. По этому маршруту и поведет автор читателя в своей новой лирико-публицистической повести.

Сюжет повести неприхотлив. Молодой ученый Сергей Бирюков занимается созданием нового синтетического материала, в этой же области работают и его ташкентские друзья Ахат и Мунир. И вот командировка к Ташкент, чтобы «объединить усилия». Однако не только научные проблемы в центре внимания писателя: главное, что волнует и автора, и его героя, — познание Средней Азии, ее людей, обычаев, культуры, познание Родины. На узбекские впечатления накладываются воспоминания о недавней поездке в Армению к однокашнику по аспирантуре Ашоту. Повествование так и идет в параллельных планах и только однажды прерывается воспоминанием о Москве, о послевоенном детстве. Такая свободная, раскованная форма изложения отнюдь не мешает целостному восприятию повести. Обилие впечатлений, встреч объединено стремлением автора как можно полнее воссоздать образ двух увиденных республик.

Сергей Бирюков вдумчив и сосредоточен: у него ответственная роль — он глаза и уши читателя, мы доверяем ему, его взгляду. В нем находит внимательного собеседника, благодарного гостя, человека наблюдательного, живо интересующегося национальной культурой. Вот, скажем, знаменитое восточное гостеприимство. Атмосфера открытости и радушия, исходящая от всех без исключения, с кем бы ни пришлось столкнуться герою, готовность отложить все свои дела, чтобы помочь незнакомому человеку, просто ошеломляют его. Но, оказывается, гостем на Востоке быть не так-то просто. Вспоминая дома Армении и Узбекистана, в которых его принимали, герой определяет для себя достаточно ответственную этику поведения: «Как не подумать о том, что гостеприимство вообще и особенно гостеприимство как национальная черта, помимо удовольствий, которые испытывает гость, таит в себе нечто более серьезное, может быть, даже опасное. Это огонь, который может согреть, но может и обжечь. Испытание, которое укрепит сильного и сломит слабого. Говорят, что счастье пережить труднее, чем несчастье. Гостю дают аванс. Его искушают счастьем стать тем, кем хотят его видеть гостеприимные хозяева, или, может быть, даже он сам. И от гостя зависит, принять ли все это в долг или как должное, воспринять как степень доверия или воспользоваться своим положением гостя, как пользуется жулик фальшивым чеком. Словом, восточное гостеприимство — это не только искусство вежливости, но и экзамен на зрелость».

И герой с честью выдерживает этот экзамен. Он подготовлен к нему предыдущей своей жизнью. Но здесь, в Узбекистане, многое в себе становится ему понятней, ясней. Герой опосредованно — через местный быт, культуру (описание музеев, памятников старины, в особенности Бухары и Самарканда, занимает в повести большое место, обнаруживая в авторе ценителя искусства), людей, которые его окружают, — познает себя, истоки собственного характера.

«По мере того, как знакомишься с республикой друзей, она оживает в тебе, и ты наполняешься ею, как тот сказочный колодец, который никому не удалось до конца наполнить. Между тобой и твоими друзьями возникают дополнительные, невидимые, но прочные линии связи. Армянин, узбек и русский объединились в тебе, и ты теперь уже не можешь полностью отделить себя от каждого из них, как не можешь разделить себя на того, кто работает в лаборатории, кто рисует дома, в библиотеке или на улице, и того, кто пьет чай в чайхане со своими друзьями». В этом открытии, вероятно, и есть главный нравственный урок, полученный им в путешествии.

Командировка подошла к концу. Сергей улетает в Москву, ощущая самую тесную связь с друзьями, которых у него за это время появилось немало, обогащенный новыми знаниями о нашей огромной многонациональной Родине. Путешествие, которое мы совершили вместе с А. Русовым, было увлекательным и поучительным.

О. БОРИСОВ

МОСКВА

Александр Русов. «Линия в пространстве». Повесть. Журнал «Знамя», №№ 6—7, 1976.

ДВА МНЕНИЯ

О повести Ф. Искандера «Морской скорпион»

МИЛАЛ СУЕТА БЕССОЗНАТЕЛЬНОСТИ?

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

ПОВЕСТЬ Ф. Искандера «Морской скорпион», напечатанная в №№ 7, 8 «Нашего современника», — вещь настолько любопытная и противоречивая, что, на мой взгляд, не пройдет мимо внимания к читателей, и критики.

Противоречивой повесть Ф. Искандера выглядит потому, что проблема места человека в жизни, его любви и счастья решается в ней «оригинально»: мещанство в любви, любовь и счастье на фоне мещанства.

Морской скорпион, давший название повести, — небольшая хищная рыбка, довольно красивая, но норовящая обязательно кольнуть ядовитым плавником все живое, ставшее у нее на пути. У Ф. Искандера этот мелкий хищник символизирует, по-видимому, современного воинствующего мещанина, мещанина эпохи научно-технического прогресса: интеллигентного, имеющего кандидатскую степень, хорошо разбирающегося в Рембрандте, являющегося докой по части идеологии древней Спарты и, кроме того, по части женщин.

Сюжет повести, а вернее — внешняя коллизия ее, ибо произведение Ф. Искандера, по существу, бессюжетно, довольно прост. Морской скорпион, пойманный на удочку главным героем, колет ядовитым плавником его в ногу. Боль, страх, переживания вызывают у Сергея Башкапсарова лавину воспоминаний. Перед ним проходит вся его короткая жизнь, порождая внезапное озарение, что, дескать, дар жизни должен быть связан не с такими преходящими вещами, как любовь женщины, научная карьера, гармония семейной жизни, а с чем-то совершенно другим. Сознание и счастье несовместимы, начинает понимать герой. «Счастье — это попытки уйти от сознания. Это попытка целиком окунуться в милую суету бессознательности» — помогает ему автор. Вывод, если это действительно вывод всерьез, по крайней мере, очень спорный.

Но не будем спешить с оценками, так как прошедшая перед нами жизнь главного героя, а точнее сказать — антигероя, все же весьма и весьма поучительна. Стремясь целиком окунуться «в милую суету бессознательности», Сергей на протяжении всей повести ищет «ту» девушку — единственную, с которой будет счастлив до конца дней. Не найдя ее сразу, он в промежутке между поисками не стесняется приобщиться к «не тем» — другим. Этакий юный ловелас, которому не везет, хотя то и дело встречается что-то зыбкое, дрожащее, меняющееся, подобно теням брюсовских «летающий на эмалевой стене». Однажды в метро его внимание привлекает «необычайно приподнятый разрез глаз, тяжелые нежные веки и весь ее акварельный облик, меняющийся, пульсирующий...». В другой раз встретилась «...вялая яркость этой девушки, ее порывистая живость и бессильные угасания, переходящие в сгорбленность под тяжестью собственной грации».

Отношение автора к своему антигерою тоже, скажем прямо, сложное и противоречивое. Он то бичует его мещанскую сущность, вернее — позволяет Сергею самобичеваться, то откровенно восхищается им. Ибо у Сергея, оказывается (не будем очень строги к стилистике), «было сильно развито чутье на всякое предательство, и он его видел там, где оно если и было, то в таких безвредных долях, какие обычно даже не замечают»... Кроме того, Сергей, «достаточно терпимый ко многим человеческим недостаткам, был раним пошлостью, как редко кто»... Тоже черта, в общем-то, положительная. Оказывается, есть нечто положительное и в мещанстве...

Своеобразен, по меньшей мере, и тот фон, на котором действует ищущий герой. Кажется, что окружают его не живые люди, а безликая толпа, и Сергею ничего больше не остается, как только высовывать из нее голову для собственного дыхания и собственной оценки окружающего мира. Чувства Сергея к толпе тоже сложные: ему нравится «толпа праздная» и не нравится «толпа, охваченная единой страстью» (по Ф. Искандеру, это — толпа на стадионе). Конечно, гадать, как автор и Сергей отличают толпу праздную от толпы, охваченной единой страстью, не беремся. Но истины ради заметим, что на стадионе толпа тоже, как правило, праздная (кроме, конечно, спортсменов и работников стадиона).

Неизвестно, как относится ко всей этой скучающей серости сам автор (в этом на протяжении всей повести он упорно не признается, а на восприятие Сергея Башкапсарова полагаться рискованно, потому как тот — натура сложная). Но читателю от этого не легче. Наоборот, ему невыносимо грустно, почти тяжело. И дело не только в стремительной деградации главного героя. Грустно оттого, что в повести и все остальные персонажи — антигерои, которыми отнюдь не восхищаешься. Парни в белых рубашках и клетчатых пиджачках, танцующие и дерущиеся, безликие девушки, начинающие знакомство сразу с поцелуя, морально распущенные старые геологи и летчики, пьющие в больших дозах спиртное, — все сплошь заурядные мещане.

Грустно еще и потому, что на протяжении всей повести, хотел этого автор или нет, пошлое, мерзкое торжествует, а это уже тем более не может не волновать, не вызывать законного вопроса: а где же наши люди, мил человек? Кого же вы противопоставляете всем этим сыто чмокающим у корыта и радостно хрюкающим от изобилия мещанам, жадно алчущим наслаждений: бесцветную, несмотря на яркие описания ног и талии, жену Сергея или 14-летнего мальчишку, уже вконец испорченного всепоглощающим стремлением содрать три шкуры за вареный початок кукурузы? Непохоже. Была, правда, попытка создать в повести образ положительный, но и здесь почему-то вышло, как у гоголевского Собакевича: одни судьи на всю губернию порядочный человек да и тот... Как повествует автор, глубоко порядочный человек Володя Палба за непреднамеренное убийство был несправедливо осужден, сломался, заболел. Теперь вот ловит рыбу с бездельниками и сдает им в собственном доме углы под жилье. Фигура, в общем-то, тоже «сгорбленная»...

Вызывает, мягко говоря, недоумение то, что и сам автор, показывая это сплошное мещанство, даже не пытается полемизировать с ним. Что это — стремление покруче завернуть рассказ: читатель, дескать, теперь ушлый пошел, сам додумает, или что-то другое? Но ведь жизненная правда неумолима, а разве она такова — жизненная правда? Ведь у читателя уйма возможностей для сравнений, он-то ведь живет в этой реальной жизни, где далеко не все мещане, где по-настоящему и ищут, и любят, и страдают, и, наконец, что-то делают. Она, эта жизнь, имеет свою цель, смысл, свою философию. Она, кстати, крепко дает по зубам и мерзавцам типа Башкапсаровых.

Давать автору рецепты, тем более поучать его мы вовсе не ставили своей целью. «Морской скорпион» уже увидел свет в солидном издании. Другой вопрос: является ли это удачей и для писателя, и для журнала?.. Тем более, что повесть, на наш взгляд, далека от совершенства и в литературном отношении. Топорная неуклюжесть абзацев, с тремя-четырьмя «что» или четырьмя-пятью местоимениями в одном предложении не может не вызвать жгучего желания взяться за красный карандаш не только у человека, знакомого с литературным редактированием, но у каждого мало-мальски сведущего в правописании. А чего стоят такие, скажем, «перлы»: петух... «вскочил и стал пробираться к подходящей (подходившей, по-видимому?) лодке»; «Он пробирался сквозь вагон» (каков молодец), «В следующее мгновение тень какого-то человека перелетела через канаву и стала драться с парнем в белой рубашке» (совсем мистика)...

Сообразуются ли с нашими представлениями о подлинной литературе все эти «бессильные угасания, переходящие в сгорбленность под тяжестью собственной грации»?..

М. ГЕТЬМАН

КИЕВ

ЦЕНА САМОПОЗНАНИЯ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ КРИТИКА

ПИСЬМО читателя М. Гетьмана любопытно тем, что активно выражает довольно заметную тенденцию сегодняшнего обыденного сознания — подход к литературе, в первую очередь к прозе, как к некоему современному фольклору или, скажем, к комедии масок. Все амплуа наперечет, читатель заранее знает, с кем должен встретиться. Сейчас появится добрый молодец. Нет, не появляется. Этот? Непохож. Что-то мешает отождествлению — по-видимому, «сложная натура». Не заметно и злодея. Тогда это амплуа примеривается к главному герою. Раздражение тем, что вещи не находятся на нужных местах, так велико, что с уст читателя срывается ругань по адресу литературного героя, и явное желание стереть хотя бы на время грань между литературой и жизнью слышно в словах о том, как, мол, жизнь «крепко дает по зубам» таким вот типам.

М. Гетьман охвачен стремлением поскорее положиться на чье-то восприятие, и ему досадно, что автор «упорно не признается». На восприятие же героя «полагаться рискованно», поскольку он, как уже было сказано, «натура сложная», к тому же склонная к самобичеванию, тогда как по канону должна бы позитивно бичевать других. Авторскую «попытку создать в повести образ положительный» в лице Володи Палба читатель отводит как несостоятельную: Володя не проходит по анкетным данным как имевший судимость. То, что осужден он был несправедливо, в глазах этого читателя, и отличие от каких-нибудь законников, вины, судя по всему, не снимает. Нет, и это не добрый молодец. Читатель разочарован.

Он не просто разочарован — он почти подавлен. Оттого, что все герои повести не те, кого он рассчитывал встретить, ему, по собственному признанию, «невыносимо грустно, почти тяжело».

Его ожидания обмануты не оттого, что они непомерны. Ему не надо много. Ему нужен скромный набор — но его, любимый. Он жаждет совсем не нового, не открытия (хотя и пишет о «реальной жизни» с ее «уймой возможностей») — он с нетерпением ждет успокоительно-знакомого, привычного. Он заказывает: «Мне — как обычно!» — и блюдо иной, не апробированной кухни не насыщает его, а только раздражает, вызывая неудовлетворенное чувство.

Не станем повторять известное, утверждать за каждым право на литературные предпочтения. Повторим другое (тоже натверженное): опасно, когда собственный вкус понимается читателем как некое правило или даже правило.

Жесткость и резкость отдельных фраз письма, казалось бы, говорит о том, что автор — читатель неискушенный. Но стиль письма в целом заставляет увидеть автора достаточно опытного, отнюдь не малограмотного, хорошо понимающего, чего он ищет в литературе. Например, «разоблачения мещанства». Это новейшее «шерше ля фам» тревожит и М. Гетьмана. Он не сомневается, что тема повести Ф. Искандера — «мещанство в любви, любовь и счастье на фоне мещанства». Но почему?

Перед нами — герой, все время возвращающийся мыслью к понятию любви, к тому, чем было это чувство в его собственной жизни, как соприкасалось с представлением его о счастье. Смутительной оказалась, быть может, скупость событийной канвы — герой удит рыбу, ему наносит удар морской скорпион, он возвращается на берег, нога несколько часов болит, потом проходит. Минимум текущих событий, зато разматывающийся клубок воспоминаний: нетрудно, наверно, представить себе читателя, который воспринимает это как некое сюжетное неудобство. Можно с разной степенью сочувствия или художественной заинтересованности следить за настойчивой, как бы раз за разом набрасывающей кольца на некий стержень мыслью героя. Но если проецировать этого героя на общепонятные житейские ситуации и представления, то несправедливо же игнорировать, что природа наградила его «огромной доброжелательностью, и это волей-неволей вырывалось наружу и чувствовалось людьми», что в своей области он «продвинулся чуть-чуть дальше существующих научных представлений» (каждый «в своей области» оценит это «чуть-чуть»!), что он, наконец, совершенно лишен корыстолюбия, ханжества, злой агрессивности.

Время действия повести — лето: отдых, перебой темпа. Если не уподоблять-ся тому хорошо известному в общежитии типу людей, которым невыносим вид стоящего или сидящего без дела человека, нельзя не заметить некоего немаловажного художественного умысла в этой летней «отпускной» расслабленности, ставшей атмосферой повести. Хотелось бы подчеркнуть остроту и биографическую ценность того момента, в котором застает автор своего героя, — момента «заторможенности», остановленности привычного движения и, быть может, зарождения совсем нового пути — мотив, общий некоторым повестям последних лет. Не оставляет чувство, что и автор повести приближается к чему-то для себя новому. Перед нами — и щедрость мелких и мельчайших наблюдений и самонаблюдений героя, к которым давно приучил и приохотил Ф. Искандер своего читателя; но здесь же и новые для автора сферы, пока лишь немногими словами намеченные. Директор института, в котором работает Сергей, с его единственной, но разом обозначившей устоявшийся социально-психологический тип репликой: «— Далась вам эта Спарта, — слегка поморщился директор института, но тему подписал». Сергей с его застывшей на месте докторской диссертацией, при этом сам же он вроде бы и виноват, поскольку медлил, все откладывал защиту, между тем «то, что с некоторым скрипом можно было выставить на научное обозрение пять лет назад, сегодня грозило скандалом», а Сергея начинает постепенно вполне устраивать «его теперешнее положение». По канонам повестей на темы научной жизни ожидаешь споров, бурных заседаний, посрамления одних точек зрения и торжества других, но фабульное наполнение знакомой, казалось бы, сюжетно-повествовательной ситуации здесь иное, в нем брезжит что-то новое; не острое столкновение — упорное стояние, заставляющее вспомнить строку поэта: «Не до побед. Все дело в одоленьи». Попытка по-иному взглянуть на знакомые предметы вида и в описании того, как Сергей идет по Красной площади, стараясь не потерять из виду девушку «в голубой куртке» и слушая, как экскурсовод читает стихи, «придав голосу совершенно прозаическое звучание».

Будем надеяться, что читатели повести не оставили незамеченными среди прочего юмор и самоиронию — привлекательнейшие черты прозы Ф. Искандера. И они увидят, что сарказмы М. Гетьмана насчет «сгорбленности», например, бьют мимо цели, потому что сам автор как раз играет так и этак с этим словом, обнажает его забавную приблизительность («подняла на него свои уже и вовсе сгорбленные цветки глаз и, сгорбленно улыбаясь» и т. п.), призванную с обыгранной условностью обозначить то, что и незачем с точки зрения героя определять с точностью — что именно заставляло его обратить свое внимание на эту, а не на другую женщину.

В повести есть смешное и точное описание стереокино пятидесятых годов, которое «надо было смотреть, поймав некую точку, наиболее благоприятную для наиболее ясного и выпуклого видения того, что происходит на экране». При этом некоторые «довольно быстро находили ее и, найдя, уже до конца фильма замирали на месте, чтобы не упустить ее.

Другие, наоборот, до конца фильма вертели головой, никак не находя своей точки, то есть, конечно, они находили ее, но их угнетало отсутствие доказательства, что та точка, которая ими найдена, и есть самая лучшая их точка».

Автор письма представляет собою тип наиболее счастливого зрителя. Он мгновенно находит свою точку и твердо убежден, что ясно и выпукло видит происходящее на экране. Его не удовлетворяют только сами происшествия. Однако первые же реплики беседы об увиденном убеждают собеседника, что видит этот зритель нечто совершенно свое — не то, что демонстрируется на экране.

М. ЧУДАКОВА

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТДЕЛА КРИТИКИ

«ЛГ» уже не раз поднимала вопрос об «искусстве чтения — напомним статьи Вл. Россельса и Дм. Урнова (№ 11), споры читателей и критиков о произведениях Виктора Конецкого и Юрия Кузнецова (№№ 31, 46), обсуждение проблем занимательности (№ 47), а также ряд материалов под рубрикой «Читатель и писатель». Сегодня мы продолжаем этот разговор, обращаясь к новой повести Фазиля Искандера.

Можно согласиться с основным пафосом М. Чудаковой, темпераментно призывающей к чтению как к труду, к чтению как к сотворчеству. Действительно, искусство чтения предполагает, кроме всего прочего, доверие к художнику, умение отказываться от привычных мерок, заранее заданных схем и шаблонов, стремление проникнуть в самую суть авторского замысла. При таком прочтении повесть «Морской скорпион» обнаруживает в себе куда больше глубины, содержательности и актуальности, чем нашел в ней М. Гетьман.

Вместе с тем нельзя не сказать, что чрезмерная увлеченность спором, превращающаяся у М. Чудаковой в стремление «одернуть» читателя, помешала ей, наряду с несомненными достоинствами прозы Ф. Искандера, отметить известную манерность повествовательной интонации, некоторую непроявленность авторской позиции. Эти особенности повести, по-видимому, и ощутил М. Гетьман, хотя убедительно сформулировать свои претензии к «Морскому скорпиону» ему не удалось. Творчество Ф. Искандера, привлекающее к себе заинтересованное внимание читателей, достойно не только защиты от тех или иных «послегательств», но и беспристрастного и всестороннего обсуждения.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Д. С. ЛИХАЧЕВУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по критике и литературоведению направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас со знаменательной датой — 70-летием со дня рождения. Выдающийся советский литературовед, Вы внесли ценнейший вклад в исследование русской письменной культуры, ее возникновения, становления и развития. Начав с изучения национального самосознания Древней Руси, отразившегося в таких бессмертных памятниках, как «Слово о полку Игореве», Вы создали обширный цикл глубоких, оригинальных научных работ, вошедших в золотой фонд советской науки о литературе. Всесоюзную известность, мировое признание получили Ваши монографии «Возникновение русской литературы», «Человек в литературе Древней Руси», «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X—XVII веков», «Великое наследие» и многие другие. Их отличают глубина научного исследования, огромная эрудиция, блестящий литературный талант. Посвященные художественным творениям давнего прошлого, они по своему духу, идейной направленности и исследовательскому пафосу близки насущным проблемам современной культурной жизни, доступны широкому кругу читателей.

В течение многих лет Вы выступаете в печати не только как авторитетный ученый, но и как критик-публицист, последовательно отстаивающий методологические принципы марксистского литературоведения.

С большой творческой самоотдачей относитесь Вы и к общественной и педагогической деятельности в Академии наук, в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, в Ленинградском государственном университете. Ваши заслуги перед Советским государством отмечены высокими правительственными наградами.

От души поздравляем Вас со славным юбилеем, желаем Вам здоровья, новых творческих удач».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Еще совсем недавно, каких нибудь сто с небольшим лет назад, считалось, что предметом серьезного научного изучения во всей русской словесности может быть лишь ее древняя пора. И не в этом ли одна из причин того, что древнерусская литература стала приложением сил и пытливого ума стольких выдающихся ученых? Но, конечно, в первую очередь вдохновлял сам предмет, грандиозность задачи. 700 лет из 1000-летней истории русской литературы — вот некая эта глыбища, литература Древней Руси!

Сделано много. Проделана колоссальная работа по собиранию памятников и их изучению — историческому, текстологическому, лингвистическому; заложены основы русской филологической школы, которая, по общему признанию, занимает самое почетное место во всей мировой славистике.

И все же, несмотря на большие достижения в изучении древнерусской литературы, художественные сокровища ее долгое время были доступны лишь узкому кругу специалистов. Иными словами, литература Древней Руси напоминала как бы старинную, зачерненную от веков икону, о великой красоте которой догадывались, могли судить лишь «посвященные». И недаром ее называли «литературой великого молчания».

Ныне она заговорила. Заговорили наши далекие предки, которые в вековечных битвах с «диким полем», с «просвещенным» Западом не только отстояли русскую землю, но и создали великое самобытное искусство — искусство слова, живописи, зодчества. Больше того, это искусство стало неотъемлемой частью современной культуры, вошло в духовный багаж, душу и сердце нашего человека.

Это был подвиг. Подвиг, совершенный советскими учеными, и прежде всего — многолетними трудами и стараниями академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

В короткой заметке невозможно даже перечислить все то, что сделал Д. Лихачев, и тут его начисляются многими сотнями. Книги — десятками. Скажу только, что главный принцип, который он положил в основу исследований, — принцип ЭСТЕТИЧЕСКИЙ. То, что было намечено еще в работах прославленного русского ученого прошлого столетия Ф. И. Буслаева, то, что так блистательно было развито в исследованиях советских ученых А. С. Орлова, В. П. Андриановой-Перетц, И. П. Еремина, в трудах Д. Лихачева выросло в целостную систему художественного понимания Древней Руси, особенностей эстетического изображения действительности, человека.

В результате такого подхода к древнерусской литературе было раз и навсегда покончено с мифом о ее неподвижности и косности, замкнутости и изолированности. В результате такого осмысления литература допетровской Руси предстала нам литература живая и животворная, необычайно разнообразная по своим стилям и жанрам, как словесное искусство самой высокой пробы, неповторимой национальной самобытности, развивавшейся по своим ОСОБЫМ законам и в то же время связанной прочными узами не только с культурой славянских народов, но и с культурой других народов Запада.

Само собой разумеется, что эти важнейшие теоретические выводы, открывшие целую эпоху в отечественной медиевистике, опираются на самое тщательное и вдумчивое изучение отдельных памятников древней письменности. Изучение глобальное, комплексное (в связи с другими видами искусства) — и вот один из самых радостных, самых вдохновляющих результатов: отныне раз и навсегда покончено с домыслами скептиков, на чужеземных, так и доморощенных, подвергавшихся сомнению подлинность святыни нашей — «Слово о полку Игореве».

Литературоведение — и это давно известно — одновременно и наука, и искусство. Я бы сказал даже больше: литературоведение лишь постольку наука, поскольку оно искусство. И Д. Лихачев являет собой редкое и счастливое сочетание ученого и писателя в одном лице.

Да, этот выдающийся ученый, ученый самого широкого дарования (литературовед, историк, лингвист, искусствовед, фольклорист, текстолог), к тому же еще и выдающийся писатель. Книги его нарасхват — попробуйте купить их в магазине! И дело тут не только в том, что в них речь о далеком прошлом России, об истоках ее культуры, о легендарных временах нашей Родины, к которым такой громадный интерес у сегодняшнего читателя. Дело еще и в том, что эти книги написаны рукой мастера.

Читать Д. Лихачева — наслаждение. Его язык, его стиль — это всегда сплав исключительно точного и емкого слова ученого со скупой, но страстной и взрывчатой образностью публициста-патриота. И еще: Д. Лихачев умеет писать на редкость просто и ясно о самых сложных и запутанных вещах. И тут, думается, немалую роль сыграл Петербург—Ленинград, где родился и где живет и работает Д. Лихачев. Этот удивительный город с его ясной и поэтической планировкой, как давно замечено, накладывает особый отпечаток на характер мышления человека, на всю его личность.

Итак, врата в мир сказочной древности открыты. Нашему взору предстало редкое по своей красоте и своеобычности искусство, искусство, в котором книжность самого высокого духовного и нравственного начала впервые встретилась с языческими легендами и преданиями, с могучей стихией народного творчества, пропитанного первобытным язычеством.

И будем благодарны, будем помнить: этим мы во многом обязаны нашему выдающемуся современнику — академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, его школе, его ученикам.

Федор АБРАМОВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

КАПЛЯ ВОЛГИ

Последние страницы жизни Михаила Луконина

1.

О том, как это случилось, я узнал позже...

...В середине июля он улетел из Москвы во Львов — там гастролировал московский драматический театр, в котором работает его жена.

Вечером 26 июля прилетел в Москву и позвонил во Львов:

— У меня все в порядке. Время — каникулярное, но дел много... Собираюсь на Волгу. Нужно подышать ею — соскучился!

27 июля утром он подозвал дочку и сказал ей:

— Ну-ка, встань, Анюта у двери... Как ты подросла?

Девочка послушно встала у дверей, и отец зеленым фломастером привычно нанес новую отметку. «Неплохо растет», — подумал он и написал: «27 июля — Анюте 6 лет 8 месяцев».

Весь день 28 июля прошел в жарких хлопотах — у первого секретаря правления Московской писательской организации забот и дел всегда достаточно... Завертелся, да так, что не успел позвонить во Львов. Позвонил только следующим утром.

29 июля в три часа дня ему стало плохо. Позвонил в «Скорую помощь»:

— Что-то мне неважно... Если можете, приезжайте, пожалуйста...

Через десять минут медики были у него. Первый осмотр, первая кардиограмма. Врачи советовались, потом один из них деликатно сообщил больному:

— Только вы, пожалуйста, не волнуйтесь: у вас первый инфаркт — первый не страшен...

— Первый и последний, — ответил Луконин. — Я не волнуюсь, чего уж тут волноваться... Вы бы лучше дали мне закурить.

— Закурить? Господь с вами — какое курение? Мы вас сейчас в больницу увезем...

Боли стали острее. Он встал с дивана и осторожно лег на носилки, успев сказать дочке:

— Ты, Анюта, не волнуйся! Все будет хорошо...

2.

Какой все-таки ужасный беспорядок царит на этом письменном столе! Книги и рукописи, тетради и папки, исписанные страницы, заполненные, видно, недавно анкеты, фотографии, газетные вырезки, письма, груды писем... А еще — отдельные листки: одни прижаты кнопками, другие сложены, словно они предназначались для будущей книги... Почти никогда он не говорил, какой будет эта книга, обозначив ее однажды лишь, как книгу прозы. Для нее он собирал материалы, делал «заготовки», писал «пробные» страницы, перебирал архив... Судя по всему, будущая книга должна была поведать людям, чем живет, что пережил и что волнует поэта Михаила Луконина. Поэтическая книга в прозе!

...Я просил вдову поэта — Анну Васильевну познакомить меня с теми свидетельствами последних месяцев жизни Луконина, которые остались здесь, на этом все еще не остывшем от работы столе. Она любезно согласилась. И вот первой в руки попалась свежая анкета. На своем веку Луконин, видно, заполнил их немало, но эта была написана недавно, может быть, за месяц или полтора до того, как все случилось.

Анкета как анкета. Михаил Кузьмич сообщил в ней, что в рядах Коммунистической партии Советского Союза состоит «с августа 1942 г.», что образование у него «незаконченное высшее» — со студенческой скамьи «ушел на фронт»...

...Ответив на вопросы о пребывании за границей и наградах, в графе «отношение к воинской обязанности» Луконин указал: «гв. старший лейтенант. Снят с учета». Но потом, поразмыслив, дописал: «состав — политсостав, род войск — танковый».

Поэт всю жизнь оставался в боевом строю и до конца числил себя «в политсоставе танковых войск». Потому что не отделял свою поэзию от своего воинского долга. Так он жил. Так воевал. Так писал.

3.

Да, последние свои годы Луконин жил будущей книгой. Растил дочку, ездил по стране, рыбачил на Волге, писал статьи, путешествовал по миру — и постоянно работал для книги. Работа эта была разная, велась на просторе жизни.

Об этом молчаливо свидетельствует и листок машинописного текста, который я окрестил «алым» (в машинку Луконин заправил ленту алого цвета). Отпечатанный весной нынешнего года, листок лежал наверху среди последних бумаг. И в нем я прочитал такие строки:

«Мишель де Сервильи — французский художник.

Тодор Генов — болгарский писатель, крупный современный публицист.

Алексей Очкин, известный герой сталинградской битвы, автор книг о героях войны и нескольких пьес, поставленных на сцене. Он и кинорежиссер.

Ревал Мартиани — замечательный грузинский поэт.

Павел Бадин — мастер спорта, товарищ юности, защитник сталинградской команды «Трактор», московского «Динамо» (футбол).

Георгий Джагаров, выдающийся болгарский поэт, драматург, член правительства Болгарии.

Владимир Чернышев, слесарь, молодой поэт.

Ата Атаев — хороший туркменский поэт и прозаик, мой товарищ.

Коновалов А. Д. — волгоградский друг».

Что же это за «алый лист»? Судя по всему — тоже «заготовка» для будущей книги. Однажды Луконин сказал жене, что в новой книге он хочет поведать о друзьях, которых счастливая судьба послала ему... Он думал о них. Вспоминал, как в Париже встретился с художником Мишелем де Сервилем, интересным живописцем, любопытным французом, научившимся говорить по-русски. В Софии подружился с Георгием Джагаровым и Тодором Геновым...

Друзей он любил, хранил им верность. Гордился ими, гордился тем, что их у него много. Правда, однажды Луконин заметил, что самых близких много, видимо, быть не может...

4.

...Таков этот алый лист», который, видимо, тоже нужен был будущей книге. А может быть, книгам? Трудно сейчас сказать, какими их видел Луконин, но об этом молча свидетельствовали разрозненные рукописные фрагменты, которые нашлись все на том же громадном, заваленном бумагами столе. Один из них «Дороги и стихи». Вот он:

«Стихи дарит только жизнь, нет другого источника поэзии. Как другим поэтам, так и мне — необходимы дороги.

Это, конечно, не значит, что поэт пишет о том, что видит, иначе бы стихи измерялись километрами, как дороги.

Поэзия концентрирует виденное и пережитое, целые годы и целые поездки — в строчку, в одно стихотворение. Да и не все дороги дарят поэту стихи. Для поэзии важно не то, что увидишь, а то, что подумаешь.

Да и ездишь всегда со своим миром внутри, со своими мыслями о жизни и людях. И приходят стихи неожиданно.

Вот, например, два стихотворения, написанные мною в Болгарии:

«Август»

«Больше не могу в тебе носить...»

Как видите — все это о своем. Просто случилось так, что обстановка поездки исключила именно эти переживания.

В прошлом году в дни 30-летия Победы я был в Чехословакии, ездил в первое освобожденное нами село, потом был на высоте 777 под Прагой, где раздались последние залпы войны, уже после 9 мая.

Потом был в Берлине, столице ГДР, и в Западном Берлине, вспоминал те далекие дни ликования и боли. В давней тетрадке тех лет, которую я захватил с собой, была и такая строчка:

«Берлин. Парк Бельвю. Майор Плехотин».

Я побывал в парке Бельвю, вспомнил все и написал стихи о тех днях в Берлине:

«...Первые дни

Парк Бельвю...»

И вот как поэзия связана с жизнью. Когда я вернулся, 20 мая напечатал эти стихи в газете «Известия». 30 лет прошло, и вот захотелось мне воспоминание. Я смутно вспоминал майора Плехотина, не знал — жив ли он и где он... Через несколько дней газета передала мне следующее письмо из Ленинграда:

«...Я помню, гвардии старший лейтенант Михаил Луконин, большие этапы борьбы нашей славной 5-й гвардейской танковой армии: Прохоровка. Дутово, суточный 100-километровый клин, вонзенный в гнездо прусского чудовища — Восточная Пруссия... Она была рассечена на две части. Берлин не верил этому и давал электрический ток в деревни, города, находившиеся в наших руках.

Особенно помню печальную встречу у могильного холма на в парке Бельвью. Вместе со мной вы склонили голову над моей бедой и носите эту тяжесть.

...Мы много лет не встречались. На ваших висках седина, у меня вся в снегу голова. Вы создали нерукотворный обелиск сыну, земной поклон вам.

Я вечно буду помнить ваш локоть у могильного холма.

Гвардии майор
Н. И. ПЛЕХОТИН,
ныне полковник
в отставке».

...Далее М. Луконин продолжает:

«Вот что такое жизнь! Вот что такое поэзия!

В те же дни я написал стихотворение «Солдаты».

И, конечно, главная моя поэзия — Волга. Каждый год, иногда несколько раз в год, я бываю в родных краях, встречаюсь с самыми дорогими мне людьми. В прошлом году бывал и зимой, и летом. Был в Астрахани, в родном своем селе Килинчи, потом снова в Заволжье. Трудное было лето, высок был трудовой порыв преодоления.

Я никогда не теряю этой своей кровной связи с людьми и природой Нижнего Поволжья. И вот сейчас, переворачивая листы весеннего календаря, волнуюсь ожиданием и предчувствием новых дорог.

Адрес Волги!»

5.

Николай Отрада — земляк и друг детства Луконина. Они вместе учились, забирались в чужие сады, играли в футбол, сочиняли стихи. Сначала Луконин поехал в Москву учиться в Литинституте, потом привез сюда Николая. Они всегда были рядом — вместе ушли и на ту, в глубоких снегах войну, на которой погиб Коля Отрада.

Луконин очень любил Николая. Написал о нем прекрасные стихи. Дружил с его родителями — Карпом Федоровичем и Екатериной Родионовной Турочкиными. Приехав на Волгу, вооружился плотницким топором и перекрыл крышу их старого домика. Отец Николая скончался, а мать жива...

Судя по всему, Николай Отрада и его семья тоже должны были «войти» в будущую книгу. Во всяком случае, на столе отыскались и эти страницы:

«Карп Федорович и Екатерина Родионовна вернулись из эвакуации в первые дни освобождения Сталинграда, вместе с заводом, и жили сначала в палатках на стадионе, где мы с Колей, бывало, проводили свои мальчишеские годы... Я нашел их палатку среди других, обнял Екатерину Родионовну, она все гладила, гладила меня по головке и не сводила взгляда, высматривая во мне Колю...

...Сам Турочкин работает мастером электрооборудования на ТЭЦ, как и до войны. Сидит, рассказывает мне, как еще до первой революции попал на Балтфлот, служил на минном и стал там электриком.

— Работа идет!.. Что остается — страшно сказать. Но дело идет — скоро дадим энергию.

Появился еще один общий знакомый. Я вспомнил его — до войны встречался в спортзале клуба имени Ленина — играл в волейбол. Постарел, осунулся.

Карп Федорович сразу спросил:

— Ну что, надумал, Виталий?

— Нет, Карп Федорович, не пойду... Ставка немного больше, а ответственность-то какая...

— Вот человек! — обращается ко мне Турочкин. — Имеет специальность электрика, а сидит в конторе, учитывает по труду и зарплате. Зову к себе, мастером будешь! Не хочет, боится.

— Оборудование не налажено, а вдруг авария?

— А как же я работаю всю жизнь? — сердится Турочкин.

— Нет, не пойду.

— Другие за тебя должны работать? Эх, ты, Витя-Витя! Подумай получше...

Карп Федорович сердился, пока тот не ушел. А потом сказал, улыбаясь:

— Все равно придет. Не выдержит. Я их знаю — наши!»

6.

В конце июля Михаил Кузьмич на двух листках бумаги — вот они! — набросал план предстоявшей в августе своей работы на Волге. Именно работы, а не путешествия. Здесь перечислены районы — Икрянинский, Камызякский, Николаевский, Даниловский, записаны фамилии секретарей райкомов партии (т.т. Астафьев, Тимофеев), председателей колхозов (т.т. Пономарев, Кантур), с которыми поэт давно дружил и к которым собирался снова приехать...

Отдельной строкой помечены Килинчи, Наримановский район, родная деревня поэта. В 1922 году здесь умер от холеры его отец... И вот, спустя много лет и десятилетий, Луконин снова в родных Килинчах. Один из старожилов помог найти могилу отца...

Здесь все поэту было дорого, все печалило и радовало. Конечно, он заглянул и в школу, подружился с детьми и педагогами. Вскоре 35 учеников приехали в Москву, к Луконину в гости. И уж, разумеется, он показал ребятам родную столицу во всем блеске...

7.

Последний год жизни он провел в дороге. Летал в Австралию, гостил на Алтае, побывал в Испании...

Репортер газеты «Эль Аделанто», выходящей в Саламанке, спросил Михаила Луконина, каких испанских поэтов широко знают в Советском Союзе и каких испанских литераторов лучше всего знает он.

Луконин деликатно улыбнулся и ответил:

— К сожалению, нынешняя испанская литература мало известна в нашей стране, впрочем, как и советская литература мало известна в Испании... Мы должны лучше знать друг друга. Совершенно очевидно, что это наше общее желание. Мы абсолютно убеждены, что литература, которая хранит в своей сокровищнице романы Сервантеса и стихи Гарсиа Лорки, имеет и среди современных литераторов таких, которых надо читать и знать...

...Вы, видимо, понимаете, что наша советская социалистическая литература, которая своими корнями уходит в великую классическую русскую литературу, от Пушкина до Блока, — она бурно развивается, отражая движение нашей великой страны и эту литературу, естественно, тоже необходимо знать. ...Когда я нахожусь здесь и вижу ваш народ, мне больно, что вы не имели возможности читать книги советских писателей, в частности присутствующих здесь Залыгина и Гранина — моих друзей и коллег по поездке сюда, в Испанию...

...Город Львов стал последним пунктом на карте его ближних поездок и дальних путешествий.

Отвечая на вопрос репортера — не отложится ли эта поездка во Львов в новых стихах? — Луконин ответил:

— Вполне очень широкий. Поэзия — не сестра репортажа. Хотя и такая поэзия имеет право на существование. Мне доводилось ходить дымными дорогами черной Африки, ездить респектабельными автострадами Америки, гостить у рыбаков Кубы, слушать печальные рассказы испанских рабочих... Все добро, весь достаток планеты создается руками рабочего человека. Значит, поэта, можно сказать, есть одно магистральное направление — воспевать добрые дела доброго человека. Открыть этому человеку его наибольшее величие — работу честную и самоотверженную. Научить человека верить в своих детей, в себя, в свое будущее...

Последнее интервью Михаила Луконина было напечатано во Львове за два дня до его смерти.

* * *

Несколько вечеров я перечитывал то, что осталось на его столе — страницы из записных книжек, «куски» будущей прозы, «заготовки» возможных стихов... Перечитывал стихи и снова встретил знаменитую «Каплю Волги»:

Что-то верить стал я
в каждую примету
Серой синью стынет
вязкая вода.
Может, скоро я
в последний раз
и тебе приеду
И останусь, не расстанусь
Навсегда

Наум МАЙ

Илья ГОРДОН

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

О еврейской литературе в СССР

В шумной кампании, ведущейся на Западе по поводу «угнетения евреев» в Советском Союзе, выделяются голоса скорбящих о «гонениях не еврейскую культуру», и в частности литературу, о «преследовании» тех, кто хотел бы писать или читать на своем родном языке. Иные договариваются даже до утверждения, будто в СССР вообще ограничиваются любые проявления еврейской культуры, а писателей-евреев чуть ли не ссылают в Сибирь. Особенно отличаются в этом отношении некоторые «знатоки еврейского вопроса» из Америки.

О становлении, развитии и нынешнем состоянии советской еврейской литературы рассказывает в своей статье один из старейших советских писателей, создающих свои произведения на языке идиш, — Илья Гордон. Почти пятьдесят лет его жизни отданы литературе. Им создано три романа, большое количество повестей и рассказов. Многие произведения еврейского прозаика изданы в переводах на русском, украинском и других языках народов СССР. Издательство «Советский писатель» готовит сейчас к печати новый роман И. Гордона — «Под горячим солнцем». Илья Гордон — член правления Московской писательской организации.

МНЕ вспоминается написанное еще в 1922 году известным критиком Иехезкелем Добрушиным «Письмо в Америку — к американским еврейским писателям», которое было опубликовано в московской газете «Дер эмес». И. Добрушин упрекал своих адресатов в том, что они не интересуются советской еврейской литературой. Автор, обращаясь к тем, кто уже тогда твердил об «упадке еврейской литературы при Советской власти», писал, что в стране после революции появились прекрасные мастера слова, что началась новая страница еврейской литературы. Перечислив многочисленные факты, И. Добрушин призвал еврейских литераторов Америки заинтересоваться новыми завоеваниями еврейской культуры.

С тех пор минуло более полувека, но, увы, в целом положение осталось таким же: те, кто громче других шумит об «угнетении еврейской самобытности» в СССР, меньше всех знают о подлинном развитии еврейской литературы в нашей стране.

Еврейская советская литература — органическая часть многонациональной советской литературы. Мы связываем возникновение литературы на языке идиш с ее первым классиком — Менделе Мойхер-Сфорим. И характерно, что Менделе, который дожил до Октябрьской революции, за несколько месяцев до смерти опубликовал в одесской газете «Унзер лебн» вдохновенное обращение к еврейским массам: он призывал соотечественников не стоять в стороне от революционных событий, смело «вступить в бурное море» — бороться за укрепление революционных завоеваний.

Осуществление этого завета мы видим на всем пути развития нашей литературы. Еврейский поэт Ошер Шварцман, награжденный за храбрость двумя Георгиевскими крестами, стал большевиком, кавалеристом знаменитого Богунского полка. Мы помним его последние строки (он погиб на фронте в 1919 году):

Седая мать-ночь
Сникает сыновей:
— Враг у ворот!

Из сердца рвется крик
То глуше, то сильней:
— Враг у ворот!

В седло и — в сечу!
И творже шаг!
Отныне мач
И пика — стяг:
— Враг у ворот!

С оружием в руках защищали революционные завоевания и другие еврейские литераторы: А. Кушниров, Ш. Годинер, Х. Гильдин, А. Шойхет, Я. Зельдин, Х. Левина и другие.

Как гимн революции звучат и в наши дни первая в еврейской советской литературе поэма Льва Квитко «В красном вихре», написанная в 1918 году, героическая эпопея П. Маркиша «Братья», лирические поэтические произведения И. Фефера, С. Росина, Н. Харика и других. Один из первых романов советской еврейской прозы — книга солдата революции Ш. Годинера «Человек с винтовкой».

Отшумели сражения, утвердилась власть народа, и вот еврейские писатели уже

В полях и шахтах,
в дымном окруженье,
Где каждый угол
счастием пропах...

— как сказал Ицик Фефер.

Просто невозможно перечислить все, что создали еврейские прозаики и поэты в годы социалистического строительства между двумя войнами. Они всегда были вместе со всем советским народом. Ибо нельзя, невозможно отделить еврейскую советскую литературу от всей советской литературы, как невозможно отделить евреев от всего советского народа, обособить их, представить в виде какой-то замкнутой общины, живущей ограниченными интересами. Еврейские литераторы писали о советской действительности, о нашей многогранной жизни, о творческом труде людей разных национальностей, спаянных единой идеей и единой целью. Еврейская советская литература рассказывала о битве за хлеб на полях Украины, об освоении дальневосточных просторов, о стройках первых пятилеток... Можно назвать десятки романов, повестей, поэм, рассказов, в которых с большой силой художественного отображения была показана новая жизнь трудящихся евреев, рука об руку со всем народом страны строящих новое общество. Нет нужды доказывать, хороши ли были те книги: ведь о влиянии Ошера Шварцмана, Давида Гофштейна, Переца Маркиша, Льва Квитко, Давида Бергельсона, Дер Пистора и других на еврейскую литературу за рубежом, в том числе на творчество еврейских писателей в Америке писали многие серьезные исследователи.

Большой популярностью пользовались произведения Ноте Лурье, Хоны Вайнерман и других, рассказы вышедших о новых еврейских переселенцах в деревню, о борьбе за колхозы, повествования о строителях большой индустрии — «Шахты» М. Альбертона, «Пласты» Фефера, «Круглые недели» Харика, «Плотины» Орланда, «На Днепрострое» Х. Гильдина — всех не перечислишь. О масштабах их известности свидетельствует хотя бы тот факт, что уже в 1925 году в Советском Союзе по количеству названий было издано столько книг на еврейском языке, сколько во всех странах Европы и Америки, вместе взятых.

Таким образом, еврейская литература развивалась в неразрывном единении со всей советской литературой, как по масштабам той жизни, которую она освещала, так и по охвату проблем, по своему художественному методу. Октябрьская революция смела «черту оседлости» для евреев бывшей Российской империи, вывела их на широкую арену жизни, и она же позволила нашей литературе вырваться из «культурного гетто», преодолеть рамки национальной ограниченности. Всякие призывы воинствующих сионистов к тому, чтобы вновь загнать советскую еврейскую литературу в замкнутый круг «чисто еврейских» проблем, обособить ее, отгородить от широкой, столбовой дороги прогрессивного развития человеческого духа, — это попытки с негодными средствами.

Иные твердят о необходимости «автономии» еврейской культуры. Но под автономией они понимают не самобытность и самостоятельность еврейской литературы в СССР и самобытна, и самостоятельна. Нет, радетели «автономии» ратуют за другое: за отказ от того, что уже достигнуто и завоевано, от творческого единства со всей советской литературой — с тем, чтобы мы могли, дескать, «влиться» в некую единую культуру всех евреев мира. Поскольку же такой «единой культуры» не существует, призыв к «автономии», а точнее — к ограниченности местечкового еврейства, дореволюционной общины означает не что иное, как попытку подчинить нас влиянию тех, кто претендует на роль руководителей «единой еврейской национальности» — с центром, разумеется, в Израиле. Зависимость эта, по замыслу ревнителей «чистоты еврейской культуры», должна быть не только духовная, но, как нетрудно разгадать, и политическая, и экономическая.

Нет, советской еврейской литературе (как и ее читателям) органически чужды подобные взгляды. Еврейские писатели в СССР духовно, идейно и политически едины со всем советским народом. Это единство ярко проявилось во время Великой Отечественной войны. Поэт Яков Зельдин в числе большой группы еврейских писателей Москвы ушел на фронт. Он завершил свою поэтическую работу страстным интернационалистским призывом: «Все, все на фронт против фашистского зверя! Все до одного!». Зельдин отдал свою жизнь ради свободы и счастья всех народов. В той же борьбе геройски пал, не достигнув своего двадцатисемилетия, замечательный лирик Гершл Диамант. Он не дожил до послевоенной зари, навстречу которой, по его выражению, шли красноармейцы:

Глаза их надежны,
сердца их отважны,
Они и в неравном бою
устоят!
И утро наступит —
спокойное, ясное,
И будет красивым
и тихим закат...

Ради этого утра, ради счастья и еврейского, и других народов отдали свои жизни и Борис Олевский, и Матвей Гарцман, и М. Виннер, и А. Гурштейн, и Ш. Годинер — всего 40 писателей.

Вот почему мы говорим, что наша культура — и еврейская, и интернациональная. Она вдохновляется теми же идеями интернационализма, которыми руководствуется весь советский народ. Она питалась и питается живительными соками учения марксизма-ленинизма, черпает силу в братской социалистической дружбе народов.

Новые возможности для своего творческого роста мы, еврейские писатели, видим в свершениях нынешнего дня, в бурном расцвете социалистической культуры. Тесная связь с многогранной жизнью советских людей помогает нам находить темы, сюжеты, основу для своих произведений, подмечать важные злободневные проблемы и отображать то, чем живет народ.

Хочу сказать несколько слов о моем собственном опыте. Мой последний роман «Под горячим солнцем» посвящен жизни и деятельности Ильи Иегудина, Героя Социалистического Труда, председателя крымского колхоза «Дружба народов».

Когда я начинал работу над романом, колхоз давал государству 17 миллионов рублей чистой прибыли, а к сегодняшнему дню эта цифра достигла 28 миллионов рублей. Кстати, в колхозе, которым руководит Иегудин, трудятся люди семнадцати национальностей; это ли не пример подлинного интернационализма советских людей, их сплоченности во имя общего дела!

Тесно связаны с жизнью и произведения других еврейских писателей. На современную тему увлекательно написан роман Т. Гена «В наши дни», пронизанный добродушным юмором и лиризмом. Роман И. Друкера «Музыканты» посвящен жизни замечательного педагога-музыканта Столярского. Различны по своей тематике обладающие несомненными художественными достоинствами романы С. Гордона «Весна» и Х. Меламуда «Молодые годы», романы И. Фаликмана, Г. Полянкера, И. Рабина, Г. Добина, повести и рассказы Р. Рубиной, Ш. Гершман, Б. Миллера, М. Кобрянского, И. Шрайбмана и Х. Табачникова.

Успешно работают в поэзии И. Бухбиндер, Д. Бромберг, Р. Балясная, А. Вергелис, А. Гонтарь, М. Лифшиц, М. Талалаевский, М. Штурман и другие. Поэт Вергелис часто выступает и как боевой публицист и критик. Большой вклад в изучение еврейской литературы внесли Г. Ременик, И. Серебряный, О. Любомирский, М. Беленький, А. Ерусалимский.

Почему их произведения остаются незамеченными на Западе? А если какие-либо из наших книг и удостаиваются внимания западных «ревнителей» еврейской литературы, то вся их «критическая оценка» сводится к обвинению советских еврейских писателей в приверженности социалистическому реализму.

Я вспоминаю статью одного американского профессора о моем романе «Три брата». Высказав похвалу за то, что я «сохранил» в романе язык еврейского народа, этот профессор тут же обрушился с критикой: мол, зачем этому еврейскому писателю социалистический реализм? Должен сказать, что мне такая критика со стороны идейного противника приятна...

Сейчас в Советском Союзе насчитывается около 70 писателей — прозаиков, поэтов, драматургов, — создающих свои произведения на языке идиш. Они печатают свои произведения в ежемесячном журнале «Сонетнш Геймланд» — органе Союза писателей СССР, в издательстве «Советский писатель», которое публикует их произведения в оригинале и в переводе на русский язык.

С 1956 года это издательство выпустило в переводе на русский язык более 129 книг, а на языке идиш — 50 книг. Кроме того, на языке идиш вышли однотомники классиков еврейской литературы Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, Ш. Д. Переца, Д. Бергельсона тиражом 30 тысяч экземпляров, а избранные произведения одного из основоположников еврейской советской литературы — Ошера Шварцмана тиражом 10 тысяч экземпляров. Такими солидными тиражами произведения еврейской литературы никогда раньше не издавались. Надо отметить, что книги еврейских писателей быстро раскупаются, что свидетельствует о большом спросе на них.

Помимо этого, в издательстве «Художественная литература» вышли в переводе на русский язык двухтомный роман Д. Бергельсона «У Днепра», двухтомник произведений Переца Маркиша, избранные стихи и поэмы Д. Гофштейна, С. Галкина, Л. Квитко, М. Кульбака, две книги Ильи Гордона, монография о Шолом-Алейхеме Г. Ременика, роман И. Рабина, сборники стихов Фефера, Гоитаря, Лифшица, Дриза, повесть Олевского и другие.

Дважды были изданы шеститомные собрания сочинений Шолом-Алейхема тиражом 225 тысяч и 100 тысяч экземпляров.

Книги советских еврейских писателей издаются также в издательствах Украины, Белоруссии, Молдавии и других союзных республик в переводах на языки народов этих республик.

Только с 1955 по 1970 год в нашей стране издано 466 книг еврейских писателей на 15 языках народов СССР общим тиражом свыше 46 миллионов экземпляров.

Интересно было бы знать, какие из этих имен советских еврейских писателей, какие из их книг известны в той же Америке? Там рекламируются другие имена — имена так называемых «диссидентов», «несогласных писателей», якобы выражающих подлинные чаяния советских евреев. Должен заметить, что нашим читателям эти имена неизвестны. Может быть, потому, что их творения замалчиваются? Но вот о чем проговорилась не так давно газета «Нью-Йорк таймс». Она рассказывала о деятельности известного «советолога» Карла Проффера, который поставил своей целью довести до сведения читающей Америки некоторые «диссидентские творения». По его словам, он «приложил отчаянные усилия», пытаясь придать подобным «литературным шедеврам» хоть мало-мальски пристойный вид, однако они «остались непроницаемыми для читателя». Да, уж лучше «советологам» ограничиться восхвалением «диссидентов» в общих чертах, не рискуя приводить образчики их «творчества»!

Нередко в адрес советской еврейской литературы можно услышать упреки со стороны ревнителей «чистоты еврейского языка» за то, что мы пишем на идиш, а не на иврите. Но ведь как бы ни пытались гальванизировать иврит в государстве Израиль, идиш — это еврейский народный, широко распространенный язык, им пользовались все слои населения (в том числе и его яростные противники): на идиш объясняли и толковали Библию и Талмуд, на этом языке существует богатое устное народное творчество. И несмотря на все, сам этот язык заслужил со стороны снобов в прошлом (да и ныне в Израиле) обидные прозвища — «жаргон», «прислуга». Но это, повторяю, язык народный, понятный широким массам. Он стал после Октябрьской революции равноправным языком социалистической культуры, литературным языком.

На идиш выходят наши книги. На идиш писали классики еврейской литературы. На идиш печаталась газета в борющейся Испании в 1938 году. На идиш в годы гитлеровской оккупации выпускалась газета Сопротивления в каунасском гетто. И не ретроградам диктовать нам, на каком языке, в какой тональности и о чем следует писать. А многие еврейские литераторы в различных странах пишут на том языке, который является родным для большинства населения данной страны, в том числе и для евреев.

Конечно, и у советской еврейской литературы есть свои проблемы. Мы часто спорим, критикуем, не соглашаемся с мнением коллег и отстаиваем свое собственное, с горечью обнаруживаем ошибки и жалеем, что не могли написать лучше. Но все это не имеет ничего общего с теми обвинениями, которые раздаются из некоторых стран, от некоторых кругов, — обвинениями в «упадке», «застое» и даже — о боже! — «преследовании» еврейской литературы в СССР. Она, эта литература, развивается, мужает и набирает новую силу в дружной семье советских литератур.

ПОЭЗИЯ

Отар ЧЕЛИДЗЕ

За Риони

Помню: я увидел за Риони
Плуга клык — не острив ль меча?
И, мальчишка, а сини озаренной
Стон земли — зеленого мяча —
Услыхал...
Мне, помню, крикнул кто-то,
Скачущему на лихом коне:
— Погляди-ка, вот тебе работа! —
Указав на камень в стороне:
— Вот валун — точильный камень плуга...
Тут же с палки —
С верного коня —
Соскочил я, распустив подпругу:
Люди, положитесь на меня!
Сразу же, не медля ни минутки,
К валуну я бросился тому,
Не поняв незлой крестьянской шутки,
Радуясь открытью своему.
С ношею шагалось так легко мне
Под весенней чистотой небес!
Плуга клык,
Врезающийся в комья,
Мне казался чудом из чудес.
Словно на кругу гончарном глина,
Жаром исходил,
Но на плечах
Выдержал, как должно исполину,
Тяжкий груз
И смех односельчан...
Мальчик городской,
Я не сдавался,
Шел за плугом —
Не глядел назад.
Добродушный хохот раздавался
Моему пыхтенью вслед
И в лад:
— Ну и сила! Не под стать ли бычьей?
Видно, с ношей справишься любой!..
Только где слыхал ты про обычай,
Чтоб таскать точила за собой?..
Знай, земля-то знает свое дело
И сама оттачивает плуг! —
Смех, грохочущий не день ли целый,
И сегодня мой волнует слух...
Память, чище родника живого,
И сейчас, как провиант, со мной.
Как бы мне хотелось
Слышать снова
Тот крестьянский гогот озорной!..
Тот валун, шагающий по следу
Юности и детства моего, —
Скоро ли меня, ндя по свету,
Он догонит? Или я — его?..

Перевела с грузинского Е. НИКОЛАЕВСКАЯ

Ожидание

Помню шумные порты,
Паровозов свистки,
Воздух вагонный спертый,
Вокзальные сквозняки.

Мне судьба указала,
Как милосердный суд,
Кресло аэровокзала —
Чтоб дожидался тут.

Прожитых лет остуда —
Милостивый приговор...
Я ожидаю чуда
С некоторых пор.

Некоторый поезд
В глубь ушел бытия,
Длится поиск
Десятилетия...

Жду. Стеклянные двери,
Тепленький ветерок.
Неужели потери
Людям — не впрок?

Медлю — стою у трапа,
Опаздываю на рейс.
Невозможна — утрата...
— Чкара, чкара — скорей!..

Нервничают пассажиры.
Вверх ступеньки сочту:
Не торопятся старожилы.
— Ждал, — говорю, — жду...

Вихрем трава клонима,
Что там — по борту — мимо?
Верю в чудеса!
Рвется неощутимо
Взлетная полоса.

Глубокие паузы

Куда нас влечет реактивная скорость,
Такая безоблачная и прямая,
Сидящих так тесно, летящих так порознь?
Что с нами такое — не понимаю.
Туманно-волнистое стелется море,
По плечи в волнах черноглавые храмы.
Глубокие паузы в разговоре
Похожи на эти воздушные ямы.
Молчим в разрывном нервущемся звоне,
Лишенном и призвука мягкости медной.
Струна — авиалиния Кавкасиони —
Звенит и подрагивает приметно.
О грубая твердь... Сотрясенье — паденье —
И прервано существованне наше:
Ничем не заполнено было мгновенье
Полуденной яркости и бесстрашья.
Все вместе капроновыми ремнями
Мы крепко привязаны к авиатрассе.
Молчание странное между нами.
Не надо, не говори, не старайся.

Перевел с грузинского В. ЛЕОНОВИЧ

Григорий ПОЖЕНЯН

СТИХИ О СЕВАСТОПОЛЕ

Волею судьбы я начинал свою флотскую службу в Севастополе, участвовал в дни войны в его обороне, в мае сорок четвертого вместе с нашими войсками входил в город.

Задумываясь об истоках мужества, я невольно вернулся и дням первой обороны Севастополя и нашел много общего в характерах и судьбах солдат войны той и этой — Великой Отечественной. Там я начал писать то ли повму, то ли нингу о «страстях» севастопольских. Часть из написанного предлагаю читателям «Литгазеты».

Нахимов

1. Предчувствие

Когда в одной ладони
все дороги.
И встать на холм,
как дернуть за кольцо.
И ни моря не властны
и ни боги.
И лица всех сошлись в одно лицо.
Когда послушней конь,
острее зренье
и ни себя не жалко,
ни коня.
Когда, освобожденный
остраненьем,
возвысишься над суетностью дня.
Как горячит
и как пьянит опасность.
Но, все свои сомненья погребя,
ты знаешь,
что живешь не для себя.
И в этом суть,
и правота,
и ясность.

Три ниши
во Владимирском соборе.
Три места в склепе.
Трое лечь могли
под куполом с крестом,
над городом,
что всех других дороже.
Был первым — Лазарев.
Он — первый адмирал
лег в склепе первым.
— Берегу
второе место для себя, —
сказал Нахимов.
Но смерть всевластна,
Подданных своих
смерть убирает
по своим контрактам.
Она — вершительница
судеб всех.
Одна она лишь только?!
И стал вторым — Корнилов.
Он, кажется мне,
тоже что-то знал.
Он загодя оставил завещанье.
Ранним утром,
часов примерно а семь,
часы отправил сыну золотые.
А в полдень
принял смерть на бастионе.
Не прячась от нее,
не хоронясь,
с холодною уыыбкой обреченья...
— Держу я третье место
для себя, — сказал Нахимов.
Он ослаб от горя
и не стыдился слез.
Был третьим —
адмирал Истомин.
Опять Малахов,
тот же бастион.
Люнет Камчатский.
Тот же вызов смерти.
(— Что хорониться,
смерть свое возьмет.)
И смерть взяла.
— Что ж, в склепе
нет больше места для меня, —
сказал Нахимов, — лягу...
в ногах товарищей.

2. Возвышение

А он — с коня в штыки,
и нет
ни неба, ни земли.
ни адмиральских эполет.
Лишь хруст костей
да красный лед,
когда кричат:
— Коли!
А он не думал ни о чем,
пришел ли, нет, черед.
Не взвешивал,
а предпочел
толкнуть тарутинцев плечом
и с саблею — вперед.
А ковыли давно в крови.
А бог приди и лик яви
в малиновом дыму.
И нет ни неба, ни земли,
лишь хруст костей
да крик:
— Коли!
Пощады — никому.

Однажды
накануне сражения
явился к Нахимову
Даненберг.
— Извините, — сказал он, —
что я еще
не был у вас
с визитом.
— Помилуйте,
ваше высочество,
лучше б Сапун-горе
сделали вы визит...

...Итак, другого не дано:
пусть все летит вверх дном.
Земля виднее под огнем,
трава теплее под огнем,
нет выхода — так вверх килем.
А город...
Если суждено.
Но... только не при нем.
Скатилась по небу звезда,
двух душ сближала даль.
Уберегли его тогда,
и отодвинулась беда.
Надолго ли?!.
Едва ль...

Близ Малахова кургана
солдат, умирая,
остановил верхового:
— Я не помощи прошу,
ваше благородие,
я спросить у вас хочу. —
Верховой склонился
в стременах.
— Адмирал Нахимов
не убит?
— Нет.
— Слава богу! —
и солдат, перекрестившись,
умер!..

3. Смерть

В шесть часов пополудни,
вернее, чуть раньше шести,
на исходе июня,
во вторник,
дня двадцать восьмого,
двое: Павел Нахимов
и флаг-офицер Колтовской,
благодушно беседуя,
ехали к Корну
верхами.
День клонился к закату.
акация властно цвела.
Сладковато и властно.
Нахимов сказал:
— Дело божье.
Бог дает. Бог берет...
Храбрость есть
постоянство усилий.
Смерть преследовать нужно,
чтоб душу от страха спасти.
То, что мы — молодцы,
хорошо. И для нас,
и, пожалуй, для многих.
В шесть часов пополудни,
вернее, чуть раньше шести,
на исходе дня,
во вторник,
дня двадцать восьмого,
обойдя батарею,
он вышел к вершине холма
и спросил у сигнальщика:
— Сколько вас?
— Суток... на четверо... хватит.
Рядом шлепнулась пуля,
с шипеньем уткнувшись в мешок.
Он стоял,
возвышаясь по грудь,
над банкетом.
Снова пуля...
— Прицельно стреляют,—сказал,
Керн был бледен.
Нахимов
за подзорной трубой потянулся...

...— Внизу идет богослужение
в честь завтрашнего праздника
святых Петра и Павла...
Не желаете послушать, —
спросил Керн. —
Никого не задерживаю-с.

На исходе июня,
ах, какая тоска,
он нашел свою пулю,
видно, пулю искал.
В шесть часов пополудни
тайна смерти близка,
и разгадкою жизни
хлещет кровь из виска...

Когда часы надежды истекли,
его по Аполлоновой горе
до бухты
донесли товарищи
и положили в шлюпку.
Буксировали баркасами
и встретили на Графской
как живого,
взяв весла на валек.
Потом неслышно
двинулись домой.
Из окон дома
было слышно,
как полковая музыка играла.
...Гроб его
три флага осенили.
Два адмиральских,
третий — кормовой,
пробитый ядрами
синопскими
с «Марии».
В почетном карауле
стояли — семнадцать в ряд.
«Полный поход»
сыграли барабанщики.
Колокола —
один, потом другой —
звонили с Корабельной.
Четырнадцать священников
служили панихиду.
Приспустили флаги
на кораблях.
Весь Севастополь
проводил Нахимова
в последний путь
до склепа,
во Владимирскую церковь.
Там его
три адмирала ждали.
Его учитель —
Лазарев.
Корнилов
и Истомин.
Он сам хотел
лечь у друзей
в ногах...

2 июня 1855

Я тоже был бы в Оленьку влюблен,
за ней по Малой Офицерской следуя.
Но муж ее, противника преследуя,
отстаивал четвертый бастион.
Я тоже был бы в Оленьку влюблен,
мол, что за грех, враги, и те братаются.
Но как мы знали б, от кого рождаются
наследники великих Оборон.
У флотских свой устав и свой закон:
не смей к чужому прикасаться ты.
Не то не будет никакой кассации,
пока гремят раскаты Оборон.
Но, полковою музыкой казнен,
он так хотел бы с нею посумерничать.
Но контрабасу с флейтой не соперничать.
И, не простившись, удалился он.
А ночью, отбивая Южный склон,
слова прощанья и прощенья комкая,
он умер на руках у Перекомского,
в жену которого он утром был влюблен.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ:

У КАЖДОГО САДА СВОЙ АРОМАТ...

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Наш специальный корреспондент З. Финицкая встретилась с поэтом Мирзо Турсун-заде и задала ему несколько вопросов. Ниже мы публикуем запись беседы.

— Первый вопрос, который хочется задать вам, Мирзо Турсунович, относится к числу «вечных» и для каждого творца неизбежных: с чего, на ваш взгляд, начинается поэзия?

— Конечно же, начинается она с обостренной эмоциональной реакции на все многообразные проявления жизни. Но даже если знаешь жизнь и воспринимаешь ее открытым разумом и сердцем, то этого еще недостаточно. Важен общий комплекс проблем действительности — самых жгучих проблем! — постоянно владеющих думами поэта, степень его увлеченности ими. Иначе говоря, воплощенный в личной судьбе опыт времени и народа. Смею утверждать, что творческий потенциал любого поэта прямо пропорционален масштабу этого опыта. Не питаемый постоянными жизненными импульсами, талант чахнет. Когда теряется живая нить связи с реальностью и иссякает поток впечатлений — останавливается творческий рост. Появляется вымысел вместо реальности, надуманные чувства заменяют подлинные. Бледнеют и увядают образы. Когда не о чем писать — лучше остановиться.

Надо стремиться как можно больше увидеть, понять и осмыслить в самой жизни — золотое правило, которому я стараюсь быть верным всегда. Строили, например, у нас в Таджикистане Большой Памирский тракт, пробивались к высокогорному Хорогу, месту, как говорится, забытому богом. Я весь путь прошел вместе со строителями, все старался прощупать собственными руками. Увидел тогда и узнал много незабываемого, запомнившегося навсегда. Потом возникло стихотворение «Мы пробивались на Хорог»...

— Но ведь стихи эти только отталкиваются от факта строительства Памирского тракта, на самом деле они о другом: о судьбе таджикского народа, о том существовании на грани исчезновения, которое он влачил до революции, и о новой, возрожденной его судьбе...

— Так получилось. Памирский тракт стал важной вехой в развитии республики, вдохнул жизнь в оторванные от большого мира районы и одновременно явился как бы символическим мостом из нашего прошлого в будущее. Таким я и увидел его...

Над тем, что вылилось потом в цикл «Индийская баллада», я напряженно размышлял на пути от Дели до дома и писал по горячим следам. Но перед этим долго готовился к поездке — читал, слушал рассказы очевидцев. Однако я заметил, что мне надо сначала «отойти» от материала, увидеть его как бы на известном расстоянии, а потом уже браться за перо.

Роль творческого «первотолчка» часто играют незнакомое место, новый пейзаж (для меня большое значение имеет природа). Потом уже я пытаюсь подойти к стихам. Например, когда я был в Ботаническом саду Академии наук республики в Варзобском ущелье, ходил там и всматривался в редкостное собрание растений, определился замысел поэмы «Хасан-арбакеш». Обрел определенную форму и выработался в четкий сюжет материал, знакомый с детства и юности. Последний цикл — «Хранительница огня» — писался в Кунцеве, далеко от родного края. Но как раз здесь возникли слова, которые мне давно хотелось сказать...

— В вашем творчестве органично уживаются жанры масштабные и лаконичные, эпические и лирические. Чувствуете ли вы трудности при переходе от одних к другим? Каково ваше мнение по поводу не столь давних (и до сих пор не прекращающихся) споров об эволюции и взаимоотношениях поэзии эпической и лирической?

— Разбираться в специфике жанров — дело критиков и теоретиков литературы. Я же считаю, что поэзия была и остается самой лаконичной и вместе с тем самой емкой формой выражения мысли. Не понимаю авторов, пишущих поэмы в шесть тысяч строк. Встречаясь с подобными публикациями, обычно вспоминаю слова Саади: много знай, но мало говори: не произноси тысячу слов, но вырази тысячу мыслей в одном слове (это мой подстрочный перевод персидско-таджикского классика). Рубан, то есть четверостишия, Хайяма — славная, доныне живая традиция. Но лично для меня она кажется почти недосягаемой. Слишком совершенен образец. Потому я и не берусь за эту форму — боюсь. Образец ко многому обязывает и потому сковывает. Именно уважение к совершенству «первоисточника» удерживает меня от нескромного состязания с классикой. Рубаи — это ведь не просто четыре строчки с определенным размером и канонической рифмой. В этих четырех строках нужно выразить ощущение целой эпохи — как в многотомном романе. Я имею в виду подлинные, философские рубаи, подобные тем, что создавал Хаям.

Надо разграничивать масштабность материала и способы его поэтического выражения. Лирика в устоявшемся смысле — это признание в любви, или пейзажная зарисовка, или моментальный «отпечаток» душевного состояния.

Эпическое начало обычно связывают с сюжетом. В современной поэзии лиричность и сюжетность все больше дополняют друг друга, образуя своего рода синтез. И тут неизбежен сплав пережитого только тобой и тех объективных впечатлений, которые навеяны современной жизнью, историей, настоящим и прошлым. Когда я писал поэму «Вечный свет», то в лирическом, внутреннем сюжете стремился выразить свои мысли и чувства, радость и трепет, связанные с двумя важными для меня событиями: рождением сына и одной из встреч с Садриддином Айни в последние годы его жизни. Мне хотелось утвердить здесь идею преемственности поколений, преемственности светлых начал нашей жизни, вечности той эстафеты, которую мы получили от предшественников и обязаны передать потомкам.

— Ваши поиски всегда шли по широкому кругу: от обновления традиций персидско-таджикской классики до современнейших тем, злободневных проблем, выраженных в публицистическом стихе. Что в этих поисках вы считаете наиболее удовлетворившим вас, если смотреть на них с точки зрения уже достигнутого?

— Если говорить об уроках, то для поэта имеют значение не только успехи, но и ошибки. Вернее, способность осознать их. Они подсказывают, чего не следует тебе делать. В молодости, в тридцатые годы, стремясь «идти в ногу с веком», я разбивал строки своих стихов на отдельные отрезки, ломал размер, искал невероятные рифмы. Миршакар, Улуг-вода и я работали тогда в газете «Комсомолец Таджикистана», начинали свой путь в литературе и, конечно, много говорили и спорили о поэзии. Маяковский, подобно буре, вторгся в наше сознание.

В конце концов я пришел к выводу, что механическая ломка нашего таджикского стиха, внешнее его приспособление к поверхностно понимаемой «современности» — дело бесперспективное. Современность — в самом духе поэзии, в глубине ее содержания, а не в формальных атрибутах. Упивался утонченной образностью Хафиза, вдумываясь в сложную философичность Бедиля, я вернулся к традиционным размерам, ритмике и системе рифмовки классического таджикско-персидского стихосложения.

Осознание бесплодности скороспелого и демонстративного «новаторства» одновременно привело меня и к другой мысли: необходима внутренняя перестройка нашей поэзии; старая, во многом канонизированная система образности может быть переосмыслена, если вдохнуть в нее современное содержание. У нас говорят: секрет в руках музыканта, играющего на инструменте, а не в инструменте самом по себе.

— Если в этой связи вернуться к вопросу об эпической и лирической поэзии, то, вероятно, и в наши дни возможно воскрешение традиции, например, такого эпоса, как «Шахнаме» Фирдоуси?

— Как новаторство не должно быть механическим, так и возрождение традиции — тоже. Можно, пожалуй, переосмыслить отдельные сюжетные моменты «Шахнаме» — это делает, например, Лоик Шерали, умело находящий в великом эпосе мотивы, перекликающиеся с нашими днями. В любой форме важна прежде всего ее жизненная содержательность.

— Вы упомянули Лоика Шерали. Как вы относитесь к его поискам, к работе других молодых таджикских поэтов?

— Известно, что каждое новое поколение стремится как можно громче сказать свое собственное слово. Я слежу за молодыми и вспоминаю годы, когда вступали в литературу мы, их предшественники: та же горячность, то же нетерпеливое желание идти иным путем. Как и у нас тогда, у них тоже не все получается. Но есть уже удачные опыты обновления таджикского стиха, его структуры и образной системы. Особенно это касается Лоика Шерали и Бозора Собира, которые экспериментируют на широкой основе, обращаясь к достижениям поэтического слова других братских народов, к лучшему в зарубежной литературе. Надеюсь, что в будущем они добьются больших успехов. Хотя хочу подчеркнуть, что обновление таджикского поэтического слова — дело очень и очень непростое. Наш язык устойчив — мы читаем Рудаки в подлиннике.

Очень тонкое это искусство — работа над словом. Некоторые авторы считают у нас возможным вводить новые слова методом кальки, но это механическое, а не творческое обогащение языка.

В связи с молодыми часто говорят о «новом стихе». Но нередко в это понятие вкладывается слишком неопределенное и невнятное содержание. Новый — значит прежде всего непохожий. На что непохожий? Случается, что просто на поэзию. Мы открыто заявляем, что ждем от поэзии гражданственности, социальности, народности. И с точки зрения нашего понимания задач писателя и его места в мире любые художественные искания плодотворны, если они утверждают светлую мысль, идеи гуманизма. Я — за такую поэзию. Смысл же поиска вижу в высшей, просветленной простоте совершенства, простоте, которая вобрала в себя всю многогранную сложность мира и человека.

Я люблю перечитывать поэтов, которые высшую простоту избрали идеалом своего творчества. Например, Твардовского. Это был истинно народный поэт — и по языку, и по мышлению. Русские классики — Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Есенин — писали прозрачным и ясным языком. Особенно дорога мне некрасовская традиция: разговор с народом, разговор посредством поэзии. Думаю, эту традицию не должны забывать молодые.

— Однако в вашем творчестве встречаются и сложные, изощренные образы, которые строятся на прерывистом, часто неожиданном движении ассоциаций. Возьмем, к примеру, стихотворение «Тара-Чандри» из цикла «Индийская баллада»...

— Подобные образы возникают сами по себе, я не стараюсь здесь что-либо придумать и не стремлюсь к ним нарочито. Таким я увидел танец прекрасной индийской женщины, основанный на фантастической сюжетной орнаментике и символике драмы Калидасы «Шакунтала». И вообще, как известно, индийская национальная хореография отличается утонченнейшей сложностью. Но когда ее лично переживаешь в непосредственном восприятии, то ощущаешь как нечто близкое и понятное. Такова сила искусства.

— Что вы можете сказать о взаимовлиянии наших литератур, о взаимодействии поэтических индивидуальностей?

— Когда в Бомбее я любовался знаменитым висячим садом, о котором говорится в одном из моих стихотворений, то воспринимал его как достояние всего человечества, нечто близкое всем народам, которые чтут дело рук людских, созидающих красоту. Так и все лучшее в любом национальном искусстве является одновременно близким и дорогим для других народов.

Сейчас мы собираемся из Подмосковья привезти к себе домой ландыши и посадить их на берегу Варзоба. Таких цветов у нас в Таджикистане нет, они украсят наш сад, прибавят к нему еще одну краску, еще один дивный аромат. Когда пересаживаешь цветы или деревья другой земли в свой сад, то здесь они уже цветут и плодоносят по-иному, гармонируя с новым для них окружением, подчиняясь законам нашей почвы. Точно так же при плодотворном взаимовлиянии лучшее «чужое» оборачивается в литературе своим, кровным.

Никогда не было и не может быть изолированного национального искусства. Одновременно нет и не может быть искусства без- или вненационального, разве что его жалкое подобие. Пушкин не стал бы мировым поэтом, если бы не являлся столь русским по самой сути своей. Но он не был бы Пушкиным, если бы не впитал Байрона, не прислушивался к Мицкевичу, не принял в свое сердце Саади, не жил бы драмами народов Кавказа и тем пониманием героического и прекрасного, которое увидел у них...

Если бы новая таджикская литература замыкалась только в собственных рамках, она не вышла бы за пределы распространения родного языка. Наш первый советский классик Садриддин Айни до конца дней своих остался верен Горькому. Школой для Айни явилась и вся русская революционная литература вообще. Но он одновременно глубоко национален. Манера повествования, и колорит, и почерк у него восточные, а проблематика и образы взяты из хорошо знакомой ему жизни родного народа.

Подлинный взаимообмен духовным достоянием — всегда обогащение и никогда нивелировка. Если же возникает подобие, сходство, единообразие — значит, заимствована схема, а не суть. Ведь хороший садовник, пересаживающий растения, стремится получить в новых условиях плоды и цветы с небывалыми раньше свойствами — большей величины, яркой и нежной окраски. Здесь нам есть чему поучиться у садовников. Аромат у каждого сада поэзии должен быть свой, неповторимый.

Матэ РЭЛЬЯ:

РАДОСТНЫЕ ВЕХИ

НЕДЕЛЯ ЮГОСЛАВСКОГО КИНО В СССР

КИНО

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

«Доктор Младен», «Зимовка в Яковсфельде», «Между страхом и долгом», «Восстание крестьян, 1573 год», «Мука» («Яд») и другие новые художественные фильмы, а также 23 документальных и 15 мультипликационных демонстрировались в Москве, Ленинграде, Киеве, Кишиневе, Волгограде и Запорожье во время Недели югославского кино. Кроме того, во всех столицах союзных республик демонстрировались лучшие фильмы Югославии прошлых лет. Сама же Неделя явилась частью Дней культуры народов и народностей Социалистической Федеративной Республики Югославии. Сегодня мы публикуем интервью корреспондента «ЛГ» с кинорежиссером Матэ Рэльей, членом делегации, представлявшей кинематографистов братской страны.

— В годы войны в партизанском отряде чаще, чем винтовка, у меня в руках была гитара. Иначе говоря, я был в труппе партизанского театра. Мы вели коммунистическую пропаганду средствами искусства. Как могли, поднимали боевой дух бойцов. Тогда-то и начался мой творческий путь.

Я всегда мечтал снять комедию, даже сыграть в ней, но пока не получилось... А на Неделю югославского кино я привез свой фильм «Поезд в снегу». Его герои — дети.

«Поезд в снегу» снимался долго — два года, и все два года я с завистью вспоминал о бескрайних заснеженных просторах Советского Союза. Дело в том, что в первый год съемки зима в Югославии была почти бесснежная, и поезд, как следует из названия картины, на самом деле должен был быть «в снегу». Никогда в жизни я так активно не интересовался метеосводками, как в тот период...

Большинство художественных фильмов, привезенных нами для показа в Советском Союзе, посвящено антифашистской борьбе в годы второй мировой войны. Для советских зрителей, наверное, было приятным сюрпризом, что в главной роли одной из лент — «Вершины Зеленгоры» режиссера Здравко Велимировича — снимался ваш Сергей Бондарчук.

Мы надеемся, что по привезенным нами фильмам советский зритель смог составить в какой-то мере верное впечатление о сегодняшнем югославском экране.

Впервые я побывал в Советском Союзе три года назад. Даже за эти несколько лет — срок совсем небольшой — Москва разительно изменилась: стала красивее, я сказал бы, светлее. Заметно, что люди живут лучше; мне очень нравится общая четкая организация жизни, если можно так выразиться.

В заключение хотелось бы отметить, что мы в Югославии, как и вы в Советском Союзе, с большим вниманием и волнением следили — по телевизионным передачам, по сообщениям радио и газет — за ходом встречи товарищей Л. И. Брежнева и И. Броз Тито. Визит Л. И. Брежнева в Югославию, как и предстоящий визит И. Броз Тито в Советский Союз, — для всех нас радостные вехи на традиционном для народов наших стран пути дружбы и сотрудничества. Наши руководители точно выразили то, чего хотят наши народы...

Кадр из фильма «Между страхом и долгом»

Кадр из телефильма «Двенадцать стульев». В ролях: Коробейников — М. Придэн, Бендер — А. Миронов

Фото А. ДЕЕВА

«ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ...»

Вадим СОКОЛОВ

ЗАМЕТКИ КРИТИКА О МНОГОСЕРИЙНЫХ ФИЛЬМАХ

МНОГОСЕРИЙНЫЙ телевизионный фильм медленно, но верно отвоевал себе за последние годы место под солнцем. И для него — многоликого, разноголосого, напористо и уверенно захватившего крупнейшие киностудии страны — нет более вопроса: «быть или не быть»... Но остается другой, не менее существенный вопрос: каким быть?

Нам вполне хватило бы количества новых многосерийных телефильмов, если бы всем им хватало качества.

Вот здесь и стоит обратиться, как научили нас создатели незабываемого Штирлица, за «информацией к размышлению».

ВО-ПЕРВЫХ — ЛИТЕРАТУРА

Да, несомненно, главное в первых многосерийных — это принципиально иные, чем в обычном кино, на новом уровне возникшие взаимоотношения с литературой.

Мы все отчетливо это почувствовали, увидев «Сагу о Форсайтах» на телеэкране. 26-серийный фильм поражал прежде всего глубиной прочтения романа. Бывали и раньше отличные экранизации, были и весьма посредственные — столь доверительных и внимательных к своей литературной первооснове до многосерийных телефильмов не было. Режиссерские приемы, актерские краски, монтаж прямой и параллельный — все как бы растворилось без остатка в литературной ткани хорошо известного романа. Камера читала' Главу за главой. Чаще «про себя», но иногда открыто обнаруживая писательский текст закадровым голосом.

Происходило нечто недопустимое с позиций прежней киноэстетики. В ту пору как киноэкран успешно и решительно «освобождался от многословья», здесь — сплошные диалоги, да еще по пустякам, на основной сюжет почти не играющие (*запомним это почти*).

Что это — досадный провал? Бунт? Или незапланированное чудо?

Но провала не обнаружилось, был общепризнанный успех. И бунта никто не почувствовал — скорее, приняли как должное. Да и само «чудо» нетрудно свести к простой арифметике: ведь длина картины была по крайней мере в тринадцать раз больше допустимого на киноэкране. Иной объем...

Конечно, в этом прозаическом объяснении есть своя правда, но далеко не вся. Оставалось незыблемым исходное условие: на каждом метре, на каждом сантиметре пленки должна присутствовать мысль. То есть, чтобы стать длиннее, фильм должен был стать глубже.

Раньше мы пользовались понятием «пухлые романы», теперь мы с горечью то и дело видим «растянутые телефильмы». Совсем недавно Киевская киностудия показывала по телевидению многосерийные «Волны Черного моря». Эти «волны» могли катиться бесконечно — в их многосерийности не было никакой творческой обязательности. Их киномысли не хватило бы и на одну полную серию. А что, если положить перед телевизором, через который тянутся бессмысленные, пустые проезды и переезды, книгу катаевской прозы (литературный первоисточник) и спросить себя: давала эта проза основания для глубокого, вместную многосерийного прочтения? Уверен, что давала. Ведь она была прекрасна и ценна отнюдь не «голым» сюжетом. Сколько в ней рассыпано многозначительных примет времени и человеческой психологии, тех самых «почти не относящихся к сюжету», которыми так легко пренебрегли создатели нынешнего фильма! Запас «слов» у кинокамеры оказался куда меньшим, чем у лежащей перед ней литературы. А вот это как раз в многосерийном фильме не прощается!

Стало быть, новый жанр требует и нового уровня чтения. Там же, в Киеве, годом раньше Николай Мащенко снял уже знаменитые ныне шесть серий фильма «Как закалялась сталь». Несколько поколений читателей до дыр зачитали хрестоматийный роман Николая Островского, да и инсценировок, экранизаций он пережил немало... Стоило ли браться? Сегодня этот вопрос решен, и решен победоносно для многосерийного телефильма. Принципиальна в этой победе новизна прочтения классики.

Думаю, что немаловажным для будущего оказался уже первый шаг: задумав свою «длинную» экранизацию, Н. Мащенко сценаристами фильма пригласил А. Алова и В. Наумова — тех самых, которые много лет назад своим режиссерским дебютом избрали тот же роман Н. Островского. Тогда, в своем собственном фильме, молодые художники сосредоточились на главной сути книги. Естественно ожидать: теперь они не менее глубоко и подробно постараются «прочесть» ее всю, целиком, до мельчайших подробностей. Отсюда две краски, вычитанные у Павки и подчеркнуто обнажившие теперь в каждой детали, ситуации, — убежденность и страстность. В каждом кадре, в каждой сцене, в каждом появлении артиста В. Конкина перед камерой! Героизм будничного дня — вот что несет из эпизода в эпизод новый, «приблизившийся» к сегодняшнему зрителю Павка.

Оттого так и разросся (*по сравнению со всеми предыдущими экранизациями*) и стал доминирующим эпизод строительства коротенькой железнодорожной ветки в Боярку. В нынешнем фильме он занял целую серию, а отснятого материала хватило бы на три такие серии. Бесконечный ливень, грязь по уши, малодушие. «А зачем, для того ли кровь проливали?..» Ты уже не просто вспоминаешь, ты готов сам, сейчас, от себя написать эти строчки романа... Полное, безраздельное слияние литературы и экрана! Слияние, доступное только такому кино.

Высокая литература всегда значительна своим подтекстом. Она всегда многослойна, многовариантна для читателя (*оттого наша страсть перечитывать хорошую книгу, и не в любой, а именно в «нужный» момент, когда ты созрел для восприятия чего-то нового — наутро или через двадцать лет*). Обилие плоской, узкоспециализированной фантастики и еще более плоских детективов позволяет питаться чтением, не думая о подтексте. Тем важнее и поучительнее для будущих телефильмов успех многосерийного детектива Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны».

Приключенческий сюжет — это, в некотором роде, alma mater многосерийного фильма. Когда Адам и Ева многосерийного кино впервые решали, за какое яблоко ухватиться, они раньше всего обратили внимание на приключения. Шутка ли сказать: предстоит удержать миллионы людей у домашнего экрана уже не один, а пять-шесть-семь вечеров подряд! Ну, а если шагнуть дальше, уже не по крутым ступенькам очередного приключенческого сюжета, а несколько в сторону, поближе к человековедению — что тогда?

Думаю, есть все основания утверждать (как это ни покажется парадоксальным), что с литературным законом подтекста телефильм *этот* связан даже больше своего романа. Что же, Штирлиц стал на голубом экране глубже? Если хотите — да. И дело тут не только в таланте и обаятельности Вячеслава Тихонова. Тем более, что Штирлицу не суждено както меняться, «расти» у нас на глазах: его главная задача по роли — как раз оставаться неизменным, с одной маской на лице. Так можно ли в таком сюжете рассчитывать на психологическую глубину, многослойность — на серьезный подтекст для двенадцати серий? Однако фильм «Семнадцать мгновений весны» сумел «наполнить» главного героя с помощью его антиподов. Прежде и больше всего — с помощью Мюллера, блестяще разработанного авторами картины и не менее блистательно сыгранного Л. Броневым. Камера многосерийного фильма не ограничилась прочтением достаточно увлекательного сюжета, а задержалась, всерьез задумалась, заставила себя и нас осмыслить, почувствовать подтекст литературного материала. Придала ему немалую «информацию к размышлению».

ВО-ВТОРЫХ — РЕДАКТУРА

Всеми правилами соавторства большой литературы на телеэкране и в кинопроизводстве обладает, естественно, режиссер (он, кстати, в сегодняшних экранизациях, как правило, оказывается автором сценария или хотя бы одним из авторов). Но вот беда: режиссура наших киностудий сплошь и рядом читает литературное произведение особо скоростным, «диагональным» способом. Толстых и тонких лапок с пометкой «сценарий (прочти, дорогой!)» попадается под руку предостаточно, отыскать среди них «жемчужное зерно» — дело нелегкое, оставаться в простое и вовсе ни к чему, а сроки жмут... Словом, как шутил один хороший писатель, «мне некогда читать, я сам пишу».

Режиссеру всегда некогда. Его естественное желание — поскорее оказаться в привычной обстановке: в павильоне, на съемочной площадке, за камерой.

Со временем, надо думать, режиссеров многосерийного телекино будут готовить по особой программе. Ну, а пока? Ведь уже начаты, запущены в режиссерскую разработку десятки многосерийных телефильмов, которые мы будем смотреть в 1977-м и даже в 1978 году. Серьезным подспорьем в создании высококачественных телефильмов должна сегодня стать работа редактора в киногруппе.

Вот взялось, наконец, кино за повести Василя Быкова. Отличная проза последних лет — глубокая, тонкая, драматичная! И какой же обедненной, средней, на ряда вон не выходящей выглядит она на экране... Уверен, это не только просчеты и потери разных режиссеур — есть в этом коллективном уроне и немалая вина кинередактуры. Возникает своего рода «недочитанность» произведения, и начинается она с редакторского стола, с этапа первых обсуждений режиссерской заявки и сценария. Среди недавних экранизаций прозы Быкова мне представляется наиболее удавшимся трехсерийный фильм «Долгие версты войны» (плюс еще новая картина Л. Шепитько «Восхождение»). И надо отдать должное студии «Беларусьфильм»: она фундаментально готовилась к этому важному для себя шагу. Ведь и здесь все начиналось с редакторских сомнений: «А возможно ли все это?» Удастся ли не просто экранизировать повесть, а снять именно «быковскую прозу», объединив сразу несколько сюжетов? Недостатка в режиссерских заявках на такое предложение не было, но опять-таки — кто потянет? И когда Александр Карпов своей настойчивостью — и прежде всего безусловной готовностью максимально сохранить все «авторские нюансы» — отвоевал это право, начался скрупулезнейший, воистину редакторский поиск наибольшей «синхронности» двух искусств — литературы и кино.

Редактор ни в коем случае, даже на короткий момент, не должен превращаться в соавтора писателя, режиссера, композитора — в этом я абсолютно уверен. Его трудная обязанность — почувствовать и обосновать зрительские «не так». А как — это решат и сделают сами авторы. При этом его обязанности вовсе не ограничиваются словом «нет» — в результате редакторского «нет» (если речь не идет о простом вычеркивании и сокращении) должно, обязательно должно родиться авторское «да». Только так!

В-ТРЕТЬИХ — НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНЬЕМ

Понятие «многосерийный телефильм», массив нового жанра, складывается сегодня уже не из трех-четырех (как несколько лет назад), а из десятков кинолент.

Здесь «первооткрыватели» так молоды, что они вполне могут оказаться рядом — в одной телепрограмме — с теми фильмами, которые только что закончены или еще снимаются. На «Мосфильме» это «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», «Адъютант его превосходительства» и «Вымыслом огонь на себя», «Хождение по мукам»... На «Ленфильме» — «Строговы» и «Соль земли», «Память», «Моя жизнь», «Два капитана», «Сержант милиции», «Открытая книга»... На Студии имени Довженко — «Юркины рассветы», «Быть инженером», «Рожденная революцией», «Память земли»... На Студии имени Горького — «Карл Маркс», «Красное и черное», в Одессе — «Наследники», «Судьба барабанщика», «Тимур и его команда». На «Беларусьфильме» — «Кортик», «Выстрел», «Вашингтонский корреспондент». На «Таджикфильме» — «Кто был ничем», на «Грузияфильме» — «Ветер моих гор», на Литовской киностудии — «Смок и Малыш»...

Наконец, то, что не заказывалось на киностудиях, а снималось прямо на телевидении, в «Экране» — «Обретешь в бою», «И это все о нем», «Дни хирурга Мишкина».

Первые телефильмы Сергея Колосова, «Память», «Юркины рассветы», «Рожденная революцией» — это не экранизации готовых книг. Но чем дальше, тем больше обнаруживается главное достоинство многосерийности — неповторимая способность «читать вглубь» самые серьезные повести, романы, эпопеи. Теперь львиную долю в заказах творческого объединения «Экран» ЦТ занимают многосерийные экранизации и современной, и классической литературы.

Уже значатся в планах «Обломов», «Господа Головлевы», заново берется телекино за «Трех мушкетеров» и «Двенадцать стульев». Есть заявки на «Клима Самгина», «Анну Каренину», «Молодую гвардию», военные романы Симонова... Замыслы, что и говорить, смелые и многообещающие.

Но вернемся к тому, что сделано и делается. Многое ли из потока этих названий хотелось бы увидеть на телеэкране второй, третий раз? Стоит подумать об этом, как список резко сокращается: все те же «Семнадцать мгновений...», «Как закалялась сталь», «Адъютант его превосходительства», наверное, кому-то еще и «Тени...», кому-то «Выстрел», кому-то «Юркины рассветы»...

Но многое спокойно легло на полки архива, не вызвав в огромной, многомиллионной аудитории особого отклика. Прошло, тяжких огорчений и нареканий не принесло, но и радостей тоже. «Средний фильм»...

КАЖДОЕ новое дело поздно или рано приходит к своей «серединке». Тут нет причин для отчаяния (даже в искусстве) — лишь бы освоенная, завоеванная вчера «серединка» не показалась назавтра нормой, пределом желаний. Лишь бы не прикинули себе в утешение: ну что ж, пять «средних» вполне могут заменить один хороший... Нет, не могут.

Ведь само понятие «средний успех» существует лишь при внутрицеховом, профессиональном подходе. Для людей, прямо с искусством не связанных, не существует «средней» литературы и среднего кино — на них не стоит тратить времени.

Телевидение по праву гордится своей самой массовой аудиторией. Свыше ста миллионов за один вечер!

Но 100 миллионов — это у всего телевидения в минуту его высшего достижения. У телекино, наверное, меньше. У одного телефильма — еще меньше...

Нельзя начинать и заканчивать работу над очередной картиной, имея в виду расплывчатую, неопределенную массу в сто миллионов зрителей — надо видеть глаза своего зрителя. А он есть у телефильма, как есть он у каждого театра. Когда теряется эта определенность, тогда и появляются на телеэкране размытость жанров и даже неясность адреса: кому все это — взрослым или детям?

Телефильм берется сегодня за важнейшие темы нашей жизни. Вспомним хотя бы, сколько «производственных» романов и пьес уже перенесено и переносится на голубой экран. Но, к сожалению, не здесь, а на театральной сцене пока наиболее яркие удачи. Или так называемая «деревенская проза» — в литературе она давно уже заняла одно из самых почетных мест, а вот тут романы Абрамова, Залыгина, Тендрякова, повести Трифоновского, Белова, Распутина все еще «не по зубам...». Лежит нетронутой интереснейшая литература нравственных исканий.

Конечно, превратить абрамовских «Пряслиных», залыгинскую «Комиссию», астафьевскую «Царь-рыбу» в достойный телефильм — задача не из простых. Во всяком случае, не театру, не обычному кино такое еще не удавалось.

Единство социального и психологического анализа на уровне лучших достижений литературы — вот то реальное качество, которое может и должно стать «точкой отсчета» для завтрашнего многосерийного фильма. Пришла, я думаю, пора обогащаться и оригинальными многосерийными сценариями, специально рассчитанными на телекино.

Новое искусство, естественно, вызвало к жизни целый комплекс проблем. Завтрашнему многосерийному телефильму предстоит их решать по-своему — новаторски. И не числом, а уменьем.

РЕЗОНАНС

ЕСТЬ АЛЬМАНАХ «ПОЭЗИЯ»!

В «Литературной газете» (№ 7, 1975) было опубликовано коллективное письмо поэтов с предложением о создании на телевидении Клуба поэзии — регулярной передачи, где со своими новыми стихами выступили бы поэты, который стал бы творческим дискуссионным клубом.

19 октября в эфир вышел первый выпуск альманаха «Поэзия», подготовленный Главной редакцией литературно-драматических программ ЦТ. Не тянулся вяло разговор о развитии советской поэзии за последние пять лет, о период между V и VI съездами Союза писателей СССР.

Альманах «Поэзия» открыл один из старейших советских поэтов — Павел Антокольский. Его вступительное слово было посвящено истокам советской гражданской поэзии, творчеству ее родоначальников — Александра Блока и Владимира Маяковского.

Не разомкнув страницах альманаха с чтением стихов выступили Михаил Дудин, Зульфия, Владимир Соколов.

«Поговорим о переводе» — так называлась одна из страниц альманаха, которую вели поэты Григол Абашидзе и Александр Межиров. Сергей Наровчатов и Александр Межиров поделились воспоминаниями о Михаиле Луконине.

В альманахе «Поэзия» есть и страница «Над чем работают»: поэты не только читают свои стихи, но и рассказывают о творческих планах и замыслах. Ив этот раз с телезрителями беседовали Виктор Боков и Лариса Васильева.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

МИХАЙЛОВ А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. 1976. 352 стр. 1 р. 23 к.

НЕУПОКОЕВА И. Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. 1976. 360 стр. 1 р. 44 к.

Заказы просим направлять по адресу:

117464, Москва В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин № 1 «Книга — почтой», «Академкнига».

СЕМЬ ДНЕЙ В ДЕКАБРЕ...

Спецрейс «НР-257»: ИНТЕРВЬЮ НА ВОРТУ «БОИНГА»...

В минувшую субботу аэродром Шереметьево покинули два необычных лайнера компании «Пан-Америкэн». На их серебристых боках по-английски и по-русски было выведено: «Советско-американский торгово-экономический совет». На борту «боингов» возвращались домой американские участники четвертого заседания этого совета, проходившего в Москве.

Руководство совета любезно предоставило мне место в одном из самолетов, и таким образом ваш корреспондент в буквальном смысле оказался в центре деловых кругов. Помогли также приключения в пути. Непогода закрыла аэропорт Шеннон в Ирландии, и самолеты сделали крюк для промежуточной посадки во Франкфурте-на-Майне. Здесь в одном из «боингов» обнаружилась техническая неполадка, и все пассажиры перебрались в другой. Теснота после Франкфурта нисколько не снизила атмосферы удовлетворенности, даже энтузиазма от проведенной в Москве недели.

Необычные пассажиры спецрейса «НР-257», все эти лидеры бизнеса, оценивающие свое время по наивысшим ставкам, единодушно говорили, что дни, проведенные в Советском Союзе, были окупаемой, нужной и интереснейшей инвестицией.

— Г-н Брежнев выступил очень откровенно, — заявил Р. Макменами, вице-президент корпорации «Интернэшнл дарестер». Он с гордостью сообщил, что на советских стройках работают бульдозеры и другие машины, поставленные представляемой им компанией, — всего 700 единиц оборудования. Чем он занимался в Москве? Дел было много: переговоры о новых сделках, выставках, обмене специалистами.

Для Р. Макменами нынешняя поездка — 22-я по счету. А вот Джон Джеймс, президент компании «Дрессер индастриз», в Москве в первый раз. Тем не менее «Дрессер индастриз» торгует с СССР с 30-х годов — с перерывом на «холодную войну».

Стефен Китинг, председатель правления корпорации «Ханнивелл», не только сам первый раз в Советском Союзе, но и его компания на нашем рынке — сравнительный новичок. Но новичок энергичный. Китинг успел побывать в Ленинграде, где в одном из банков уже работает компьютер, поставленный фирмой «Ханнивелл». Я спрашиваю, как машина, рассчитанная на капиталистические финансы, чувствует себя в социалистических условиях. Оказывается, ее бухгалтерскому уму даже легче — не мешают разбросанность, разобщенность частного предпринимательства. По мнению Китинга, хотя торговля между СССР и США по объему еще не столь уж велика, как могла бы быть, она очень важна политически.

Станфорд Смит, председатель компании «Интернэшнл пейпер», рассказывает о грандиозном проекте строительства лесобумажного комбината. Комбинат рассчитан на полное использование сырья без остатка, кроме, может быть, ветра, шелестящего в верхушках, с улыбкой объяснил мне Смит.

Джордж Трачевски, директор международной торговой группы штата Огайо, говорит о проектах компенсационных сделок, например о готовности представляемых им деловых кругов построить в Советском Союзе — по образцу уже работающего в Огайо — завод по производству шаровых задвижек для нефтепроводов.

Что ни беседа — все разные идеи, проекты, предложения. По-деловому, без сантиментов, без иллюзий.

— Я реалист, — говорит вице-президент компании «Катерпиллер трактор» Е. Чепмэн. — У нашей компании давно установившиеся деловые связи с советскими внешнеторговыми организациями. Мы поддерживаем деятельность совета, ибо считаем важным сотрудничество между нашими странами.

— Конечно, ваш трактор «Беларусь» — наш прямой соперник, — вступает я разговор уже упоминавшийся Р. Макменами. — Но мы верим в конкуренцию. У нас разные системы, разные пути принятия решений, но сравнения могут оказаться полезными, а время для расширения сотрудничества сейчас благоприятное.

В заседаниях в Москве с американской стороны участвовало несколько экспертов, в том числе профессор Колумбийского университета Маршалл Шульман. Я попросил его, так сказать, подвести черту под интервью, данными мне на борту «боинга», что он и сделал в следующих словах:

— Важность наших заседаний была подчеркнута в заявлении Генерального секретаря Брежнева. Это заявление способствовало тому, чтобы обеспечить основу для реалистических отношений с новой американской администрацией. Все участники чувствовали, что присутствуют при историческом моменте, когда решается вопрос о будущем.

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
соб. корр. АПН — для «ЛГ»

МОСКВА—ФРАНКФУРТ-на-МАЙНЕ—НЬЮ-ЙОРК

ХЕЛЬСИНКИ: КТО ПРОТИВ?

Опасные игры генерала Шнелля

Беда министру обороны ФРГ Леберу с его генералами. Уж больно они стали разговорчивыми, и их публичные заявления то и дело приводят к очередному скандалу. Не успели разойтись круги по воде, вызванные отставкой командующего люфтваффе Крупински и его заместителя Франке (см. «ЛГ», № 45), как Леберу пришлось вновь успокаивать взбудораженную общественность. На сей раз подвел министра его любимец генерал Шнелль, командующий силами НАТО в Центральной Европе.

Этот пост, один из высших и важнейших в атлантической военной иерархии, закреплен за западногерманскими генералами и давно уже стал вотчиной ветеранов вермахта. Первый раз Шнелль «попал в газету» два месяца назад, вскоре после выборов, причем, следует признать, без своего прямого участия. Тогда из министерства обороны ушел, хлопнув дверью, статс-секретарь Мани, ведавший вопросами вооружения. Тут-то Лебер и вспомнил о своем протеже Шнелле, срок пребывания которого на натовской должности истекал, и объявил о его предстоящем назначении на освободившийся пост статс-секретаря. Общественность насторожилась: по неписаному закону генералов в ФРГ до сих пор не назначали на политические руководящие посты в министерстве обороны. Однако нынешний кабинет не решился или не захотел дезавуировать министра, и все обошлось. С января будущего года Шнелль станет статс-секретарем в министерстве обороны.

И тут вдруг молчаливый обычно генерал заговорил. Дослужившая последние месяцы в НАТО, он принял в своем штабе в голландском городке Брунсуме группу депутатов бундестага и поделился с ними своими стратегическими раздумьями. Шнелль выразил опасение по поводу того, что принятая в НАТО американская стратегия «гибкого реагирования» не обеспечивает в достаточной степени «атомного устрашения» на случай конфликта. Поэтому, по его мнению, следовало бы изъять вопрос о применении американских тактических ядерных средств в ФРГ, в частности так называемых атомных мин и боеголовок к противовоздушным ракетам бундесвера, из исключительного ведения президента США и передать его в компетенцию командования НАТО в Европе. Тогда атлантические, в том числе и западногерманские, генералы смогли бы «в случае военного конфликта в Центральной Европе» применять эти средства по своему усмотрению «первыми и превентивно».

Многие близкие к коалиции комментаторы отмечали, что рассуждения командующего силами НАТО в Центральной Европе являются лишь очередным шагом в длинном ряду попыток западногерманского генералитета прорваться к заветной «атомной кнопке». 16 лет назад Штраус, в ту пору министр обороны при Аденауэре, открыто требовал оснастить только что родившийся бундесвер ядерным оружием. В 1964 году тогдашний генеральный инспектор бундесвера Треттнер рекомендовал НАТО установить на границе с ГДР все те же атомные мины. И вот теперь со сходными требованиями выступил Шнелль.

Наиболее дальновидные политические лидеры и военные эксперты в Бонне начинают сейчас задумываться о том, как бы избавить густонаселенную территорию ФРГ от печальной участи атомного полигона в случае «гипотетического конфликта». Закономерно поэтому, что недавнее предложение стран Варшавского Договора о принятии всеми участниками общеевропейского совещания обязательства не применять первыми атомного оружия вызвали здесь живой интерес.

Но Шнеллю все это не указ. Он, как видно, подобно старому Аденауэру (тот хоть в армии никогда не служил), считает, что «тактическое ядерное оружие — это лишь некоторое усовершенствование артиллерии и его следует незамедлительно передать в безраздельное распоряжение бундесвера».

Характерно, что так называемая группа ядерного планирования НАТО, собравшаяся в конце ноября в Лондоне на свою очередную сессию, не сочла нужным в своем коммюнике отмежеваться от заявления Шнелля.

Выступая на митинге советско-румынской дружбы в Бухаресте, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркивал, что вопрос о том, продолжать или прекратить гонку вооружений, слишком серьезен, чтобы предоставлять его решение воинственным генералам из Пентагона и НАТО и монополиям, богатеющим от производства оружия, и что действовать здесь должны ответственные государственные деятели. Опасные игры генерала Шнелля подтверждают глубокий смысл и правоту этих слов.

Николай ПОРТУГАЛОВ,
соб. корр. АПН и «Литературной газеты» ВОНН. (По телефону)

Восемнадцать часов. 5 декабря. Закрылись двери пунктов для голосования во всех 130 избирательных округах, где избиратели решали, как распределить 511 парламентских мест между 899 кандидатами. В 61 избирательном округе счетные комиссии приступили к работе.

Однако первые итоги кампании по выборам в японский парламент выдали не компьютеры, подсчитывавшие голоса, а электронно-вычислительные машины главного полицейского управления: к вечеру 4 декабря оно зафиксировало 25 278 случаев нарушения избирательного закона. Это на 5771 случай больше, чем было отмечено на предыдущих парламентских выборах.

Двадцать часов. На установленных в компьютерном зале токийской телекомпании «Эн-И-Кэ» панелях, на которых размечены избирательные округа и выписаны имена кандидатов в депутаты, поползли цифры: электронно-вычислительные машины повели репортаж о ходе подсчета голосов. Взгляды всех приковались к округам, названным телекомментатором «локхидовскими».

Двадцать два часа. На телеэкранах — штаб по проведению избирательной кампании бывшего премьер-министра Какуэя Танаки. Он обвиняется в получении от американской авиакорпорации «Локхид» взяток на сумму пятьсот миллионов иен. Суд над Танакой, выпущенным под денежный залог, начнется 27 января.

Японская демократия устроена таким образом, что позволяет взяточникам не только выдвигать свои кандидатуры в парламент, но и обеспечивает им возможность выигрывать выборы. «Если выборы покажут, что дело «Локхид» не оказало никакого влияния на их итог, это продемонстрирует незрелость японской демократии», — писала газета «Асахи» накануне выборов. Танака был избран в парламент.

Двадцать два часа тридцать минут. Одно за другим поступают сведения: второй глаз толстомордому богу Дарума закрасили во всех, кроме одного, избирательных округах, где баллотировались коррупционеры. По давней традиции, перед началом избирательной кампании каждый кандидат в депутаты замазывал красной один глаз у куклы, символизирующей удачу.

Двадцать три часа. Заместитель генерального секретаря либерально-демократической партии К. Мориями признается журналистам, что уже полученные результаты голосования тревожат руководителей консерваторов. ЛДП ставила задачу добиться в нижней палате парламента 271 места. Это дало бы ей большинство во всех парламентских комиссиях. Однако...

Двенадцать часов дня. 6 декабря. Четвертый этаж штаб-квартиры ЛДП напоминает зал ожидания на железнодорожном вокзале, когда отменены все поезда. Шум и толкотня. По меньшей мере сотня журналистов, направив объективы теле-, кино- и фотокамер на растерянного сотрудника отдела информации штаба, требует руководителей партии. Сотрудник лепечет: «Положение катастрофическое. Я думаю, руководство стесняется показаться перед вами».

С МЕСТА СОБЫТИЯ

Японские консерваторы терпят поражение

Вспоминаются интервью, которые накануне я взял у избирателей, выходящих из пункта для голосования в токийском районе Синдзюку:

— Простите за несомненный, быть может, вопрос: за кого вы сейчас голосовали?

— За кандидата социалистической партии.

— Я отдал предпочтение члену партии Комэйто.

— Я голосовал за коммуниста.

— Следовательно, вы выразили недоверие либерально-демократической партии, — продолжал я. — Почему?

— Она скомпрометировала себя коррупцией.

— Консерваторы заняты междоусобной борьбой за власть и не заботятся об интересах народа.

— Либерально-демократическая партия показала полную неспособность преодолеть инфляцию, превратить рост цен и ликвидировать безработицу.

Семнадцать часов. Компьютеры выдали последнюю информацию. Замерли цифры на зеленоватых экранах электронно-вычислительных машин. Получив лишь 249 депутатских мандатов, консерваторы впервые за последние двадцать лет лишились абсолютного большинства в нижней палате парламента. «Покончить с двадцатилетней единоличной властью денежного мешка!» — таким был один из предвыборных лозунгов оппозиции. Она вплотную приблизилась к поставленной цели.

Владимир ЦВЕТОВ,
соб. корр. Советского телевидения и радио — для «ЛГ»

ТОКИО. (По телефону)

ЛЕТОПИСЬ РАЗРЯДКИ

...И ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Речь Леонида Ильича Брежнева в связи с проведением в Москве четвертого заседания американо-советского торгово-экономического совета вызвала в деловых кругах Соединенных Штатов широкий интерес. Мне в эти дни приходилось беседовать с разными людьми, которые внимательно следят за развитием советско-американской торговли, видя в ней необходимую часть общего процесса дальнейшей нормализации отношений между СССР и США в интересах мира. Сошлюсь на две беседы.

Айре Уошборн, до недавнего времени один из руководящих сотрудников автомобильной компании Форд, считает, что деловые круги, к которым он принадлежит, заинтересованы на только в развитии торговых отношений, но и в заключении эффективных соглашений об ограничении стратегических наступательных вооружений, прекращении распространения ядерного оружия и достижении договоренности по всему комплексу мер, касающихся разрядки, о которых упоминал в своей речи Леонид Ильич Брежнев.

Мой собеседник бывал в Советском Союзе, встречался со многими советскими людьми, и из разговоров с ними, из анализа политики нашей страны он делает вывод, что меньше всего на свете СССР заинтересован в вооруженном конфликте с кем бы то ни было. Да и как может быть иначе, говорит Уошборн, в стране, народ которой понес самые большие жертвы во второй мировой войне.

Уошборн уверен, что страх перед Советским Союзом, враждебное отношение к нему в Америке стараются вызвать только те люди, которые рассчитывают нажить на этом политический капитал. Позорная поправка Джексона представляет собой попытку вмешательства во внутренние дела Советского Союза. СССР не получил в торговле с США прав, которые имеют другие страны, а это, кстати говоря, продолжает Уошборн, наносит экономический урон Соединенным Штатам. Развитие торговли с Советским Союзом — дело взаимовыгодное и, по мнению Уошборна, могло бы уменьшить инфляцию в США, не говоря уж о том, что долгосрочные советские заказы могли бы повлиять и на решение проблемы безработицы.

Мнение Уошборна в большой степени разделяет Фил Колкорд, один из владельцев крупной юридической фирмы «Колкорд энд Мекенти», специализирующейся в области корпоративного права, связанной со многими компаниями Уолл-стрита.

Сенатор Джексон, говорил Колкорд, как известно, не добился своей главной цели — он проиграл кампанию за выдвижение кандидатом в президенты США. Причем проиграл катастрофически. Это означает, что его политическая программа, и в частности его поправка, принятая сенатом, не произвела впечатления на большую часть народа Соединенных Штатов.

Конечно, дело здесь не только в эгоистических устремлениях сенатора Джексона. Он пытался завоевать паблисити, нужное ему для политической карьеры, в принципе тем же путем, каким зарабатывал себе «славу» сенатор Джозеф Маккарти. Однако ни с позорным провалом сенатора Маккарти, ни с поражением Джексона не перевелись в США охотники завоевывать политические и экономические барыши не страхе перед советской или коммунистической «угрозой». Мой собеседник назвал этот страх «коммерческим», «деловым». Очень точное выражение. Торгуя страхом, который, к сожалению, еще покупается в США, его продавцы получают в обмен новые заказы на вооружение, повышение тиражей газет и т. п. Таких продавцов страха в Америке, может быть, не так уж и много, но они влиятельны, и некоторые из них обладают большой экономической и политической властью.

Конечно, надо согласиться с моими собеседниками — не все просто и легко в великом деле разрядки напряженности. Но те, с кем я беседовал в эти дни, смотрят в будущее оптимистически. И многие возлагают надежды на то, что новая администрация, которая придет к власти после 20 января 1977 года, предпримет меры, которые будут отражать истинные интересы большинства американского народа.

Генрих БОРОВИК,
соб. корр. «Литературной газеты» и АПН

НЬЮ-ЙОРК

РЕПОРТАЖ ИЗ ЛИССАБОНА

Правосудие через 15 лет

Суд начался в два часа дня. Но еще с полудня весь квартал, прилегающий к зданию лиссабонского военного трибунала, оцепили войска. Доступ сюда осложнен строжайшими мерами безопасности, тщательной проверкой документов и «просвечиванием» миноискателями каждого, кто пытался попасть в крошечный зал заседаний, где смогли разместиться только 20 журналистов и несколько десятков «представителей публики». Громадная толпа осталась на улице, отсеченная полицейским кордоном.

А жаль. Такое событие следовало бы устраивать во Дворце спорта, да еще транслировать по телевидению: ведь в этот день начался первый после свержения фашизма процесс над агентами политической полиции ПИДЕ. На скамью подсудимых сел первый из полутора тысяч ожидающих своей очереди выкормышей салазаровского режима. Некий Антониу Домингош. 15 лет назад, 19 декабря 1961 года, на одной из самых оживленных улиц Лиссабона на глазах десятков прохожих он хладнокровно, в упор застрелил выслеженного им человека. Жертвой убийцы стал отважный борец антифашистского Сопротивления, член ЦК Португальской компартии, выдающийся художник и скульптор Жозе Диаш Коэлью.

Автору этих строк удалось попасть в крохотный зал трибунала. На местах «для публики» сидели коммунисты, антифашисты, бывшие узники салазаровских застенков. И когда ввели подсудимого, разноголосый шум вдруг стих, и эта тишина словно ударила убийцу. Он сел бочком на табурет и замер, отвернувшись от людей, уткнувшись взглядом в пол.

...Первое заседание началось с формальностей. Чтение обвинительного заключения. Традиционные вопросы председателя трибунала к подсудимому: имя, фамилия, возраст. Признаете ли себя виновным? И тут случилось неожиданное: вскочил из-за своего стола пухлый адвокат и принялся читать длинное заявление от имени подсудимого, в котором утверждалось, что Диаш Коэлью действительно скончался от пули, выпущенной из пистолета марки «Стар», принадлежавшего Домингошу, но сам, мол, Домингош к этому убийству не причастен. Дело, видите ли, в том, что он вынужден был долго гнаться за Диашем Коэлью, при этом даже наткнулся на столб, ударился головой и упал...

«Ах, бедняжка!» — раздалось в этот момент в зале, и суровые люди на местах «для публики» презрительно засмеялись. Адвокат прервал чтение, подняв возмущенно бровь, с негодованием повернулся на публику, а затем с чуть заметным, но почтительным неодобрением на председателя трибунала: как это он допускает такие вольности в зале? Впрочем, и сам председатель, седой полковник Аваренга не смог сдержать улыбки. Он тут же подавил ее, поднял руку, призывая к тишине. Адвокат продолжал свой удивительный рассказ о том, как Домингош упал, ударился, пистолет выпал на брючного пояса на мостовую, обвиняемый потянулся за ним — каковое все же оружие, терять нельзя! — и в этот момент пистолет самопроизвольно выстрелил. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», — подумали в этот момент все, кто сидел в зале.

Потом начался опрос свидетелей. Коммунистки Маргариды Тенгарриня, жены погибшего. Его дочери. Его брата. Свидетелей — десятки. Среди них и несколько «лидес», служивших вместе с Домингошем. Дело это представляется совершенно ясным. Но, судя по вышеприведенному заявлению адвоката, защита сделает все от нее зависящее, чтобы выгородить убийцу. Впрочем, председатель трибунала, как он сам заявил на первом заседании, хочет провести процесс так, чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений в законности и обоснованности приговора.

Этого искренне желают и португальцы, внимательно следящие сейчас за ходом суда, которого они ждали 15 лет.

Игорь ФЕСУНЕНКО,
соб. корр. Советского телевидения и радио — для «ЛГ»

ЛИССАБОН. (По телефону)

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

Когда гневаются попечители...

Мы уже неоднократно писали о «деле» профессора Питтсбургского университета П. Найдена. Он был уволен под предлогом «профессиональной некомпетентности» за то, что навлек на себя гнев членов совета попечителей университета отказом участвовать в военных исследованиях и выступлениями против расовой дискриминации (см. «ЛГ», №№ 30, 44, 47).

Ныне участь д-ра Найдена разделил руководитель управления высшего и среднего образования штата Нью-Йорк Эвальд Найквист. Подобно питтсбургскому, нью-йоркский совет попечителей учебных заведений состоит главным образом из бизнесменов и адвокатов, ревностно защищающих интересы крупных монополий. Члены совета давно уже хотели избавиться от Э. Найквиста, который весьма осторожно пытался претворять в жизнь закон о десегрегации школьного обучения, чему попечители всячески препятствуют. Не далее как в прошлом году они вынесли резолюцию, обязавшую руководителя управления идти на уступки родителям, которые считают, что практика десегрегации в школах «вредит здоровью детей и мешает им получить полноценное образование».

В ответ на критику Найквистом этой резолюции один из ее авторов публично пригрозил ему увольнением. Угроза разгневанного попечителя не повисла в воздухе. Против «неудобного» сотрудника повели планомерную кампанию, чтобы дискредитировать его в глазах общественности. В сентябре нынешнего года совет попечителей обвинил Найквиста в расходовании слишком больших средств на нужды образования. С этим согласился и губернатор штата Нью-Йорк Хью Кэри...

Устоять в борьбе со столь могущественными противниками даже высокопоставленному государственному чиновнику не удалось, и в конце ноября Э. Найквист был отстранен от занимаемой должности.

Мы связались по телефону с городом Олбани в штате Нью-Йорк, где живет Э. Найквист, и попросили его рассказать о случившемся.

— Формально совет попечителей имел право уволить меня по своему усмотрению, но я не нахожу это решение справедливым и объективным. Мою позицию в разногласиях с членами совета я продолжаю считать правильной и не чувствую за собой вины. Такого же мнения придерживается ряд моих коллег в управлении, многие школьные учителя и родители. Увы, решающее слово принадлежит не им...

Тяжело расставаться с делом, которому отдан десятки лет жизни, все свои знания и опыт. Да и подыскать новую работу в моем положении очень непросто. Именно этим я сейчас и занимаюсь. Пока никаких конкретных планов и предложений у меня нет...

«Десегрегация в учебных заведениях проходит успешно», — утверждает, ссылаясь на отчет специальной комиссии, один из последних номеров американского журнала «Тайм». Неприглядная история с Э. Найквистом и многочисленные случаи увольнений преподавателей, старающихся искоренить дух расизма в школах (например, увольнение по этой причине учителя из Нью-Джерси Л. Морроуза), свидетельствуют об обратном.

Ю. ОСИПОВ

ШТРИХИ

ПОЛНОМОЧИЯ К. ВАЛЬДХАЙМА ИСТЕКАЮТ

Корреспондент агентства ЮПИ передал из ООН:

Луис Эчеверрия Альварес, уходящий в отставку президент Мексики, заявил официально, что он выставляет свою кандидатуру на пост Генерального секретаря ООН против кандидатуры Курта Вальдхайма.

К. Вальдхайм, первый пятилетний срок полномочий которого истекает 31 декабря, заявил этой осенью о повторном выдвижении своей кандидатуры. Его поддерживает группа из 46 стран Африки.

Эчеверрия же объявил о том, что его кандидатуру поддерживают «многие государства, принадлежащие к различным региональным группам».

ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА!

Как сообщает швейцарская газета «Националь-цайтунг», в Цюрихе раскрыта частная сыскная организация, возглавляемая владельцем рекламного бюро неким Эрнстом Цинцером. Эта организация занималась наблюдением за швейцарскими демократическими организациями и отдельными лицами. В картотеках Цинцера собраны сведения на несколько тысяч политических и общественных деятелей страны, а также на «иритических настроенных» швейцарцев.

УЛЬТИМАТУМ «ГРУППЫ ШЕСТИ»

Корреспондент Рейтер передал из Канберры:

Полиция здесь заявила, что она отмечалась серьезно и угрозе группы защитников окружающей среды взорвать в двух крупнейших в Австралии городах самодельные ядерные бомбы, если только премьер-министр Мальюльм Фрейзер не запретит добычу и экспорт урана. «Группа шести» в письме к лидеру лейбористской партии Гофу Уитлэму и Мельбурнскому радио сообщила, что бомбы будут взорваны в Сидмее и Мельбурне. Если же бомбы не удастся взорвать, то группа, а которую, по ее утверждению, входят двое ученых, загрязнит систему водоснабжения в вышеуказанных двух городах. «Пусть лучше в Австралии сейчас погибнут несколько сот человек, чем через десять лет наступит конец мира», — говорилось в этом ультиматуме объемом в две страницы.

Австралийское правительство недавно отменило действовавший четыре года запрет на добычу и экспорт урана, чтобы дать возможность горнорудным компаниям выполнить имеющиеся заказы.

5 тысяч безработных выстроились в очередь у ворот автомобильного завода компании «Дженерал моторс» в Детройте в надежде на какое-нибудь место. Однако ни один из них так и не получил его...

Фото из газеты «Дейли уорлд» (США)

ОТ РАБОЧЕГО ДО МИНИСТРА: СТУПЕНИ РОСТА

* КОГО, ГДЕ И ЧЕМУ УЧИТЬ?
* РУКОВОДИТЕЛИ И ЗАМЕСТИТЕЛИ

«Борьба за эффективность и качество означает, что каждый руководитель и специалист обязан овладевать ленинским стилем в работе, ленинской наукой управления, утверждать современные методы планирования и организации производства, быть активным проводником научно-технического прогресса».

Из речи Л. И. БРЕЖНЕВА на октябрьском Пленуме ЦК КПСС

Продолжаем дискуссию о проблемах деловой карьеры. В ней уже приняли участие многие читатели, которые прислали нам сотни писем. Свое мнение высказали и некоторые ученые, руководители предприятий, специалисты. Сегодня предоставляем слово экономисту и социологу, кстати, об этом нас попросил читатель. Саратовец В. И. Коростылев, поддерживая в своем письме начатое обсуждение («Правильно, а главное, своевременно!») и сообщая некоторые любопытные сведения о себе («Вынужден был вопреки моей воле сменить шесть организаций и десять должностей — от начальника отдела до техника»), пишет далее следующее: «Хотел прислать вам статью в дискуссию, но посчитал, что таких незаказанных статей редакция получает вдостаточно, и потому ограничусь письмом с просьбой: что думают по предмету этой дискуссии наши обществоведы и те, кто готовят кадры специалистов? Надо дать им слово!»

Е. КАЛИНКИН, заместитель начальника Главного управления университетов, экономических и юридических вузов Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, кандидат экономических наук

СТАВКА НА «ОБЫКНОВЕННЫХ»...

МНОГИЕ авторы статей и писем, выступивших в дискуссии о проблемах деловой карьеры, рядом со словом «руководитель» непременно ставят слово «талант». Они пишут о «поиске талантов», «отборе талантов», «продвижении талантов» и т. д. Но, по утверждению академика А. Аганбегяна, в народном хозяйстве каждый седьмой работник занимает руководящий пост. При таком большом количестве организаторов самого различного уровня (в дальнейшем их меньше не ставят) недопустимо, да и не реально искать их только среди тех, у кого «запрограммированы» особые дарования, исключительные способности к руководящей работе.

Хозяйственников нужно готовить из «обыкновенных» людей и учить постоянно. Разумеется, речь не идет о снижении требований к отбору кандидатов на выдвижение. Скорее наоборот: ставка на «обыкновенных» обязывает особо тщательно работать с институтом хозяйственных руководителей, включая резерв на замещение вакантных должностей.

Обучение. Пожалуй, это центральная проблема в дискуссии. Учить организатора, управляющего надо и до назначения на должность, и после. Как справедливо заметил в «ЛГ» министр геологии РСФСР А. И. Ровнин, «вечный студент» — теперь не порицание, а комплимент для руководителя.

Где и как учат хозяйственника сегодня? В основном его учит жизнь, учит по-своему, сурово — методом «проб и ошибок».

О промышленной психологии и теории управления, социологии, науке руководства дипломированный специалист не имеет представления. Все это придет к нему много позже — после выдвижения на первую руководящую должность. Сколько он «наломает дров», пока научится управлять!

Отсутствие профессионального образования хозяйственных кадров до некоторой степени компенсируется у нас системой институтов повышения квалификации. Это разные вещи, хотя иногда их путают. Сеть ИПК имеет дело с готовым, сформированным практикой руководителем (хорош он или плох, имеет ли соответствующее образование, опытен или новичок — другой вопрос), расширяя его кругозор в области современных управленческих знаний. В эту систему входит около 280 институтов повышения квалификации, около 500 аналогичных факультетов при вузах и большая сеть школ и курсов на предприятиях и в организациях. Тут и ИПК для учителей, врачей и т. д. Если же брать сеть, в которой учатся только хозяйственные кадры, то мы обнаружим здесь 53 института и 83 филиала, около 100 факультетов при вузах. Причем эта система имеет ярко выраженный отраслевой характер. Достаточно сказать, что из 53 институтов только 6 — межотраслевые.

Большинство «министерских» институтов не укомплектовано высококвалифицированными преподавательскими кадрами, не располагает соответствующей материальной базой. Их учебные планы перегружены узкими технологическими дисциплинами и темами. Порой несколько организаций занимается повышением квалификации специалистов одного и того же министерства в одном городе, одном экономическом районе.

Иногда спрашивают: почему в отраслях промышленности столь различен уровень руководителей? А ведь во многом это определяется качеством их подготовки. Ведомственная ограниченность, различный подход к хозяйственным процессам, разнобой в методике обучения — все это и порождает весьма пеструю картину квалификации организаторов производства. Брак в обучении, естественно, приводит к браку в управленческой практике.

Но ведь многие авторы писем, прошедшие через подобные ИПК руководители склонны к местничеству при разработке планов, испытывают трудности в «стыковке» своих решений с решениями руководителей смежных производств, не способны охватить сложные проблемы в комплексе.

На наш взгляд, поднять систему подготовки хозяйственных руководителей на качественно иной уровень должны высшие учебные заведения. В них сосредоточено около половины всех ученых страны, здесь выполняются важнейшие исследования и разработки как фундаментального, так и прикладного характера. Однако при вузах сейчас только 12 факультетов организаторов промышленного производства и строительства, в которых обучается 1800 человек, направленных из 54 отраслевых министерств и ведомств. Есть все основания и предпосылки развивать именно эту систему. Тем более, что высшая школа имеет широкую сеть вузов на территории страны. Значит, есть возможность, используя ее материальную базу, создавать центры подготовки руководителей производства непосредственно на местах.

Нынешние вузовские факультеты организаторов производства накопили большой опыт. Занятия там ведут высококвалифицированные преподавательские кадры, привлекаются и крупные хозяйственные руководители. Можно сослаться на пример Московского института народного хозяйства, Ленинградского инженерно-экономического, Уральского политехнического и Горьковского инженерно-строительного институтов, где со слушателями факультетов организаторов занимаются 21 доктор и 86 кандидатов наук, свыше 90 процентов преподавателей имеют ученые степени и звания. Большинству отраслевых институтов далеко до такого уровня «преподавательского корпуса».

Кардинально отличается и содержание учебного процесса. Не ведомственная узость, не технология, а широкое изучение передового опыта в области управления и планирования, новейших достижений науки и техники, организации труда, социально-психологических проблем управления — вот что характерно для вузовских факультетов организаторов.

И все же, несмотря на общепризнанную эффективность обучения, эти факультеты ежегодно... не выполняют планы приема слушателей. Странно, не правда ли? В чем причина?

Происходит подобное главным образом по вине министерств и ведомств. Например, факультеты организаторов при институтах Минвуза РСФСР за три последних года выполнили план приема только на 83 процента. Скажем, Министерство нефтяной промышленности СССР использовало только треть из предоставленных отрасли мест. А Минэлектротехпром СССР, Минпромстрой СССР, Минчермет СССР, Минлегпищемаш СССР и того меньше. Видимо, люди, которым в ведомствах поручен отбор, не вполне ясно осознают, что речь идет о деле исключительной государственной важности: обеспечении производства высококвалифицированными «кадрами, владеющими новыми формами и методами управления, способными принимать решение в условиях научно-технической революции.

Обучение самым непосредственным и теснейшим образом связано с проблемой резерва. Выделять на руководящие должности из своего резерва гораздо эффективнее, чем приглашать руководителей «со стороны». Тут можно вполне согласиться с мнением горьковских автомобилистов, о которых 3 ноября сего года рассказала «АГ» («Стажер—дублер—директор»).

Однако в ряде министерств и ведомств только половина руководящих должностей замещается лицами из резерва. И что характерно — человек, идущий «в обход резерва», как правило, ни в какой форме не проходил переподготовку.

В ходе дискуссии выдвигались обоснованные предложения о создании четко продуманной и регулируемой правовыми нормами системы формирования резерва на выдвижение. Условие предварительного обучения перед назначением на руководящую должность, на мой взгляд, должно стать обязательным.

Кстати, дальнейшее развитие и совершенствование системы факультетов организаторов производства невозможно без установления непосредственных деловых связей между вузами и ведомствами. Только в случаях «долговременных соглашений» отрасли смогут целенаправленно решать проблемы, связанные с качеством подготовки своих кадров: вносить предложения об оперативных изменениях учебных планов и программ, формировать тематику выпускных работ слушателей, исходя из конкретных задач производства. Вузы в свою очередь с помощью промышленных предприятий укрепят материальную базу факультетов организаторов производства, смогут переносить изучение отдельных тем и разделов непосредственно на предприятия, обучать слушателей на примере решения конкретных производственных задач. Выгода обоюдная.

Почему бы не использовать хороший опыт заключения договоров о сотрудничестве между вузами и предприятиями на формирование подготовительных отделений? Такие договоры доказали свою эффективность. Тем более что в нынешнем году за каждым факультетом организаторов закреплены конкретные министерства и ведомства, определено постоянное количество мест для слушателей, должности которых относятся к различному уровню управления.

Однако министерства и ведомства сейчас могут посылать своих работников на 3—4 факультета параллельно. Такое решение, мне кажется, нерационально, оно затрудняет организационную работу обеих сторон. Надо поднять эффективность прямых договоров за счет сокращения связей, установления более тесных контактов и возможности оперативно реагировать на взаимные требования.

Не хотелось бы быть неправильно понятым. Я вовсе не предлагаю отказаться от существующей ныне отраслевой системы повышения квалификации и все дело переподготовки руководителей отдать лишь в одни руки — вузовским факультетам организаторов производства. Ведомственная сеть ИПК, безусловно, нужна, но она должна ориентироваться на повышение профессионального мастерства специалистов, а не подменять межведомственную подготовку руководителей, рассчитанную на организаторов производства широкого профиля.

Можно с уверенностью утверждать, что руководителей предприятий и организаций (и их заместителей), то есть тех, кто осуществляет в процессе руководства функции координации, следует обучать именно в вузах, на факультетах организаторов производства. Там же надо повышать квалификацию и лиц, зачисленных в резерв на эти должности.

«МОЙ ПОЕЗД УШЕЛ...»

«Был прирожденным главным инженером, стал никудышным директором. От производства шарахается, в экономике — ни «бум-бум», с людьми работать — характера не хватает» — это реплика в разговоре о знакомом мне директоре завода. А вот сказано о другом директоре: «Пересидел начальником цеха. Широта кругозора — один пролет. Стиль работы — мелочная». Все виновных ищет, а надо бы — проблемы». Наконец, исповедь третьего: «Поздно меня заметили — в 52 года. Не так сформировался, как должность того требует. А если быть до конца честным — устарел. И сил не осталось — выдохся. Эх, скостить бы лет пятнадцать! Нет, мой поезд ушел! Зачем только согласился?»

Читателю ясно, что все это — издержки деловой карьеры. Если говорить точнее — естественные продукты такой практики, когда карьера человека целенаправленно и долговременно не планируется.

Вот с чем приходится нередко сталкиваться: вновь назначенный руководитель слишком далек от тех требований, которые предъявляет дело. Или образование не по профилю (а то и вовсе нет — специального), или не имеет необходимого практического опыта, или не походил в замах у своего предшественника (значит, не осуществилась преемственность: в информации, в традициях, в стиле и методах руководства и т. д.), или поднакопил негодные профессиональные установки, которые несовместимы с новой должностью. Например, пересидел на исполнительских должностях, а теперь от него требуются инициативность, самостоятельность, способность к риску. Откуда им взяться? Если были когда-то, то теперь задавлены. Или слишком узок, а новое дело требует широты, масштабности, системности в мировоззрении. Либо нет в нем организаторской жилки, не знает, с какого бока к людям подойти, не умеет властвовать собой, а значит, и над другими властвовать не сможет. Ну и, наконец, самое распространенное несовершенство: отсутствие профессиональной подготовки в области управления вообще и управления конкретной сферой деятельности в частности.

Список не полный. Читатель, оглянувшись вокруг себя, этот список легко дополнит.

По данным некоторых исследований, руководитель, специально подготовленный для исполнения определенной управленческой должности, только через год с момента назначения сможет принимать полноценные решения. А что же ждать от неподготовленных? Смогут ли они за месяцы наверстать все то, что потеряли или не нашли за годы стихийной карьеры? Не смогут. Хотя лишь немногие из них подчистую провалят дело и за это будут сняты, если не успеют подать заявление по собственному желанию, а кое-кто — не исключено — угодит под суд. Другим повезет: получат от вышестоящей инстанции «льготный год», а вместе с ним — официальное разрешение хозяйствовать более расторопно, чем это позволялось предшественнику. Они этим воспользуются и удержатся в седле, но на заводе начнутся такие вот разговоры: «Да если бы все это Ивану Петровичу (то есть предшественнику) дали, да разве бы он так сработал?» Третьи — вроде бы впишутся. Льгот не получат и серьезных потрясений не вызовут. Будет план, будут премии. И все будут довольны — и вверху, и внизу. Но через два-три года выяснятся — вовремя не приняты кардинальные решения, а теперь поздно...

БУДУЩИЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

Наверное, здесь сгущены краски. Знаю, что мне подскажут другие примеры, с иным, более благополучным концом. И у меня они есть. Знаю директоров, которые, вырастая также стихийно, стремительно быстро осваивали новую для себя директорскую роль, за считанные месяцы избавлялись от однобокости и некомпетентности, или удачно компенсировали свои несовершенства с помощью совершенств своих помощников. Что тут можно сказать? Таких немного. И тем, как правило, помогает быстро освоиться предшествующая разнообразная карьера.

Вот, к примеру, послужной список очень яркого, хорошо известного в стране директора: фрезеровщик, мастер, конструктор, начальник КБ, начальник цеха, начальник производства, заместитель главного инженера, секретарь парткома, директор. Согласитесь, что с таким багажом гораздо легче освоить директорские функции, чем с опытом только технического руководства. А из нынешних директоров машиностроительных заводов 72 процента пришли из главных инженеров, а до этого поднимались либо по конструкторской, либо по технологической линии. Но и тот широко подготовленный директор признавался мне, что только через три года смог разобраться в финансах и хозяйственном праве. «Из-за этого недополучил для завода миллионов пять».

Вот и американский опыт свидетельствует: чтобы избавить менеджеров от «цехового» подхода к решению управленческих задач, надо обеспечить им накопление разнообразного практического опыта. Им рекомендуют недолгое пребывание на отдельных должностях (не более трех лет), а кроме того — последовательное руководство несколькими самостоятельными подразделениями с разным характером производства.

Позитивный в этом смысле опыт накопила автомобильная промышленность. Она сильно опережает другие отрасли в практике подбора, расстановки и обучения руководящих кадров.

К сожалению, этот прекрасный опыт разумной кадровой политики используется в других отраслях очень робко. Как и кадры руководителей, уже подготовленных этой передовой отраслью. Один ВАЗ мог бы укомплектовать руководящими кадрами, прошедшими вазовскую школу, 30—40 заводов страны. Об этом пишет в журнале «ЭКО» один из руководителей объединения. А ЗИЛ? А «Автомосквич»?

КОЕ-ЧТО О «ПЕРЕСЕЛЕНИИ ТАЛАНТОВ»

Талантливые [illegible] квалифицированные [illegible] (как реальные, [illegible] потенциальные) [illegible] равномерно распределе[illegible] как по территории страны, так и по отраслям промышленности. В Ленинграде ломают голову, решая, кого выбрать, а в Сибири, напротив, — кого ставить. Та же разница между предприятиями союзного подчинения и местного, предприятиями группы «А» и группы «Б».

Понимаю, что все здесь не так просто. Разница в окладах, в престиже, в обеспечении и т. д. С другой же стороны — знаю это наверняка — в наших столицах десятки тысяч способных к руководству инженеров безуспешно мечтают о работе большего масштаба. Здесь им «мало что светит», ибо спрос намного опережает предложения. Как же заполучить таких периферийным заводам? Уехать совсем, потеряв право на возвращение в город, где родился, где живут родители, — на такое мало кто решится. Завербоваться? Но вербуют только в холодные места, а на это требуется особое мужество. А в среднюю полосу? Или за Урал?

Думаю, что таких могло бы сдвинуть с места разрешение на бронирование жилплощади. Такое, какое предоставлено всем тем, кто едет на периферию (любую, даже ближайшую!) для оказания научной и педагогической помощи. Помощь в управлении разве менее важна?

Мне рассказали об одном интересном эксперименте. Крупное столичное предприятие, став головным заводом производственного объединения, получило в свое подчинение очень запущенное периферийное предприятие. Немыслимо было поднять его по культуре производства до уровня головного, не укомплектовав квалифицированными кадрами и в том числе руководящими. Вот как решили проблему кадров: построили в этом городке жилой дом с целевым назначением — для тех работников головного предприятия, кто пожелает перейти на завод-филиал. Предложений оказалось больше, чем квартир.

НУЖЕН СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Так или иначе, но проблему эту решать надо. Назрела необходимость в разработке и осуществлении единой для всего народного хозяйства практике подбора, расстановки, обучения и повышения квалификации руководящих хозяйственных кадров. Системы, стоящей над узковедомственным и местническим подходом. Из-за несогласованности этих двух подходов допускаются серьезные промахи в подборе руководителей предприятий. Обучают и «натаскивают» на должность одних кандидатов, а назначают других. Во многом из-за этого даже в передовых отраслях за год меняется до 30 процентов директоров предприятий. Ущерб громадный. Только жаль, что подсчитать мы его не умеем.

Нужна система, которая связала бы воедино все звенья работы с кадрами. Сегодня такой увязки нет. Практика выдвижения, как правило, не связана с повышением квалификации. Посылают руководителя обучаться на начальника цеха, а по возвращении назначают на должность главного конструктора. Подобных примеров масса.

Практическая кадровая работа должна постоянно питаться не только эмпирическим опытом, но и поддержкой, рекомендациями, исследованиями науки управления, социологии, психологии, права. К сожалению, «научный задел» в интересующей нас сейчас области пора бы существенно пополнить. Исследования порой даже отстают от практики, а насчет опережения почти не приходится говорить. Это прямо подчеркивалось в выступлениях ученых и производственников на совещании, где (по инициативе социологов высшей школы профдвижения) обсуждались опубликованные «Литературной газетой» проблемные статьи А. Леникова, положившие начало дискуссии «От рабочего до министра: ступени роста». По мнению многих специалистов (и научных работников, и практиков), нам нужно создать исследовательский центр (проблемную лабораторию или институт), где велись бы специализированные исследования, связанные с хозяйственными кадрами. Такой центр мог бы разрабатывать методику и давать практические рекомендации, собирать, обобщать и распространять позитивный опыт предприятий и отраслей народного хозяйства.

Деятельность в этой области порой сводится к учету и отчетности. Лишь на немногих предприятиях делаются серьезные попытки создать систему управления и развития кадров. Вряд ли может устроить и нынешний уровень квалификации сотрудников кадровых служб. Да и откуда взяться высокой квалификации, если в стране — насколько мне известно — нет ни одного учебного заведения, где бы готовили специалистов этого профиля.

Работать с кадрами сложно. С кадрами руководителей — в особенности. Ибо труд руководителя должен растворяться без осадка в труде подчиненных. Поэтому ошибки и достижения в подборе и расстановке руководителей не очевидны, проявляют себя через месяцы, а то и годы. Кадровики заводов, не зная наверняка, какие именно качества организаторов определяют успех, вынуждены исповедовать формальный подход. Видимо, по этой причине на многих предприятиях укомплектование руководящих должностей людьми с дипломами рассматривается как самоцель. А ведь высшее инженерное образование автоматически не гарантирует его обладателю успехов в управлении. Управление, хоть и стало профессией, превратилось в науку, но не перестало быть искусством. А это значит, что, кроме комплекса знаний, совокупности опыта, требует особого (к сожалению, наукой еще не до конца опознанного) таланта. Он не у каждого. Великая удача, если такой талант сочетается с высшим образованием. А если нет? Отвергать? А с другой стороны, стоит ли возиться с такими дипломированными, которым не дано? Таких встречаю часто. Но с талантом мы обязаны возиться, каким бы неудобным он ни был. Ибо он для общества золотоносен! Вот одно бесспорное достоинство таланта — одних и тех же результатов он способен добиться при гораздо меньших затратах, чем столь же образованный человек, но без наличия его.

Прав участник дискуссии А. Солипатров («ЛГ», № 29), говоря, что «талант порой находится не в лучшем положении в сравнении с удобной заурядностью». Приходится сталкиваться с неумением, а порой с нежеланием некоторых хозяйственных руководителей подбирать «под себя» равных, а тем более превосходящих «самого» — по деловитости и таланту — заместителей и помощников. Видимо, из чувства самосохранения иной хозяйственник буквально выкорчевывает вокруг себя всех, кто мог бы быть соперником, кто способен затмить руководителя. Здесь я вспомнил почти сопроматовскую мудрость, которую вычитал, кажется, у Стендаля: опереться можно только на то, что оказывает сопротивление. Дерево, металл оказывают сопротивление, они выдержат, а на вату, губку опираться бесполезно. А мы в деловой жизни предпочитаем опереться порой на тех, кто с нами не спорит, не возразит, правды не скажет, от ошибки не убережет. Такие помощники существенно усложняют ситуацию руководителя — ему приходится работать не только за себя, но и за них. Но, кроме того, они еще и подводят руководителя ложной информацией. А самое главное — такая тенденция приводит к потере талантов, которые застревают, отодвигаются в статисты. Отсюда — психология неудачника, как у мастера, чье письмо напечатано в том же номере «ЛГ».

А. ВЕЛЬШ, кандидат философских наук

ТАЛАНТ — НАДЕЖНАЯ ОПОРА

ПОИСК, ОТБОР, ВЫРАЩИВАНИЕ...

Вывод таков — в поиске, отборе и выращивании талантов нужны эффективные механизмы, учитывающие, в частности, и «взгляд снизу». Коллектив гораздо реже, чем администраторы, обманывается на счет таланта к руководству. Да и сложившимся руководителям очень полезно знать, как они «котируются» в глазах своих подчиненных. Беседуя как-то с группой директоров заводов, я был несколько поражен тем единодушием, с которым они ратовали за периодически проводимые «анкеты соответствия». О важности такого канала обратной связи пишет и генеральный директор К. Смирнов («ЛГ», № 29). Такие анонимные анкеты могут предлагаться либо подчиненным, либо экспертам, обозревающим руководителя «под самыми разными углами». Результаты оценки послужат более объективной основой для аттестации администратора, включения в резерв на вышестоящую должность.

***

Новые подходы, новые решения там и здесь вызревают на предприятиях. Порой стихийно распространяются. Некоторые из них обрываются на полпути, а это значит — нужно начинать все сначала, чтобы убедиться, какой от них прок. За последние десять лет, например, то на одном предприятии, то на другом возникают по местной инициативе кадровые новации. Не спрашивая у науки разрешения, не обращаясь к ней за помощью. Ее Величество Жизнь творит эксперименты, находит решения. Неужто и дальше наука будет в стороне? Надо собрать всю эту россыпь рожденного социальной жизнью опыта, осмыслить, проверить в широком, теперь уже научном эксперименте и двинуть в практику управления!

Задачи, поставленные перед руководителями производства программными документами XXV съезда нашей партии, на целый порядок повышают требования к их профессиональным и нравственным качествам. Встать на уровень этих требований — это не только их личная забота. Это забота всеобщая.

МНЕНИЯ

По-моему, совершенно правильно предлагают (К. Смирнов и другие) проводить периодически аттестацию хозяйственного руководителя его подчиненными. Согласен, что опрос должен быть анонимным. Контроль «снизу», несомненно, весьма действен. Ведь вышестоящие руководители не всегда достаточно хорошо знают кандидата на выдвижение.

В. ВОЛОГОДСКИЙ,
научный сотрудник
МОСКВА

Считаю, что «правовой режим карьеры» необходим. Система отбора кандидатов на вышестоящие хозяйственные посты должна быть объективной. Руководитель, последовательно проходящий все ступени служебной лестницы, приобретает ценный опыт. Не нужно, чтобы он на каждой ступени подтверждал практическими результатами работы свою способность к руководству. Необходимо широко внедрять и формы управленческой подготовки, начиная с мастера.

Г. ЧЕРЕМИСИН,
начальник отдела строительного управления
ДОНЕЦК

Полностью согласен с выводом министра геологии РСФСР Л. Ровнина, высказавшего в дискуссии такую мысль: руководитель — профессия особого рода. Но где обучают этой профессии? Я заканчивал политехнический институт. Нас учат многим полезным вещам, но не дают никаких управленческих знаний, даже азов социологии и психологии управления. Но разве будущим инженерам это не надо? Разве не из молодых специалистов в дальнейшем вырастают хозяйственные руководители?

А. ГЛУХОВ,
студент
САРАТОВ

Среди множества вопросов, поднятых в дискуссии о деловой карьере, насколько я успел заметить, ничего не говорилось о тех руководителях-хозяйственниках, которые подбирают себе помощников по признаку «послушности». Деловые качества при этом игнорируются. Главное — чтобы удобен был лично для себя. Вместе со своим начальником такие «помощники» порой продвигаются по должностной лестнице. Иной раз они и сами из «пешек» превращаются в «ферзи» или другие весомые фигуры. Надо найти способ надежно перекрыть эти каналы продвижения малоспособных во всем, кроме «активного послушания», людей.

М. БУРТБЕЛОВ
БАРНАУЛ

Считаю, что пора уже вводить правовые нормы, регулирующие назначение на хозяйственные должности. И в первую очередь надо определить образовательный ценз (уровень общих и специальных знаний) для различных «этажей» управления. Согласен с мнением А. Санина: с резервом следует работать серьезно.

Ю. МУЗЫКА,
главный инженер завода
УЛАН-УДЭ

«В современных условиях, когда объем необходимых для человека знаний резко и быстро возрастает, уже невозможно делать главную ставку на усвоение определенной суммы фактов. Важно прививать умение самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в стремительном потоке научной и политической информации».

Л. И. БРЕЖНЕВ

ШАГ В НАУКУ

Академик Г. ПЕТРОВ

ОЧЕВИДНО, что из года в год число желающих поступить в вузы будет возрастать. Вероятно, они чем-то должны выделяться из массы людей, окончивших среднюю школу, по крайней мере интересом к своей будущей специальности. Они должны чем-то подтверждать этот интерес, доказывать свою способность в будущем влиться в отряд людей инженерных, научных и творческих профессий.

Хочу сказать об одном предварительном требовании к абитуриентам. Точно так же, как сегодня все поступающие в вузы, независимо от избранной специальности, сдают экзамен по русскому языку, по моему мнению, абсолютно необходимо требовать от поступающих в вузы знания иностранного языка, умения читать и переводить с листа. Средняя школа должна поставить наконец эту задачу перед собой и решить ее. Но я реалист и думаю, что предъявлять такие требования к сегодняшним выпускникам школы преждевременно. Однако научиться читать и понимать иностранный текст с листа, не заглядывая за каждым словом в словарь, любой человек может за полгода. Ведь такая распространенная сегодня степень знания иностранных языков, как «чтение и перевод со словарем», означает лишь то, что человеку иностранная литература практически недоступна. А в современной науке нельзя не отстать, если знать только свой родной язык. Хочу заметить, что крупные ученые-естественники всегда воспринимали знание иностранных языков как необходимый элемент своей профессиональной подготовки. Академик В. Вернадский владел полутора десятками языков. Наш выдающийся физик-теоретик И. Тамм владел пятью иностранными языками. Число таких примеров я могу без труда умножить. Так что, мне думается, хорошее знание русского и иностранного языков должно быть первым «барьером», который надлежит преодолеть абитуриенту, стремящемуся в вуз.

Но вот этот барьер преодолен. Возникает следующий вопрос: чему учить студентов? Вузовские программы сегодня очень перегружены, в том числе и чисто описательными предметами. Эта проблема усугубляется еще тем, что наука и техника развиваются невиданными ранее темпами. И в большинстве вузов идут по самому простому пути — быстро вводится и читается множество новых курсов, то есть перед студентами ставится явно непосильная задача: усвоить все возрастающий объем знаний за те же пять лет обучения.

Конечно, время от времени новые курсы в программу вводить надо, но такой путь не решает проблемы усвоения нового знания. Мне думается, что именно сейчас надо обратить внимание на улучшение подготовки прежде всего по фундаментальным дисциплинам в технических вузах. Только это позволит быстро осваивать то новое, что каждый день появляется в науке.

И, кстати, позволит в значительной степени преодолеть и другой недостаток современной высшей школы — чрезмерно узкую специализацию. В свое время мы испытывали огромную нужду в квалифицированных кадрах, и вузовскому образованию пришлось пойти по линии дробления специальностей. Сейчас это себя совершенно не оправдывает и часто выводит такого «узкого специалиста» из строя, если после окончания вуза он не сможет самостоятельно приспособиться к «быстротекущей жизни».

Настоящий ученый должен быть широкообразованным человеком с хорошим знанием гуманитарной культуры. Хотя в свое время «физики» и «лирики» скрещивали шпаги, но вот в реальной жизни серьезные ученые, что-то сделавшие в науке, в подавляющем своем большинстве хорошо знают литературу, увлекаются искусством, любят музыку. И это не дань моде, а, вероятно, совершенно необходимая компонента продуктивного творческого мышления. И вуз должен не только подготовить студента к овладению культурой, но и дать ему некоторое свободное время для того, чтобы студент сам много читал и думал.

А отсюда вытекает необходимость свободного посещения занятий. Противники такого взгляда обычно выдвигают два аргумента: студенты не будут ходить на лекции, и, кроме того, резко увеличится «отсев». Насколько же серьезны такие аргументы? Можно не сомневаться, что если лектор будет уныло бубнить по учебнику, на его лекции студенты ходить не будут. Но ведь задача лекции заключается совсем в другом. Лектор должен дать общую обрисовку курса, обратить внимание на главное, дать совет, о чем и где можно почитать, рассказать о том, что еще не вошло ни в какие учебники. Так работать, разумеется, труднее — ведь повышаются требования и к самому преподавателю. Скажу прямо, готовиться к таким лекциям очень сложно.

Увеличится ли отсев студентов при свободном посещении занятий? Да, разумеется! Но этого не нужно бояться, так как, по существу, стремление «довести» всех принятых до диплома — это запланированный выпуск «брака». Слишком много я встречал и в исследовательских институтах, и в самых прославленных и передовых конструкторских бюро людей с дипломами, которые занимаются работой, доступной выпускникам средней школы, и не потому, что у них «плохое» начальство, которое их «затирает», а потому, что они не привыкли думать самостоятельно. Молодой человек в вузе зачастую чувствует себя школьником, которого заставляют учиться, требуют непременно посещать лекции, семинары и лабораторные занятия. У него нет сознания, что он сам должен учиться, нет понимания того, что высшее образование — пока привилегия, доступная не всем. И если мы больше всего ценим в работе ученого самостоятельность, то именно это качество надо развивать у студента с первых дней его пребывания в вузе. И начинать заниматься самостоятельной научной работой нужно как можно раньше.

Организация настоящей исследовательской работы в вузах позволяет «убить» двух зайцев: во-первых, выпускать людей, которые сразу могут работать в современной науке, и, во-вторых, полнее использовать творческий потенциал десятков тысяч работников высшей школы. Надо сказать, что существование исследовательских институтов при крупнейших вузах и университетах представляется мне абсолютно необходимым. В состав Московского университета входят, например, Институт механики и Научно-исследовательский институт ядерной физики, где усилиями преподавателей и студентов старших курсов делаются действительно ценные работы. Есть такие институты и еще в некоторых вузах, но их существование — скорее исключение, чем правило. Да к тому же у них у всех общая беда — отсутствие современного научного оборудования.

Еще одна проблема в вузовском образовании, к сожалению, до сих пор не решена. Раньше крупные исследователи, работающие в НИИ, могли совмещать свою работу с преподаванием в вузе. Теперь существенное ограничение совместительства во многом разорвало живую связь вуза с текущей наукой, что, без сомнения, нанесло ущерб уровню исследовательской работы в вузах. Мне вполне понятны причины, в силу которых этот закон появился на свет: уберечь науку от оборотистых дельцов, нащупавших в совместительстве способ получения больших денег при минимуме усилий. Но, думается, что в итоге вузовская наука потеряла то, что нельзя измерить в деньгах, — творческую мысль людей, делающих сегодня науку.

Но если вуз воспитает у молодого человека пытливость и дерзновение, за его будущую судьбу в науке можно быть спокойным.

Я к вам пишу... Фото А. КАРЗАНОВА

ПОДРОСТОК: УРОКИ «ОПАСНОГО ВОЗРАСТА»

ДЕВОЧКА И УЧИТЕЛЬНИЦА

Нина ИВАНТЕР

В «ЛГ», № 42 был опубликован очерк Н. Ивантер «Девочка и инспектор» — о работе с трудными подростками в детской комнате милиции. В публикуемом сегодня очерке писательница рассматривает школьный и семейный аспекты этой проблемы.

В ЖИЗНИ Люды, девочки, о которой пойдет здесь речь, мы можем найти немало причин, какие находим мы обычно, когда, хотим объяснить судьбу неблагополучного подростка. Ссор между родителями, бранных слов, оскорбительных предположений, с которых порой начинается беда девчонок, она слышала предостаточно. Но они нимало не трогали ее. (Что, кстати сказать, лишний раз убеждает нас в том, что нельзя приложить одну жизнь, как мерку, к другой, хотя это было бы куда как удобно!). Когда родители Люды затевали перебранку, она только крепче зажимала уши и продолжала учить уроки. А если заводились очень уж надолго, уходила к бабке. Бабка жила тут же, неподалеку, в обветшалом домике, где с великой радостью принимала внучку, изливая на нее потоки любви, которую по разным причинам ей не удалось истратить на дочь, Людину мать.

Сюда я и пришла. Бабка встретила меня в тихом дворике, засаженном картошкой. В дом, однако, не пригласила.

— Люда? А что Люда? — спросила она, стараясь понять, что можно сказать, а о чем помолчать. — Спит Люда.

Шел первый час. В школе начинался пятый урок.

— Что, девке и заболеть нельзя? — осторожно примерилась бабка.

— Ну почему это нельзя,— согласилась я.

Бабка остренько взглянула на меня светлыми глазками и пошла за внучкой.

На крыльцо вышла большая заспанная девочка. Узкий халат оставлял открытыми тугие полные руки и круглые колени. Она посмотрела на меня безо всякого интереса. Ей, видимо, было совершенно безразлично, кто я, откуда и что мне от нее надо.

— От зараза, — ласково сказала бабка, — и не поздоровается.

Девочка молчала. У нее было большое гладкое лицо, в которое, сколько ни глядись, не увидишь более того, что увидел в первую секунду. Лицо без подробностей, если можно так сказать. В него и не хотелось вглядываться, не будешь же вглядываться в детский рисунок — «точка, точка, запятая» или искать живое чувство, трепет мысли в портрете, сделанном для определенной цели по словесным описаниям. И не то чтобы оно было некрасивым, это полудетское лицо. Но ведь нас привлекает в ином лице и не красота вовсе...

— Халат-то запахни, бесстыдница, — сказала бабка, не в силах сдержать радостной улыбки при взгляде на внучку.

Девочка не пошевелилась.

«Инертна до крайности, — рассказывала мне про нее классная воспитательница, учительница литературы. — Весь класс увлечен, весь горит мыслью, чувством, весь летит, а она сидит такая каменная, что хочется взять ее за плечи и потрясти: проснись, милая!..»

Мне и самой хотелось потрясти ее, но, взглянув на девочку внимательней, я подумала: если бы вдруг случилось чудо, и она сама захотела бы рассказать мне о себе то, что я так хотела знать, вряд ли ей удалось бы это. Самое лучшее, что я могла сейчас сделать, — это отправить ее досыпать, что я и сделала.

Бабка посмотрела ей вслед:

— Нынче таких поискать. Всё тощие да длинные, а эта вон какая гладкая... кобыла.

«Кобыла» было добавлено исключительно для меня: чтобы я не подумала, что она одобряет внучку и во всем остальном, о чем, по ее догадке, я должна была быть уже осведомлена, как оно и было.

— Из двоек не вылазит, — лицемерно вздохнула бабка. — А что поделаешь, памяти ну вот ни на колечко нету. Это не в меня она. — Бабка приосанилась. — «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, с раскосыми и жадными очами!» — вдруг продекламировала старушка и хвастливо добавила: — Ты вот посади к ним в класс, голые пятерки хватать буду! — Потом спросила с каким-то совсем детским любопытством: — Скифы — это чего таков?

Девочка так косноязычна, так неразвита, просто мучение слушать ее после моих цицеронов. И я — тупая, глухая, бездарная — могла, могла ее оборвать!.. Можете так и написать и не беспокойтесь — опровержения не будет».

А бабка все говорила. Теперь уже о Людином дне рождения, к которому она справила ей новое платье. Ничего не пожалела: полпенсии убухала, да мешок картошки на рынок отволокла, да еще моркошки сколько-то. Зато Людка в этом платье — ну королевна, ну дикторша из телевидения. И очень она, бабка, просит меня не отказать, прийти на рождение.

Я отлично понимала, что приглашение это лично ко мне мало относится и вызвано исключительно желанием похвастаться перед кем бы то ни было внучкой-королевной, но охотно согласилась.

— А Генке этому, — вдруг угрожающе сказала бабка, — я, если что, за Людку горло перегрызу.

Генка всплыл как-то неожиданно, но спрашивать о нем было уже некогда: старушка заторопилась — внучка могла вот-вот проснуться, а у нее котлеты не смолоты.

...Я пришла, когда празднество было в полном разгаре.

Люда сидела во главе стола, и, странное дело, в первую секунду я ее не узнала. Рядом с ней, положив руку на спинку ее стула, сидел юноша, из-под челки, косо перерезавшей лоб, оживленно и резко блестели узкие глаза. Он коротко взглянул на меня.

— Это к бабке, Гена, — объяснила Люда. — Бабки нет, — это уже мне. — К соседке ступайте.

— Ну зачем же так, Людок, — покровительственно сказал Гена. — Человек пришел, угостить надо. — Он кивнул кому-то, и ко мне живо подскочил кто-то маленький и шустрый с полной рюмкой.

— Ну что, ну что, — сказал маленький. — Самая «Столичная», лучше не бывает.

— Ладно, — великодушно разрешил Гена. — Не обязательно. Присаживайтесь.

— Садись и не моргай, — уточнил маленький.

Я села и, не моргая, смотрела на все, что здесь происходило, благо, обо мне тут же и начисто забыли.

Может быть, и учительница не сразу узнала бы свою пигмейку в этой девочке, почти девушке, возглавлявшей застолье. Это розовое лицо, полное какой-то затаенной жизни, эту нежную, чуть лукавую улыбку, эту медленность, эту плавность. Что бы она ни делала — поправляла волосы, переставляла тарелку, наливала вино, — движения были неторопливые, вальяжные. Ей бы кокошник да расшитый сарафан. Впрочем, и в этом своем голубом платье с крупными красными бусами она была хороша. И худощавое лицо юноши при взгляде на нее мгновенно утрачивало свою жесткость.

Несомненно, он был здесь главным. Ему подчинялись, хотя он не делал для этого никаких видимых усилий. По одному его взгляду каждый мигом схватывал, что от него требуется. Только Люда была как будто вне этой его власти. Стоило ей посмотреть на него из-под опушенных ресниц, как он мгновенно вскидывался: «Что, Людок?»

— Я стихотворение прочитаю, хорошо?

И сразу все замерли, даже вилки остановились на полпути ко рту.

Не зря, нет, не зря училась Люда в этом в высшей степени интеллектуальном классе. Взыскательная учительница, безусловно, одобрила бы ее выбор. И прочитала Люда стихотворение одним духом, ни разу не сбившись.

— Из песенника? — уважительно осведомился кто-то.

— Блок, — сказала Люда.— Александр Александрович. Тысяча восемьсот восьмидесятый год рождения.

Ай да Люда, пятерочку ей! Но что для нее сейчас пятерка? Дороже всех пятерок на свете была эта почтительная тишина, это внимание, может быть, впервые выпавшее на ее долю... Затихшая было компания снова оживилась. Все шумно выражали одобрение имениннице. И только кто-то один, словно бы для себя, но достаточно явственно произнес: «Блок-переблок, придумала тоже!»

Сузившиеся глаза Гены блеснули жестко и холодно.

— Кто вякнул?

И мне вдруг сделалось страшно за Люду. Что если он, приобретя над ней власть, потеряет к ней интерес? Как воспользуется он тогда этой властью? Сумеет ли, захочет ли она противостоять ему?

Сама же Люда ни о чем таком не тревожилась. Она была счастлива вполне, она смеялась воркующим смехом, запрокидывая голову, словно голубка, пьющая из лужи...

— Ну что, ну что, — сказал маленький. — Самая «Столичная», лучше не бывает.

— Ладно, — великодушно разрешил Гена. — Не обязательно. Присаживайтесь.

— Садись и не моргай, — уточнил маленький.

Я села и, не моргая, смотрела на все, что здесь происходило, благо, обо мне тут же и начисто забыли.

Может быть, и учительница не сразу узнала бы свою пигмейку в этой девочке, почти девушке, возглавлявшей застолье. Это розовое лицо, полное какой-то затаенной жизни, эту нежную, чуть лукавую улыбку, эту медленность, эту плавность. Что бы она ни делала — поправляла волосы, переставляла тарелку, наливала вино, — движения были неторопливые, вальяжные. Ей бы кокошник да расшитый сарафан. Впрочем, и в этом своем голубом платье с крупными красными бусами она была хороша. И худощавое лицо юноши при взгляде на нее мгновенно утрачивало свою жесткость.

Несомненно, он был здесь главным. Ему подчинялись, хотя он не делал для этого никаких видимых усилий. По одному его взгляду каждый мигом схватывал, что от него требуется. Только Люда была как будто вне этой его власти. Стоило ей посмотреть на него из-под опушенных ресниц, как он мгновенно вскидывался: «Что, Людок?»

— Я стихотворение прочитаю, хорошо?

И сразу все замерли, даже вилки остановились на полпути ко рту.

Не зря, нет, не зря училась Люда в этом в высшей степени интеллектуальном классе. Взыскательная учительница, безусловно, одобрила бы ее выбор. И прочитала Люда стихотворение одним духом, ни разу не сбившись.

— Из песенника? — уважительно осведомился кто-то.

— Блок, — сказала Люда.— Александр Александрович. Тысяча восемьсот восьмидесятый год рождения.

Ай да Люда, пятерочку ей! Но что для нее сейчас пятерка? Дороже всех пятерок на свете была эта почтительная тишина, это внимание, может быть, впервые выпавшее на ее долю... Затихшая было компания снова оживилась. Все шумно выражали одобрение имениннице. И только кто-то один, словно бы для себя, но достаточно явственно произнес: «Блок-переблок, придумала тоже!»

Сузившиеся глаза Гены блеснули жестко и холодно.

— Кто вякнул?

И мне вдруг сделалось страшно за Люду. Что если он, приобретя над ней власть, потеряет к ней интерес? Как воспользуется он тогда этой властью? Сумеет ли, захочет ли она противостоять ему?

Сама же Люда ни о чем таком не тревожилась. Она была счастлива вполне, она смеялась воркующим смехом, запрокидывая голову, словно голубка, пьющая из лужи...

Вот об этой преобразившейся Люде я рассказала ее классной воспитательнице — учительнице литературы.

— Ну что ж, — сухо сказала учительница, — должна сознаться, что я такого успеха не достигала. Правда, мне как-то не пришло в голову прибегнуть к этому способу — вечеринке с выпивкой.

НА НЕЕ грешно было сердиться: сквозь эти саркастические слова просвечивало такое уныние, такая тревога, такое недовольство собой! Она, которой ничего не стоило сразить наповал любого нашпигованного цитатами, амбициозного юношу, которая умела заставить слушать свой негромкий голос актовый зал, битком набитый школьной молодежью, она — со всеми своими обширными познаниями, высокой культурой, тонким интеллектом — стояла беспомощная перед этой девочкой. Всеми силами хотела она добиться понимания, заслужить доверие, вызвать отклик. Но неподвижно и немо было это юное лицо, и она умолкала в отчаянии. Наглухо была закрыта от нее эта бедная душа. А раньше?

Раньше?.. Учительница с трудом могла вспомнить, как было раньше, настолько мало занимала ее раньше эта ученица. Сидела на своей парте в дальнем углу, ни радости от нее, ни печали. Вызовет в положенный срок, вздохнув, выведет в журнале тройку и — до следующего спроса. Иной раз случайно задержится на ее ничего не выражающей физиономии или увидит, как стоит она в сторонке на буйном школьном вечере, и досада возьмет, и жалость. Но все это мимолетно — покуда не переведет глаза на других... Кто-то услышала, что девочка хорошо шьет: ну и прекрасно, по крайней мере профессия, не в филологи же, не в институт уже никакого внимания... А Достоевский там, Чехов, они — разве так?! Для них — пусть хоть толстая, хоть какая, они все равно... Они... — Люда вдруг задохнулась и умолкла.

Класс секунду ждал — не выдаст ли она еще чего. А потом так и повалился на парты, прямо застонал от смеха.

— Тихо! — крикнул главный остроумец этого не лезущего за словом в карман класса. — Тихо, братцы. Тут не ржать надо, а разъяснить товарищу, ежели он не в курсе. Видишь ли, Барышева, не такие уж они были лопухи. Чернышевский и прочие. Весьма даже разбирались. Взять хоть Анну Григорьевну Достоевскую, так она очень даже из себя ничего. А Ольга Сократовна, это которая супруга Чернышевского, та и вовсе на личико красавица. А что касаемо толстых, так должен тебя огорчить: история литературы не зафиксировала ни одного подобного факта. Вот, мать, какие дела.

Люда стояла вся багровая. Потом подняла на него глаза.

— Катись ты, знаешь куда... зараза, — сказала она хрипло.

— Уууу, — завыл класс.

Прозвенел звонок.

Не знающая к себе снисхождения учительница вспомнила, что едва ли не самым сильным чувством того праздничного часа — сильнее радости и гордости за своих питомцев — была острая неприязнь к этой девочке, которая своей корявой, спотыкающейся речью сбила высокий настрой класса. Это только потом, после она увидела все это иначе. Бедная, бедная девчонка, что она должна была тогда испытать! И какое мужество потребовалось ей, чтобы выйти одной против этой банды умников и красноболаев... А ведь если вдуматься, девочка сказала им то, что должна была сказать она, их учительница: чего стоят ваши возвышенные слова, когда вы слепы и глухи к тому, кто рядом. Однако, если еще как-то можно понять их молодую жестокость, ей, их наставнице, нет прощения.

Так казнилась учительница, оглядываясь назад и видя все в беспощадном и резком свете. Ведь чуть она поняла, что девочке не угнаться за остальными, она потеряла к ней интерес. Как будто ценность человека определяется его способностью воспринимать знания! Как будто цель школы — изготовить полуфабрикат будущего студента!.. Но если, оглядываясь назад, учительница видела, что и как должна была она делать, что делать теперь — ей было неизвестно. Дело в том, что Люда стала другой.

Нет человека, которому было бы безразлично, какое место он занимает среди людей. Особенно, если этот человек — подросток, а люди — его сверстники. Приниженное положение делает его глубоко несчастливым. Но не только это — тают, вянут, угасают его способности. И хорошо еще, если это не скажется в той большой жизни, которая вся впереди. Или круто и гибельно не изменит его жизнь еще сегодня...

Почувствовав себя равной (если не первой!) в среде новых своих знакомцев, Люда уже не могла и не хотела быть последней где бы то ни было, а пуще всего — в своем классе, где доселе была самой безгласной и робкой. Но чем же она могла взять этих эрудитов и насмешников? В ее ли возможностях было обрести те качества, которые были здесь особенно ценимы? Ну, надо сказать, что сейчас она стремилась к этому менее всего. Сейчас ей и в голову не пришло бы «прокачаться» всю ночь над учебником, чтобы хоть как-то сравняться с другими. В новой ее компании в почете были иные ценности. Их она и пустила в ход.

Первая ее акция была сравнительно скромной. Как-то она пришла в школу раньше других и заняла самую удобную — у окна — парту. Девочке в очках, которая обычно сидела на этом месте и сейчас выразила крайнее удивление, она сказала: «Вали, вали отсюда, очкастая, а то как двину!» И шевельнула своим сильным круглым плечом. Та опешила от этой наглости и — отступила.

Так в первый раз в школе увидели новую Люду. Поначалу, однако, большого значения этому не придали. Но вскоре посыпалось: позвонили из детской комнаты милиции — всю ночь на улице куролесила компания подростков, среди них ученица девятого класса Барышева. Пришла мать одной из стрэшеклассниц: Люда сманила в свою компанию ее дочку, и та просто от рук отбилась. Избили девушку, мирно шедшую по улице с нотной папкой в руках. Среди избивавших была девятиклассница Барышева Людмила. Словно проснулась какая-то спавшая в ней злая сила... Но учительница вспоминала ее страдающее лицо на давнем уроке и понимала: этого могло не быть.

Во всем, что произошло, учительница винила только одного человека — себя. Что ей до того, что у девочки есть отец, мать, бабушка! Она — и только она.

Так ли уж неправа учительница в своем максимализме?

Бывает, так складывается судьба ребенка, подростка, что, сколько ни гляди, сколько ни всматривайся в окрестности его жизни, не увидишь никого, кто мог бы направить его, предостеречь, уберечь. Никого. Кроме школы. Кроме учителя. Что сказать этому учителю? Ты отвечаешь, ты должен, ты обязан?.. Но он и сам знает свои обязанности. Не будем его учить. Пожелаем ему — среди многих, кому он нужен, не упустить того, кому он горько необходим, у кого только и надежды, что на него, своего наставника (нужды нет, что сам ребенок об этом и не подозревает!), чей путь, пусть пока еще только пунктиром, обозначен в сторону школы.

Много средств у нынешней школы для того, чтобы сделать жизнь ученика полной, значительной, интересной. Лаборатории, мастерские, библиотеки, опытные участки... Но у той школы, которая и половиной этого не располагает, одно старомодное средство всегда есть — ум и сердце учителя, обращенные к ребенку.

...Эта девочка, недавно еще совсем незаметная, а сейчас способная вызвать возмущение, гнев, даже ярость, с некоторых пор сделалась для учительницы дороже всех остальных ее питомцев, таких блистательных и остроумных. Так мать более других жалеет неудачливое, бесталанное свое дитя. Ах, как не любила она сейчас тех — за само это остроумие, которое помогает им высмеивать других, слабых, за живость, с которой они подмечают чужие промахи. Она была несправедлива в этой своей крайности — она страдала.

Благословим страдания учителей. Без них, кажется, еще не появлялся на свет ни один истинный воспитатель. Даже если сегодня не найдет учитель пути к тому, кого потерял, не бесплодны, не бесследны эти страдания — бесценным опытом отложатся они в его душе и великим благом обернутся для того, кому еще только суждено сесть перед ним за парту и кому так нужно его умное, способное страдать сердце...

Впрочем, наша учительница и мысли допустить не хотела, что она не завоюет, не вернет Люду. Впереди у нее был еще год, последний, десятый год школьной жизни Люды Барышевой.

НОВОСЕЛЬЕ. Фото Ю. РЫБЧЕНКОГО и В. ЧЕЛИШВИЛИ

Небольшое письмо нашего читателя Б. Зайцева, помещенное под заголовком «Больничный лист: тайна для всех» [«ЛГ», № 43], неожиданно вызвало необычно взволнованный отклик читателей. Старший научный сотрудник, кандидат технических наук Б. Зайцев выступил против записей диагноза в больничном листке, которые, по его мнению, разглашают врачебную тайну. Большинство читателей горячо поддерживает это мнение. Некоторые авторы призывают немедленно изменить форму записи в больничном листке, рассказывают грустные истории, когда разглашение тайны приносило людям лишние страдания, круто меняло всю жизнь и худшему. Но есть несколько писем, в которых приводятся доводы в пользу существующей формы больничного листка, их авторы советуют не спешить с переменами.

Сегодня мы публикуем часть полученных писем.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОДДЕРЖИВАЕМ!

Что же это получается? К врачу приходишь, как на исповедь, говоришь откровенно, с доверием, а потом из больничного листка тайна твоя идет гулять по всему белу свету.

В. ЗАЧИНЯЕВА

ЛИПЕЦК

***

Мы, больные гинекологического отделения больницы № 54, прочитав в «ЛГ» письмо читателя Зайцева, горячо поддерживаем его. Некоторые из нас скоро выпишутся домой, но уже сейчас мы с ужасом представляем, как будут на работе читать наш больничный листок.

Шесть подписей

МОСКВА

***

Я знаю нескольких мужчин, которые хотели бы лечь в стационар, чтобы излечиться от алкоголизма. Но боятся: сейчас далеко не все знают об их пагубном пристрастии, а когда они избавятся от него — будет известно всем.

В. РЕШЕТНИКОВ

МОСКВА

***

Из опасения, что о его недуге узнают на работе, некоторые совсем не обращаются к врачу, занимаются самолечением. Иногда это приводит к тяжелым, а порой и к трагическим последствиям.

А. КАПИТОНОВ

МАГНИТОГОРСК

***

Когда я болен, даже до нетрудоспособного состояния, я не иду к врачу, не беру больничного листка, из записи в котором мои сослуживцы непременно узнают, что я «псих».

Г. ИВАНОВ

МЮСКВА

***

Я совсем еще молод, но у меня с недавних пор полиартрит, ревмокардит. Болезни не позорные, но я все-таки не хочу, чтобы о них знали другие — понимаете, в еще не устроил свою личную жизнь...

На фабрике, где я работаю, я не становлюсь в медпункте на учет. Там каждый ищет свою учетную карточку сам и может читать карточку другого. Сколько раз слышал, как, вернувшись из медпункта, люди судачат: у такой-то произошло то-то, «подумать, а ведь незамужняя», у того-то — «такой молодой, а уже язва желудка».

Мне нужно противорецидивное лечение, а я не хочу становиться на стационарный учет и по месту жительства. В нашей Люботинской городской больнице карточки всех стационарных больных имеют другой бросающийся в глаза цвет. Берет медсестра такую карточку, и все сразу видят, что за болезнь у человека. Да и медсестре может во всеуслышание сказать: «Так ты бы и сказал, что ты наш постоянный».

Я думаю: если уж соблюдать медицинскую тайну, так до конца. Я бы запретил доступ к документам регистратуры всем, кроме медицинских работников. И сделал бы их стандартными, не помечал всякими наклейками.

П. П.

ХАРЬКОВ

***

Полностью разделяю мнение тов. Зайцева о неэтичности и противозаконности указания в больничном листке характера болезни. В самом деле, это документ, имеющий главным образом финансовое значение.

В случаях, когда характер заболевания трудящегося представляет собой угрозу для здоровья членов его коллектива, лечебное учреждение может сообщать об этом администрации предприятия или учреждения, но в конфиденциальном порядке, с указанием своих соображений о дальнейшем использовании больного рабочего или служащего.

В подтверждение правильности поставленного вопроса хочу привести случай из своей личной жизни.

Много лет назад я вернулся на работу с ошибочно поставленным диагнозом. Это стало достоянием всеобщей гласности благодаря больничному листку. И я вскоре с горечью увидел, что люди сторонятся меня. Отделился от меня даже дорогой для меня человек! И вот следствие: пришлось оставить интересную работу, переехать в другой город.

Рекомендацию тов. Зайцева надо довести до разумного решения!

В. ДУШЕВСКИЙ

СЕМИЛУКИ

ПИСЬМА СПОРЯТ

НАОБОРОТ: ДИАГНОЗ — РАЗБОРЧИВО

Все очень правильно, но вопрос может иметь и другой аспект — профессионально-производственный.

Профсоюзные органы должны вести статистический учет нетрудоспособности по группам заболеваний, он должен быть оперативным и точным. Участившиеся случаи, например, простудных заболеваний могут свидетельствовать о плохом отоплении, сквозняках в производственных помещениях, желудочные — об антисанитарии в пищеблоке, неврологические — о повышенном шуме, вибрации в цехе и т. д. По данным этого статистического учета администрация обязана принимать неотложные меры для устранения источника заболевания.

ТАЙНА БОЛЬНИЧНОГО ЛИСТА

С этой точки зрения можно поставить вопрос совсем наоборот! Чтобы медики писали в бюллетенях название болезни более разборчиво, поскольку сейчас в большинстве бюллетеней в соответствующей графе ставятся такие закорючки, что даже экспертиза ничего не разберет.

Другое дело, что лица, ведущие такой учет, не должны разглашать сведения, относящиеся к каждому конкретному сотруднику, но вести такую статистику, по моему мнению, совершенно необходимо.

В. ЛЯХ

ЛЕНИНГРАД

ЕСЛИ НУЖНА СТАТИСТИКА

Всецело поддерживаю тов. Зайцева: о болезни больного должен знать только врач. Конечно, медицинскую статистику по предприятию, по цеху иметь необходимо — много заболеваний зависит от условий труда, и для этого необходимо составлять планы оздоровительных мероприятий. Однако собирать такие сведения не обязательно публично — можно и централизованно. Особенно легко это делать на крупных предприятиях, где имеются свои поликлиники.

По долгу службы мне приходится подписывать больничные листы. Мне совестно читать диагноз, стараюсь не делать этого, так как знаю, что многим людям тяжело сообщать подробности личной жизни посторонним.

В. БОЧАРОВ

НОВОСИБИРСК

ПОЗОРНЫХ БОЛЕЗНЕЙ НЕТ

Доказывая необходимость своего предложения, тов. Зайцев ссылается на положение тех, кто лечился в психиатрической больнице.

Но что здесь позорного?

Вот у нас на заводе работал шофер, заболел, четыре месяца провел в такой больнице. Выписался с предписанием: в дальнейшем невозможно использовать его для работы на автомашине. Мы его перевели на должность автослесаря, и, зная его болезнь, товарищи с вниманием относились к нему, создали спокойную обстановку. Все это укрепило его здоровье, и через полтора года он опять сел за руль.

А если б в больничном листе не было названия его болезни, как предлагает тов. Зайцев, создали бы ему спокойные условия труда?

Практика показывает, что больничный лист стесняются сдавать лишь женщины 18—20 лет, которые делают первый аборт, а все другие трудящиеся не стесняются своих болезней и охотно делятся с товарищами рассказами о состоянии здоровья и о лечении.

Считаю, что для ликвидации записи с наименованием болезни оснований нет.

В. ОЛЕЙНИК

гор. СЛАВЯНСК

ПОЧЕМУ МЫ СМЕЯЛИСЬ...

Много лет назад как-то я зашла в контору нашего цеха и застала там группу весело смеющихся людей — начальника цеха, председателя местного комитета, плановичка. Табельщица держала в руках больничный лист, и вот он-то и являлся причиной смеха.

Оказывается, одна из наших работниц в гололед упала и сильно ушиблась. Диагноз же был написан с такой обнажающей прямотой, что я рассмеялась тоже. И всякий раз, проходя мимо рабочего места этой женщины, я прыскала от смеха.

Тогда мне было 17 лет. Теперь мне стыдно этого, только теперь я понимаю, что пережила та невинная женщина.

Вот другой случай. Одной моей знакомой нужна была помощь гинеколога. Но она всячески от нее уклонялась. Ее можно было понять: больничный листок должны были по долгу службы подписывать мужчины, в ей не очень хотелось, чтобы посторонние люди винкели в ее интимную жизнь. Она начала лечиться с помощью «бабушек». И долечилась... Не одну неделю врачи спасали ее от смерти.

Я полностью согласна с тов. Зайцевым, что болезнь — тайна для всех.

Т. ВРУНОВСКАЯ

МЕЛИТОПОЛЬ

КАК ЭТО СДЕЛАТЬ

Предлагаю следующее. В больничном листе вместо диагноза заболевания указывать шифр согласно Международной статистической классификации болезней.

А. СУДАКОВ,
врач

пос. ГИРЕЙ
Краснодарского края

***

Зачем знать расчетчик в центральной бухгалтерии, чем болел сталевар или подсобная рабочая? В каждом цехкоме профсоюза есть активы страхделегатов. Только они по поручению цехкома профсоюза и только при необходимости могут узнать у лечащего врача диагноз. Поэтому я предлагаю выдавать больному «Справку о нетрудоспособности», на лицевой стороне должно быть указано: кем выдана, кому, дни приема у врача, а на оборотной стороне — все, что в настоящем больничном листке.

Диагноз и ход лечения амбулаторных больных отражаются в личных карточках, а у стационарных — в истории болезни.

Г. АГЕЕВ,
мастер

гор. ВЫКСА

***

Врачи могли бы писать названия болезней по латыни. Раньше, когда я работала на стройке, в нашей бригаде был отличный производственник, бывший фронтовик, прекрасный человек. Ему испортило жизнь противное название весьма простой болезни — оно пришло с больничного листка... После этого другой человек вряд ли пойдет с такой болезнью к врачу.

М. ЧЕРНОВА

гор. КУЙБЫШЕВ

***

Парадокс: мы, врачи, обязанные строго хранить врачебную тайну, сами вынуждены подписывать документ, способствующий ее разглашению! Вполне можно обойтись шифром заболевания. А можно сделать и так: тот, кто не хочет, чтобы о характере его болезни знали, приносит в поликлинику справку из больницы и получает в больничном листке запись, которая ему не повредит.

Ю. СМИРНОВ,
заведующий поликлиникой центральной районной больницы

гор. ЮЖА
Ивановской области

КАФЕ — ДЛЯ ОБЩЕНИЯ

продолжение темы

В. КАДЖАЯ

В САМОМ ДЕЛЕ, зачем мы все-таки ходим в рестораны? Чтобы вкусно поесть? Но много ли вы знаете ресторанов, где вкусно готовят? Вряд ли вам удастся назвать больше двух-трех — и то, если речь идет о большом городе. Нет, мы ходим в эти роскошные дворцы общепита исключительно ради роскоши человеческого общения. Но, увы, роскошь, помноженная на роскошь, дает элементарное пьянство. Потому что ресторан — это действительно питейное заведение, где общение невозможно без солидного бутылочно-графинного эскорта и где, как уже писалось в «ЛГ», «пьющий вволю пьет, а непьющий начинает пить. Начинает пить из солидарности, из-за чувства неловкости, из-за психологии массового питья». И хотя газета призывала уже в заголовке «Пусть выбирает трезвый», трезвому-то как раз выбирать и не приходится: не из чего...

Во многих городах стали по вечерам брать за вход в кафе по два-три рубля. За что! Обычно входная плата предполагает какое-то «шоу», но здесь — традиционный музыкальный ящик «меломан», да и то не всегда исправный. В Риге один из руководителей треста ресторанов и столовых так объяснил необходимость входной платы: «Чтобы спасти план от волосатиков. Они приходят, весь вечер пьют одну чашку кофе и ничего больше не берут». Видите ли, невинные «волосатики» плохи тем, что они не пьянствуют. Их понуждают пить не три входных рубля — человек вправе взять что-либо из выпивки и закуски. Можно и не воспользоваться своим правом, но тогда деньги доставнутся кафе ни за что ни про что.

В одной из статей весьма компетентного в общественном питании человеке можно было прочесть, что маленькие кафе убыточны. В качестве выхода предлагалось: «Привязать» их к какому-нибудь ресторану, прикрыть крупным «линкором», который выдержит и «невыгодные» чашечки кофе, и пирожные, и соки... Правда, — вынужден признать автор, — есть здесь одно «но» — ведь караван «линкоров» не бесконечен».

Весьма существенное «но», которое сразу же заставляет отказаться от предложенного «выхода». Но если даже предположить, что прикрытия хватит на всю армаду маленьких кафе, то и при этом ничего не изменится. Экономический механизм будет постоянно срабатывать в обратную сторону: никому не улыбается таскать на шее нахлебника, в именно таковым является для ресторана маленькое кафе, если оно убыточно. Каждый рачительный директор будет всячески стараться избавиться от неприглядной роли «прикрытия», сколько бы ни взывали к его гражданской сознательности.

Выход один, и только один: маленькие кафе тоже не должны быть убыточными. Тогда экономический механизм станет подстегивать лучше всяких призывов. Как это и произошло в Таллине.

В этом городе в роли прикрытия выступают, наоборот, не крупные рестораны, а маленькие кафе, которые, пусть это не покажется странным, соединенными усилиями зачастую вытаскивают с мели «линкоров» и уж тем более не являются для них финансовой обузой.

Все очень просто: каждый таллинский ресторан имеет мощное кулинарное и кондитерское производство. Их продукция реализуется через сеть маленьких кафе и баров и приносит существенную прибыль. В столице Эстонии рестораны выпускают собственной продукции гораздо больше, чем повсюду. И директора ресторанов стремятся, естественно, увеличить количество маленьких кафе. Один местный работник торговли высказался по этому поводу почти афоризмом: «Деньги дают не месте, в дверях». Иными словами, он ратует за камерные, не 20—40 мест заведения, но чтобы их было как можно больше.

Автор этого афоризма Арнольд Куставич Рюнкару — директор кафе «Таллин», и свой парадокс он доказывает делом. Кафе состоит из зарьете (это и есть «линкор») и еще семи маленьких филиалов. Самым доходным является погребок «Каролина», хотя полезная площадь, которую он занимает, составляет всего-навсего 18 квадратных метров. В средние века на месте погребка пролегал подземный ход из крепости, а сравнительно недавно — склад веников. Рюнкару израсходовал пять тысяч на реконструкцию и сейчас черпает из погребка чистую прибыль. Из чего она складывается? В «Каролине» продают лишь глинтвейн (горячее вино) и орешки к нему. Никто больше одного стакана, как правило, не заказывает. Просто приятно постоять в этом на редкость симпатичном месте, перекинуться впечатлениями.

Могут возразить, что «Каролина» берет своей экзотикой. Что ж, это правда... Но заглянем в коньячный бар. Здесь уже экзотики нет и в помине, но вдосталь уюта. В меню — коньяк, который продается крохотными дозами, кофе, соки и булочки, то есть все самое невыгодное. В бар заходят не есть, не пить, а просто поговорить.

Это не так мало — просто поговорить. И чем выше культурный уровень человека, чем шире его духовный мир, тем больше в нем потребность именно такого общения, тем большее наслаждение и радость оно доставляет.

Конечно, беседовать можно и на улице. И в подъезде. И в курительной комнате, почему-то повсюду, кстати, обязательно примыкающей к туалету. В общем, мест для этого сколько угодно, но все-таки больше всего нас тянет в маленькие, уютные кафе, где в воздухе стоит аромат пирожных и тихо играет музыка, где мягкий полусвет и где не надо оглушать себя водкой, а можно мирно посидеть за чашкой кофе или стаканом чая. Можно обойтись и без них, но для полной задушевности будет все время не хватать этой маленькой детали. Почему? На это сумеют ответить, вероятно, одни психологи. Социологи же обратили внимание на такую, с первого взгляда парадоксальную ситуацию, что расширение сети библиотек, кинотеатров, спортивных залов, стадионов и прочих культурно-просветительных учреждений, призванных решительно отвратить людей от пьянства, поставленной цели не достигают. Население, увы, как потребляло алкоголь, так и потребляет в размерах, превышающих желательные.

Не будем, однако, поспешно обвинять население в неблагодарности и низком уровне сознания. И библиотеки и стадионы призваны удовлетворять совсем другие его нужды. А потребность же в общении человек пока что чаще всего реализует именно в застолье. Но если у него будет возможность посидеть с другом не в ресторане, а в заведении типа рюнкаровского бара, он, безусловно, предпочтет второе.

Потому что здесь все располагает к задушевному разговору. А поскольку, как сказал тот же Рюнкару, «с кофе легче разговариваться», то за беседой незаметно выпиваются две-три чашечки кофе, иногда — но вовсе не обязательно, — рюмка коньяку, а кто-то просто съест пирожное или булочку. Не густо, с точки зрения любого официанта, просто мизерно. Но дело в том, что официантов здесь нет. И кухни тоже, с ее штатом поваров, мастеров и подмастерьев. Обслуживают всего две бармена. В «Каролине» всем заправляет одна буфетчица. В баре Клуба инженеров по вечерам работают две женщины. И здесь в меню нет ни шницелей, ни цыплят-табака, а только булочки и пирожные, соки, кофе, напитки. Прибыль — до трех тысяч рублей в месяц. Много это или мало?

— Если таких баров будет на весь Таллин десять—двадцать, тогда мало, — говорит Рюнкару. — Если двести — триста, — тогда вполне достаточно.

То есть одно кафе с маленьким доходом — заведение не очень выгодное, но множество маленьких доходов образуют в совокупности большой доход — вот экономическая база маленьких кафе. И если даже подходить с точки зрения чистой коммерции, то маленькие кафе просто необходимы для получения дополнительной прибыли, которая в конечном итоге поступает в государственную казну.

Однако, помимо чистой коммерции, здесь действует еще один фактор, который для нас несравненно важнее, — нравственный. Маленькие кафе — это не предприятия общепита, не торговые заведения в обычном смысле, а один из видов идеологических институтов. В отличие от столовых, в маленьких кафе человек удовлетворяет не физиологическую потребность — насыщение пищей, а духовную — общение в виде беседы. Эту разницу мы должны обозначить очень четко, чтобы перевести маленькие кафе из системы общественного питания в разряд мест общественного досуга. И соответственно оценивать их, исходя не только из величины прибыли, но в первую очередь из социальной эффективности. Как оцениваем мы библиотеки, стадионы, клубы. Исходя из этого, следует также планировать и количество подобных заведений. В настоящее время число «посадочных мест» на тысячу человек в Таллине, больше, чем в Москве.

«Маленькое кафе» — это не обычное кафе, хотя и меньшего размера. Нет, это иное предприятие, предлагающее совсем иные услуги. В Таллине их ласково называют «кофиками». Подобные заведения имеются во многих больших и маленьких городах мира. Общее для таких заведений, придуманных для общения людей, — простота обслуживания и предельно несложное меню, что позволяет свести к минимуму накладные расходы.

Что же касается наших кафе, то они по существу — самые обычные рестораны. Путаница в терминологии отнюдь не так невинна, как может показаться на первый взгляд. Рестораны, кафе, столовые — все они имеют разработанные и утвержденные методики планирования, обслуживания, оснащения. Маленькие же кафе ни к какому разряду не относятся. Откуда-то пошло убеждение, что они невыгодны. Впрочем, всюду откуда: брали обычные кафе, с официантами и поварами. При меньшей вместимости план выручки, естественно, уменьшался: ведь расходы не содержание штатов у плиты и в зале оставались прежние. Вот и пошли убытки, которые требуют линкоровского «прикрытия».

А между тем в современном баре весь штат можно свести к минимуму. Один человек обслуживает одновременно двадцать—тридцать человек. Конечно, для этого требуется соответствующее оборудование: кофе варит автомат, а бутерброды и пирожные приготавливаются заранее, чашки-ложки моет машина, даже передвигается бармен вдоль стойки на самодвижущемся кресле.

Много ли вы видели таких маленьких кафе? Их мало или нет совсем, и поэтому в вечерний час, когда иссякает поток проголодавшихся людей, огни прекрасных кафе погашены, не дверях замки, и горят, дразнят прохожего лишь неоновые вывески. И вот поэтому люди рвутся в ресторан, в который трудно попасть, иногда надо долго стоять в очереди, и в «награду» за все это начинается пьянство — та психология массового питья, о которой говорилось. Как же это забылось, что имеется правительственное решение, по которому сеть пивных баров, кафе, чайных следует расширять! В борьбе с пьянством эти заведения могут очень сильно помочь. С этим никто не спорит. Но улите, однако, едет не спеша. Даже в Таллине, где согласно статистике «посадочных мест» гораздо больше, совершить «посадку» за столиком в кафе или ресторане тоже нелегко. И тут очереди у дверей.

Мы стали жить зажиточнее, у нас больше стало свободного времени. Поэтому нам больше прежнего надо заботиться о развитии сети общественного питания, чтобы всем обществом бороться с пьянством, бороться за трезвость.

СЕРЕНАДА. Фото В. ПОЗДНЯКА

КОСМОС ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА...

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

Реальность дает пищу фантастике. Фантастика обгоняет реальность и предлагает ей свои цели. Такова извечная обратная связь.

Гигантские успехи современной науки и техники поражают воображение, дают пищу для множества самых фантастических проектов. В последнее время на Западе появилось немало таких проектов «будущего общества», основанных на экстраполяции сегодняшних достижений. Это объяснимо и естественно.

Не беда в том, что авторы подобных предложений берутся за «решение» социальных задач техническими средствами. Они, к примеру, рисуют картины преодоления противоречий капитализма путем переселения человечества на космические острова или на дальние планеты, предлагают полностью кибернетизировать или роботизировать общество, биологически вывести нового, более совершенного человека и т. д. Тем самым они вольно или невольно пытаются поставить на место сегодняшних социальных проблем завтрашнего, общества проблемы чисто технического развития. Подобного рода проект выдвигает и профессор Принстонского университета Дж. О'Нейл. Недо ли говорить, сколь утопичны такие проекты! История человечества давно доказала: социальные цели достигаются социальными средствами.

При этом, разумеется, достижения науки и техники играют свою роль, однако эта роль не может быть определяющей.

Академик Б. КЕДРОВ

Джерард К. О'НЕЙЛ,
профессор Принстонского университета (США)

КОЛОНИИ НА ОРБИТЕ

...Было бы вполне целесообразно основать постоянный производственный комплекс в космическом пространстве. Имея в виду использование технологии, разрабатываемой для космического «челнока»*, можно предположить, что сооружение высокоорбитальных космических колоний могло бы быть начато не позднее чем через 7—10 лет и закончено через 15—20 лет.

Назначение космических колоний заключается в том, чтобы создавать и эксплуатировать огромные энергетические установки, которые будут трансформировать солнечную энергию в высокочастотное излучение и передавать его на Землю, где оно будет преобразовано в обычную электроэнергию. Уровень развития техники, необходимый для выполнения этих задач, уже достигнут.

Интерес к этой идее во многом объясняется также следующей перспективой: тысячи людей, живущих в настоящее время на Земле, смогут не протяжении двух следующих десятилетий начать жить и работать на новой границе расселения — в космосе. Если эта идея будет осуществлена, то уже в 1990 году может быть написано письмо от космического колониста, подобное следующему:

«Дорогие Брайан и Нэнси!

Мы живем в колонии «Бернал-Альфа», которая представляет собой сферу с диаметром 500 метров и протяженностью экватора около мили. Каждые 32 секунды сфера оборачивается вокруг своей оси, таким образом в районе экватора создается сила притяжения, равная земной. «Земля» имеет вид небольшой закругляющейся долины, поднимающейся по обе стороны от экватора до 45° «широты». Наши дома находятся в зоне нормальной силы тяжести, но многие из нас работают на строительстве, которое ведется там, где силы тяжести вообще не существует. Большая часть поверхности «земли» занята невысокими, расположенными уступами жилыми домами, широкими торговыми аллеями и маленькими парками. Многие предприятия, обслуживающие центры и магазины расположены под «землей», в районе, прилегающем к полюсу, где сила притяжения небольшая. У нас есть пешеходные и велосипедные дорожки, проходящие по кольцевому маршруту вдоль экватора. Неподалеку от него течет наша небольшая река. Солнечные лучи попадают к нам примерно под углом в 45°, почти так, как на Землю в середине утра или во второй половине дня. Продолжительность дня, а следовательно, и климат зависят от нас — от того, когда и сколько мы пропустим солнечного света.

На «Бернале» такой же климат, как на Гавайских островах, и мы круглый год много времени проводим на открытом воздухе. Наше жилое помещение имеет примерно те же размеры, что и дом, который был у нас прежде на Земле. У нас есть сад. «Бернал» была построена в числе первых колоний, поэтому наши деревья успели сильно вырасти. Для города с населением в 10 тысяч человек мы имеем все необходимое для развлечения: четыре небольших кинотеатра, довольно много хороших маленьких ресторанов, много любительских театральных и музыкальных групп. На большой сцене, расположенной в зоне низкой силы притяжения, ставят балетные спектакли. Балет в условиях одной десятой земного притяжения — прекрасное, сказочное зрелище!

Чтобы добраться до соседних колоний, требуется всего несколько минут, поэтому мы часто ездим туда, чтобы посмотреть фильм, послушать концерт или просто сменить на время климат.

Все колонии подчиняются Корпорации энергетических сателлитов (КЭС), которая была учреждена еще в 1980 году как многонациональный доходный консорциум при ООН. Пока продуктивность и прибыли сохраняются на высоком уровне, КЭС предоставляет нам довольно большую свободу действий. Системы управления различных колоний существенно отличаются друг от друга. В нашей колонии, например, управление осуществляется по принципу общегородского собрания. Наши подростки обязаны отработать год в одной из вспомогательных бригад, обеспечивающих нормальное функционирование систем жизнеобеспечения (это несколько напоминает военную службу на Земле), и если профессионалы из органов управления или системы жизнеобеспечения вдруг почему-либо заупрямились бы, отказались выполнять свои функции, их очень быстро заменили бы добровольцами.

Немного истории. Идею колонизации космоса можно обнаружить в трудах многих ученых, самыми точными прогнозистами среди которых, по-видимому, были Константин Циолковский, Роберт Годдард, Джон Бернал и другие.

В 1969 году один профессор Принстонского университета задал студентам, приступившим к изучению курса элементарной физики, такой вопрос: «Является ли в действительности поверхность планет самым лучшим местом для растущей, развитой в техническом отношении цивилизации?» На ряде семинаров принстонский класс проанализировал проблему и пришел к выводу, что ответ должен быть отрицательным.

В течение нескольких последующих лет профессор продолжал самостоятельные исследования, но в 1974 году дело было ускорено созывом конференции в Принстоне и публикацией первой его статьи на эту тему.

В конце 1974 года стало очевидно, что космическая колония может сооружать на орбите солнечные энергетические установки, используя материалы, полученные путем переработки богатой рудами лунной почвы и доставленные на место ценой относительно низких затрат с помощью построенной на Луне ракетной пусковой установки.

Хотя создание космических колоний было вызвано прежде всего экономическими причинами — на Земле нуждались в средствах и в источниках чистой энергии, — интерес общественности к этой теме во многом объясняется тем, что в колониях существовали возможности, близкие к земным, а также их ролью в деле непрерывного человеческого развития и прогресса.

Во второй половине 1970-х годов, когда техника достигла такого уровня развития, который обеспечивал доход от создания колоний в космосе, были начаты переговоры между всеми странами, желающими принять участие в проекте. Переговоры закончились образованием КЭС.

К этому времени стало очевидно, что вполне возможно сооружение производственных установок в свободном космическом пространстве, например в районе, называемом «Л-5», или еще дальше — в глубоком космосе, где в противоположность условиям, существующим на Луне и Земле, солнечная энергия была бы доступна постоянно. Таким образом, ее можно было бы использовать для обеспечения теплом производственных процессов, для приведения в действие электротурбогенераторов, для выращивания сельскохозяйственных культур, чтобы кормить обслуживающий промышленные предприятия персонал.

Выяснилось также, что значительного снижения строительных расходов можно достичь путем получения почти всех строительных материалов с поверхности Луны. Это представляется более практичным, чем доставлять сырье в космос с Земли, вследствие того, что на Луне низкая сила притяжения и ее окружает глубокий вакуум. Необходимый расход энергии на фунт веса равнялся бы одной двадцатой ее количества, требующегося при запуске с Земли. Мы знаем, что взятые наугад лунные почвы по весу в среднем состоят на 40 процентов из кислорода, на 20 — из кремния и на 20—30 — из металлов, в основном алюминия, железа, титана и магния, которые можно использовать в качестве строительных материалов.

Первоначальный запас воды для каждой колонии получается путем соединения водорода, доставленного с Земли, с лунным кислородом. Здесь, в «Л-5», кислород является продуктом отхода промышленных процессов, в результате которых мы получаем металлы и стекло. Наша почва доставляется, разумеется, с Луны. Когда к ней добавляются вода и соли азотной кислоты, она становится плодородной. Поскольку мы обладаем неограниченным количеством дешевой энергии, у нас нет проблемы загрязнения среды. Когда энергия почти ничего не стоит, а сырье относительно дешево, разложение всех продуктов отхода на их составные части легко окупается.

В процессе строительства был применен метод «ботиночного шнурка» — сооружение первым высокоорбитальным промышленным комплексом других таких же комплексов. При помощи этого метода количество производимой в космосе продукции увеличивается в геометрической прогрессии.

Размеры поселений постоянно росли, некоторые из них достигли 12 миль в диаметре. Площадь «земной» поверхности такого поселения составляет несколько сотен квадратных миль. Мы уже ведем разговоры о переносе сырьевой базы с Луны на астероиды, где у нас будет полный набор элементов, включая углерод, азот и водород. Если говорить о затратах энергии, то доставлять сырье с астероидов не труднее, чем с Земли. Учитывая имеющиеся там неиспользованные запасы сырья, мы можем построить космические колонии общей площадью поверхности «земли», в 3 000 раз превышающей земную.

Промышленный мир 70-х годов стоял перед будущим, в котором виделись лишь следующие источники энергии: уголь, крупномасштабная программа добычи которого связана с открытым способом, очень вредным для природы; дорогостоящая нефть, запасов которой должно было хватить на несколько десятилетий; и ядерное топливо, широкое использование которого еще лишь предстояло в будущем. Ни один из этих источников энергии не является полностью приемлемым.

В 1960-х годах была изучена другая возможность получения энергии — при помощи специальных спутников. Этот вариант предполагает размещение больших солнечных силовых установок в космосе, откуда энергия в форме высокочастотного излучения будет передаваться на Землю, причем такая передача энергии оказалась в пределах наших технических возможностей: уже во время первых испытаний была продемонстрирована высокая эффективность этого способа.

Первое время барьером на пути получения солнечной энергии была высокая стоимость доставки материалов на орбиту. Возможность сооружения установок в космосе из сырья, полученного на Луне, в значительной степени изменила экономический аспект этого предприятия. Материалы, необходимые для сооружения силовых установок, имеются на Луне в больших количествах, и их передача на обрабатывающий комплекс, расположенный в «Л-5», стоит гораздо дешевле, чем доставка с Земли, — возможно, в 100, а то и более раз.

При использовании принципа «ботиночного шнурка» энергия спутников оказывает огромное влияние на развитие земной индустрии. Уже через 13 лет после начала строительства орбитальное производство удовлетворило все энергетические нужды США. К этому времени приток энергии из космоса превысил максимальную производственную мощность Аляскинского нефтепровода. Даже в том случае, если бы энергия, получаемая со спутников, продавалась на Землю по более низким ценам, чем существующие, первоначальные вложения, включая все проценты, окупились бы менее чем за 25—30 лет, то есть за период, равный времени амортизации силовых установок на Земле.

Но вернемся к рассказу о нашей колонии. Надо сказать, что мы ведем здесь очень приятный образ жизни. Свежие овощи и фрукты не переводятся у нас круглый год, потому что для каждого месяца существует особый сельскохозяйственный цилиндр, имеющий определенную продолжительность дня.

Вы спрашиваете, не чувствуем ли мы себя изолированными. У некоторых из нас действительно возникает некое подобие «островной лихорадки», возможно, потому, что мы являемся иммигрантами первого поколения. С детьми, которые родились здесь, такого не случается.

Контрактом, который мы подписали перед тем, как приехать сюда, оговорено, что нам предоставляется бесплатная телефонная и видеофонная связь с Землей. Оговаривается также бесплатная доставка в колонию и обратно. Мы с Дженни взяли после первых трех лет пребывания в колонии шестимесячный отпуск. И роскошно провели время, ибо часть нашей зарплаты мы получаем в земной валюте. Мы оба работаем. Дженни — инспектором турбинных лопастей, а я наблюдаю за точностью сборки. Наше жилье, питание, одежду и остальное мы оплачиваем в валюте колонии, в зарплата, получаемая на Земле, аккумулируется в банке.

Сейчас мы начинаем задавать себе вопрос: захотим ли мы вернуться на Землю, когда подойдет время уходить на пенсию? Впереди у нас еще 20 лет, но уже сейчас мы понимаем, что принять решение будет нелегко. Мы задумываемся, не поселиться ли нам на каком-нибудь астероиде, и эта идея кажется нам разумной. Я думаю, что мы скорее всего решим двинуться еще дальше, а не возвращаться назад».

***

В настоящее время технические и экономические проблемы являются, по-видимому, решающими в деле осуществления идеи создания колонии в космосе, но эта идея имеет также и важные моральные и политические аспекты. В этом отношении я оптимист. По-видимому, есть надежда, что открытие двери в космос может улучшить положение людей на Земле. Если мы хоть в какой-то степени будем освобождены от необходимости ссориться с другими странами из-за сокращающихся ресурсов нашей планеты, можно надеяться на более мирное будущее. Проявление щедрости в отношении третьего мира также кажется более вероятным, если оно будет основано на новых, неограниченных ресурсах, а не на тех, которых, как мы видим, уже сейчас не хватает. Я считаю, что есть основания надеяться — и это гораздо важнее, чем все материальные проблемы, — что открытие новой космической границы поселения проявит все лучшие присущие нам качества.

Сокращенный перевод из журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин»

* Космический аппарат многоразового применения, осуществляющий связь между Землей и объектами, находящимися на орбите.

Рисунок А. ВАСИЛЬЕВА

ПОЛЕМИКА

Иг. БУБНОВ, кандидат технических наук

ИЛЛЮЗИИ НЕВЕСОМОСТИ

...Удивительно все-таки, как долго иногда кружит история творческой мысли вокруг некоторых идей. Космические колонии... Гигантские энергосистемы на орбитах... Расселение людей в межпланетном пространстве... Лучший пример «спирали», которая характеризует всякое развитие, трудно придумать. Напомню лишь некоторые ее «витки».

В 1903 году К. Э. Циолковский в письме к издателю петербургского «Научного обозрения» М. М. Филиппову, сопровождавшем всемирно известную ныне работу «Исследование мировых пространств реактивными приборами», писал: «Математические выводы, основанные на научных данных и много раз проверенные, указывают на возможность с помощью таких приборов подниматься в небесное пространство и, может быть, основывать поселения за пределами земной атмосферы... Что странного в мысли овладеть окружающим земной шар беспредельным пространством...» Это было написано за полгода до первого в мире самолета!

Во второй части этой работы, опубликованной в 1911—1912 годах, Циолковский детализирует идею: «Человечество пускает свои снаряды на один из астероидов и делает его базой для первоначальных своих работ. Оно пользуется материалом маленького планетоида и разлагает или разбирает его до центра для создания своих сооружений, составляющих первое кольцо кругом Солнце...»

К этому же, первому «витку» развивающейся идеи можно отнести и развернутую программу освоения космоса, которую Циолковский дал в своей широко известной книге того же названия, вышедшей в 1926 году. После девяти чисто технических пунктов развития космонавтики намечены: «10. Вокруг Земли устраиваются обширные поселения... 12. Основываются колонии в поясе астероидов и других местах Солнечной системы, где только находятся небольшие небесные тела; 13. Развивается промышленность...»

Следует, однако, обратить внимание на одну важную особенность программы Циолковского: она была рассчитана на длительный период развития — на многие сотни и тысячи лет. Великий оптимист отдавал себе трезвый отчет в возможностях человечества.

В 20-е годы на фоне бурных успехов авиации и зарождающейся жидкостной ракетной техники возникло немало смелых проектов крупных космических станций и поселений. Среди них проект Германа Оберта, предложившего построить огромное, диаметром 100 километров, орбитальное зеркало, предназначенное для снабжения Земли солнечной энергией в виде тепла и света. В обоснование своего проекта Оберт дал подробные расчеты, в том числе и экономические.

В 50-е годы, в самый канун космической эры, когда будущее еще не начавшейся космонавтики представлялось чем-то вроде неудержимого взлета к осуществлению всех и всяческих фантастических ожиданий, проекты космических гигантов возникали, как грибы в предутренний час. Был, например, проект американца Дарелла Ромика (1956 год): орбитальный космический город на 20 тысяч человек, цилиндр диаметром 300 метров с огромным вращающимся колесом (как видим, немало общего с проектом О'Нейла). Ромик подробно разработал технологию постройки и функционирования своего «города», собираемого, по его мысли, из конструкций последних ступеней ракет.

Но все это было до полета первого спутника. Теперь 70-е годы. Более 2000 космических объектов запущено на орбиты и межпланетные траектории, успешно функционируют разнообразные космические системы научного и прикладного назначения, десятки людей побывали в космосе, месяцами трудились на борту орбитальных станций, сложнейшие автоматы приносят нам ценную информацию с планет Солнечной системы. Космическая техника набирает силу. Казалось бы, и проект О'Нейла выглядит вполне логичным и своевременным. Но действительно ли это так?

Я не напрасно перечислил основные достижения современной космонавтики. Перечень этот — сама реальность — демонстрирует не только величие пройденного пути, но также истинные размеры дистанции до осуществления предельных замыслов Циолковского. Только на поверхностный взгляд космонавтика развивается гладко, без трудноразрешимых и неразрешимых проблем. Многое, даже, может быть, очень многое, оказалось в ней не так просто. Скажем, не так уж близок (если вообще возможен) полет в невесомости в течение года.

Разумеется, в наше время не надо уже обладать незаурядной фантазией, чтобы представить себе плавающие где-то вблизи Луны гигантские вращающиеся сферы и цилиндры с постройками, парками и людьми на внутренней поверхности оболочек. Представить себе все это возможно. И рассчитать тоже. Но что принципиально нового предлагает нам О'Нейл, чтобы его проект можно было отнести к очередному «витку» идеи космических поселений? Разумеется, речь идет не о конструктивной схеме колонии «Бернал-Альфа», а о том новом, что должно отличать любой современный перспективный проект с точки зрения обоснования потребностей и возможностей его осуществления.

Поговорим сначала о возможностях.

В качестве базы для строительства колоний он предлагает использовать «богатую рудами» Луну. Допустим, что Луна действительно ими богата. Допустим и то, что транспортировка «почти всех материалов» с Луны в район «Л-5» будет дешевле, чем с Земли (хотя просто невозможно допустить, что — в 100 раз). Но ведь необходимо еще одно условие — чтобы на Луне все эти материалы были готовы к транспортировке, а для последней имелись средства. Таким образом, задолго до начала постройки первой колонии придется создать на Луне несколько крупных горнодобывающих, металлургических, химических и машиностроительных предприятий, не забыв о мощных электростанциях. Так что все сведется в конце концов просто... к заселению Луны.

А каким образом О'Нейл предполагает доставить в район Луны тысячи людей? Сейчас, как известно, самые совершенные ракеты выводят на траекторию полета к Луне не более 1,5 процента своего начального веса. И никакой революции в ближайшие 15—20 лет здесь не ожидается (применение «челноков», на которые рассчитывает автор, только ухудшило бы это соотношение, хотя и дало бы заметное экономическое преимущество).

Хотя автор и полагает, что «уровень развития техники для выполнения этих задач уже достигнут», многое в его проекте вызывает вопросы и сомнения: организация снабжения колонии, проблема удаления отходов, такие чисто технические проблемы, как выбор материала конструкции оболочки, ориентация и стабилизация, герметичность, терморегулирование, защита от радиации и метеоритов, транспортные связи и многое другое. Сегодняшний перспективный проект не имеет права не отвечать на все эти вопросы. Кстати, едва ли замкнутый экологический цикл может быть реализован сразу, на это могут уйти годы. Да и трудно представить себе полную независимость колонии от производства и культуры Земли — ведь по земным масштабам это всего-навсего маленький поселок.

Но, разумеется, возможность осуществления того или иного проекта — это еще далеко не все. Многих из нас смущает известная формула Артура Кларка: «Все, что теоретически возможно, обязательно будет осуществлено на практике, как бы ни были велики технические трудности». Но действительно ли эта формула — аксиома? Времена переменились. Чтобы возник первый самолет, к теоретической возможности необходимо было добавить талант и энтузиазм (может быть, еще и удачу) всего лишь двух человек — братьев Райт. Сегодня создать сверхзвуковой пассажирский самолет «ТУ-144» или «Конкорд», не говоря уже о крупной космической системе, нельзя без централизованного вложения огромных средств и кооперации многих, разнообразных по своему профилю коллективов людей. Иначе говоря, в наша время создание крупного технического средства невозможно без осознания достаточно развитым государством своей потребности в нем. Что касается сооружения космических колоний, оно может быть продиктовано лишь общественной целесообразностью в международном масштабе.

Короче говоря, формулу Кларка следовало бы существенно видоизменить: «Все, что теоретически возможно, может быть осуществлено не практика, если это будет продиктовано потребностями общества».

Чем же обосновывает О'Нейл необходимость и целесообразность создания космических колоний в ближайшие 15—20 лет? Полученным и передачей на Землю большого количества дешевой энергии? Однако трудно себе представить, что в ближайшие десятилетия на Земле возникнет острый дефицит энергии, который оправдал бы создание колоний в космосе. Да и стоит ли связывать с орбитальными энергоисточниками многотысячные поселения? Нынешние земные электростанции обслуживает, как правило, небольшой персонал — кругом автоматизация.

Может быть, создавать космические поселения в ближайшем будущем нас вынудит необходимость резко снизить населенность нашей планеты? Не говоря уже о прогнозах роста населения Земли (ученые сходятся на том, что оно стабилизируется на сравнительно невысоком уровне), следует заметить, что в колонии О'Нейла оживается необычайно высокая плотность населения. У сферы «Бернал-Альфа» диаметром 500 метров заселенная полоса вдоль экватора будет иметь площадь всего лишь около 0,6 квадратных километра. И это на 10 тысяч человек! О каком рассредоточении людей можно при этом говорить, если плотность будет больше, чем в крупнейших городах мира?

Обо всех мыслимых экономических причинах, которые могли бы побудить человечество предпринять в ближайшем будущем «массовую эмиграцию» с Земли в космос, шел недавно разговор за «круглым столом» в редакции «Литературной газеты». Его стенограмма будет опубликована, поэтому скажу только, что принявшие участие в беседе крупнейшие советские ученые различных специальностей не смогли найти каких-либо веских оснований, которые натолкнули бы землян на мысль о «космическом исходе» в обозримом будущем.

Но, быть может, О'Нейл мечтает, хотя и не говорит об этом открыто, разрешить с помощью космических колоний все те сложные, кризисные проблемы социального порядка, с которыми не в состоянии справиться здесь, на Земле, капиталистическое общество? В таком случае какой же наивностью веет от его космических надежд! Они сродни наивности людей, которые неспособны навести порядок у себя дома, но мечтают сделать это в новой квартире. Если «лучшие присущие ему качества» общество, к которому принадлежит О'Нейл, не в состоянии проявить на Земле — не может избавиться от засилья монополий, безработицы, роста цен, моральных проблем, — то кто же поверит, что все эти болячки капитализма отскочат от него на космических орбитах?

Жизнь в космосе, несмотря на весь восторг придуманных О'Нейлом тамошних поселенцев, едва ли будет простой и безоблачной. При сохранении в колонии земных капиталистических порядков там, несомненно, очень быстро возникнут все те же проблемы, которыми капитализм болеет здесь. Досаждающие ему на Земле «энергетический кризис» и проблема загрязнения среды станут достоянием космоса, если там будет процветать основной источник, их порождающий,— частная собственность и несовершенное управление обществом. И тогда наследникам первых космиян действительно придется искать спасение на астероидах, а затем, и дальше.

Если уж наши потомки решат заселять космос, то, нет сомнений, они утвердят там общество свободное и равноправное, общество для всех, общество коммунистическое. Потому что только оно соответствует духу и смыслу широкого освоения человечеством Вселенной.

...На первый взгляд, данную публикацию не следовало бы принимать слишком всерьез — по своему характеру она совсем не научная, да и жанр, выбранный автором, вроде бы не влечет за собой никакой ответственности. Однако автор — представитель научного мира, крупный физик (космонавтика для него, судя по всему, нечто вроде хобби), и, кроме того, известно несколько других, более фундаментальных его статей на ту же тему, опубликованных в серьезных журналах. В этих статьях О'Нейл рисует широкую картину будущего поселения человечества в гигантские космические колонии — на Земле останется менее 1,5 миллиарда человек, а в космосе расселятся десятки миллиардов. Даются также расчеты и проекты нескольких, в том числе значительно больших по размерам, космических поселений. Таким образом, за вполне легким жанром скрывается не только определенная исследовательская работа, но и целая философия, а заодно и претензия на актуальность разрабатываемой проблемы.

Проект О'Нейла можно, конечно, рассматривать и с более скромных позиций — как попытку поискового долгосрочного прогноза, проектного моделирования перспективного этапа освоения космического пространства. На таком моделировании оттачивается научная и инженерная мысль, совершенствуются расчетные методы. Однако долгосрочное прогнозирование на двадцать — тридцать лет (кстати, срок в 7—10 лет для начала создания космических колоний — особенно уязвимое место в проекте О'Нейла) предполагает не только грамотное решение технико-экономических проблем, но и проблем социальных. А здесь, как мы видим, позиция профессора О'Нейла неубедительна. Пожалуй, очередной виток спирали не получился.

РЕПОРТАЖ С ОТСТУПЛЕНИЯМИ

МИТИНГ НА ПОЛЕ ДЛЯ ИГРЫ В ГОЛЬФ

Михаил ОЗЕРОВ

Они шли по улицам Лондона. Многие в черных рубашках, те, что впереди, отбивали дробь на барабанах. Над их головами развевались транспаранты: «Выбросить цветных!»

У поля для игры в гольф они остановились. Сгрудились вокруг автомобиля, на крышу которого забрались трое. И начался митинг...

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ

Подходя к полю, я увидел двух верзил: руки в карманах, один что-то насвистывает. С подозрением оглядели, но ничего не сказали. Потом таких же типов встречал через каждые 20—30 метров.

Только совсем близко от места сборища услышал:

— Ваш членский билет?

Передо мной стоял высокий блондин; хорошо сшитый костюм не скрывал военной выправки.

Пришлось признаться, что билета у меня нет.

Уловив акцент, блондин принялся буравить меня глазами. Но на «цветного» я явно не был похож.

— Немец, что ли? Хотите позаимствовать у нас опыт?

Я пробормотал что-то нечленораздельное. И был пропущен на лужайку. Вокруг размахивали портретами Гитлера, плакатами с изображением свастики. Нели, правда, весьма нестройно; «Если белый — хорошо, если черный — плохо». Но вот в микрофоне зазвучал мужской голос, и шум стих.

Начался митинг «национального фронта». Об этой крупнейшей расистской организации Великобритании мне было уже немало известно. В листовках и периодических изданиях, на демонстрациях члены фронта без устали повторяют: во всех бедах Англии виноваты «цветные» (те самые полтора миллиона человек, которые в поисках лучшей доли приехали сюда из бывших британских колоний в Азии и Африке), поэтому их надо насильно репатриировать.

По мнению агентства Рейтер, «национальный фронт» — наиболее быстро развивающаяся политическая группировка страны. Она образовалась 10 лет назад в результате объединения мелких ультраправых организаций. Теперь в ней уже около 15 тысяч членов, и пополнение идет быстрыми темпами: только в июне этого года ряды фронта увеличились сразу на 1600 человек, 150 отделений на местах, 8 миллионов распространяемых ежегодно листовок...

«Через 31 год после того, как был разгромлен фашизм, новый фашизм поднимает голову в Британии, ибо «национальный фронт» — именно фашистская партия» — к такому выводу пришел корреспондент «Дейли миррор» Элестер Маккуин.

Журналист на себе узнал, как набирает и готовит кадры «национальный фронт». Рекрутирует практически без разбора. Маккуин заполнил анкету новобранца, которая публикуется на последней странице газеты «Новости национального фронта», отправил ее по указанному адресу и через неделю получил ответ: «Можете участвовать в нашей манифестации».

Маккуин участвовал в манифестации. После нее он держал уже не только портреты Гитлера, но и автомат — новобранцу втолковывали: «Мы не возражали бы захватить власть конституционным путем, однако, если это не получится, используем другие средства». Свой репортаж журналист озаглавил: «Я вижу машину ненависти за работой».

Фронт действительно старается всеми силами разжечь расовую ненависть. Это его штурмовики малюют на стенах поездов в лондонском метро: «Ниггеры не должен сидеть, если стоит белый». Это они же нанесли смертельный удар ножом 18-летнему Гурчану Чаггару — выходцу из Танзании, когда тот вышел из кинотеатра. И совершили только за последние полгода еще около тысячи вооруженных нападений на «цветных».

Особенно «разгулялись» расисты в Блэкберне — там иммигрантов больше, чем в других местах. Ныне этот город, расположенный в центральной части страны, именуют не иначе, как «английской Алабамой».

ОБ ОРАТОРАХ

...Итак, митинг начался. Первый выступающий — Мартин Уэбстер. Круглая, гладкая физиономия, сам полный, рыхловатый. С виду — воплощение добродушия. Но то, что он выкрикивает под аплодисменты и одобрительные возгласы, звучит отвратительно: «Мы боремся за чистоту британской расы».

Это Уэбстер произнес широко известные в Британии слова: «Англии нужна хорошо смазанная машина нацизма. И мы будем ее создавать».

Под стать Уэбстеру другой лидер фронта — Джон Тиндолл. В свое время оба были активистами нацистского движения в Англии. Детище Тиндолла — журнал «Спирхед», орган «национального фронта». Весьма показательная для журнала статья напечатана в августовском номере. Заголовок: «Обман двадцатого столетия». Что же это за обман? Так названы... документы о гитлеровских лагерях смерти. В статье утверждается, будто «послевоенный мир оказался жертвой пропагандистских выдумок о газовых камерах и крематориях Освенцима».

Тиндолл и Уэбстер стараются проявить себя и в «международном масштабе». Они постоянно внушают англичанам, будто главный враг цивилизации — коммунизм. «Лишь некоторые подлинно националистические правительства, подобно правительствам Чили и Южной Африки, действительно ведут борьбу с коммунизмом... Мы поддерживаем белое население Южной Африки против тех, кто стремится отстранить его от власти», — пишет Тиндолл в «Спирхеде».

Расширяется сотрудничество «фюреров» и с вооруженными экстремистами в Ольстере.

За попытку организовать полувоенные фашистские формирования Тиндолл несколько лет назад угодил за решетку. Но что его знакомство с тюремной камерой по сравнению с опытом Роберта Рельфа — новой «звезды» фронта!

Рельф раз десять попадал в тюрьму. Он постоянно совершал безобразные расистские выходки то учинял погром в магазине, принадлежащем индусу, то отправлял пожилому негру-инвалиду гнусные письма с угрозами, обильно снабжая их рисунками свастики и призывами «Возвращайся, Гитлер!..». В перерывах между отсидками снова и снова пытался вступить в отряды наемников главаря родезийского режима Яна Смита, но из-за слабости здоровья получал от ворот поворот.

В мае нынешнего года он опять отправился в тюрьму — за то, что не подчинился решению суда. (Судья потребовал убрать оскорбительную для цветных граждан надпись, которую Рельф выставил у ворот своего дома: «Продается только английской семье».) Заключенный объявил голодовку. Вдруг он повредит свое драгоценное здоровье? И Рельфа поспешили выпустить. Британская Фемида, проявив благосклонность к расисту, продемонстрировала миру еще один образчик буржуазной демократии, а Тиндоллу и ему подобным дала уверенность в безнаказанности их действий.

Сподвижники встретили Рельфа на «ура». Его величают теперь не иначе, как «триумфант». «Я чрезвычайно горд, что этот человек с нами», — заявил Тиндолл.

Чествуют недавнего уголовника и молодчики из других расистских группировок Англии. Из национал-демократической партии. Из антисемитского «британского движения». Из рядов правых консерваторов. Что касается последних, то они — среди запевал в хоре шовинистов-мракобесов в профессорской мантии Энок Пауэлл повсюду трубит о неизбежных в скором времени вооруженных столкновениях в Англии на расовой почве. Другой член парламента Рональд Белл скорбит, что англичан де «вытесняют» из их собственной страны, и потому надо «ставить барьеры перед цветными».

Всех этих «боевых товарищей» роднит ненависть не только к другим народам, но и к демократии, прогрессу, социализму. Все они представляют собой ударные отряды реакции, все без исключения ополчаются на политику мирного сосуществования, отвергают разрядку.

Почему же, как грибы после дождя, выползают сейчас в Англии расисты?

МИТИНГ В РАЗГАРЕ

...Ораторы на зеленом поле сменяли друг друга. И истерично бросали в микрофон одни и те же слова. Так продолжалось уже почти час.

Я повернулся к мужчине — лысеющему, с оттопыренными ушами, — который стоял рядом. Он оказался весьма разговорчивым.

— Страна тяжело больна, — затараторил он. — Цены скачут. Рабочие бастуют. Повсюду коррупция. Спасение в таких людях, как мы: твердой воли, энергичных, решительных. Наше время скоро придет.

— Скоро?

— Конечно. Ведь, — он понизил голос до шепота, — нам помогают многие. И даже власти.

— Но представители властей не раз говорили, что они осуждают расизм и расистские организации.

Вместо ответа собеседник ухмыльнулся.

Да, расизм как таковой правящие круги Британии вслух осуждают. Принимая недавно у себя в резиденции на Даунинг-стрит депутацию азиатских иммигрантов, премьер-министр заверял их, что он обеспокоен ростом шовинизма в Англии. Однако в то же время министр внутренних дел Рой Дженкинс неоднократно заявлял, что англичане «имеют право голосовать за кого угодно», даже за «национальный фронт», отказывался запретить эту партию.

Власти снисходительно наблюдают за тем, как правым помогают набирать силу. Буржуазная пропаганда, надевая маску противника расистов, на самом деле прославляет их «подвиги». Так, на последних муниципальных выборах в городе Тарроке кандидаты фронта получили вдвое больше голосов, чем прежде. Почему? Уэбстер, отвечая на этот вопрос, прямо указал на пространную и весьма сочувственную статью в «Дейли миррор» о фронте, которая появилась за несколько дней до выборов. А тираж газеты — почти 5 миллионов экземпляров!

«Фюрер» откровенно ответил журналистам и на другой вопрос: откуда фронт возьмет круглень кую сумму в 150 тысяч фунтов стерлингов (столько, по приблизительным подсчетам, будет стоить партии ее участие в следующей избирательной кампании)? На парламентских выборах 1970 года фронт выставил 10 кандидатов, в октябре 1974 года — уже 90, а на очередных всеобщих выборах намеревается оспаривать свыше 300 мест в Вестминстере. «Мы получим деньги из Сити», — уверенно изрек Уэбстер.

Да, джентльмены из Сити отнюдь не брезгуют вести дело с головорезами. Не случайно председатель Британского комитета за европейскую безопасность Гордон Шаффер предупредил, что нынешняя ситуация в Англии напоминает людям старшего поколения «положение в Веймарской республике перед захватом власти нацистами». А как утверждают сами ультра, они готовятся к «решающей схватке, подобной той, что произошла в Германии в 1933 году».

Не забывают о британских чернорубашечниках и расистские режимы юга Африки. Печать сообщает, что Тиндолл вскоре совершит поездку в Родезию и ЮАР. Основная цель его миссии — получение финансовой помощи.

Как известно, в условиях обострения экономического кризиса усиливается опасность фашизма и расизма. Этот процесс стараются ускорить искусственным путем.

Снова поднимают на щит Мосли — родоначальника британского фашизма. Издают и переиздают его мемуары. Выпускают солидные монографии о нем: профессор А. Джеймс Грегори уверяет, будто Мосли был великим и непонятым философом, автор другого «научного труда», Скидальский, поет гимн его «аристократизму». Недавно 80-летний «отец» английских расистов появился на экранах телевизоров. Жители Лондона получили удовольствие почти час слушать его шамканье. Лишь последняя фраза прозвучала вполне разборчиво: «Меня еще позовут!»

Уже зовут. И не только Освальда Мосли. Косяками идут фильмы и спектакли, «поднимающие» Гитлера и Муссолини. В книжных магазинах — новое издание «Майн кампф»...

Чем сильнее растут инфляция и безработица, чем крепче становится мощь и единство рабочего движения, тем старательнее обхаживает истеблишмент расистов, рассматривая расизм как важное средство борьбы за сохранение своего господства. И лицемерно прикрываясь разговорами о патриотизме, о необходимости защиты страны в трудные для нее времена, старается разжечь национальную вражду, чтобы подорвать сплоченность трудящихся, отвлечь их внимание от подлинных проблем страны.

ЕЩЕ ОДНО ОТСТУПЛЕНИЕ

То же самое происходит и в ряде других капиталистических стран. Но признаваться в искусственном разжигании национализма правящие круги, естественно, не желают. Они «конспирируются», выдают себя за борцов против дискриминации. И ставят все с ног на голову. Советские республики якобы «безжалостно эксплуатируются Москвой». «Голоса» низвергают потоки клеветы на национальную политику нашей страны, других социалистических государств. Но не удосуживаются обмолвиться даже словом о вопиющих преступлениях расистов у себя дома. Вот только некоторые факты последнего времени.

14 августа в нью-йоркском парке «Вашингтон сквер» банда белых, вооруженных ружьями, пистолетами и дубинками, тяжело ранила 13 человек. На следующий день оттуда доставили в больницу изувеченного студента Рассела Мисико. 16 августа четверо юношей чудом спаслись от озверевших громил. Все пострадавшие — негры!..

В США, как сообщается, ставят над людьми с темным цветом кожи варварские опыты, идентичные тем, которые проводили нацистские врачи...

В Канаде от участия во всеобщих выборах отстранено примерно 230 тысяч индейцев и 13 тысяч эскимосов...

Французская «Монд дипломатик» подчеркивает, что проблема расизма стала чрезвычайно актуальной не только для США, но и для Западной Европы. «Так, в ФРГ, — пишет газета, — насчитывается четыре миллиона иностранных рабочих, и там проявления вражды и ненависти можно видеть каждый день...»

Во Франции все активнее орудуют, по выражению «Нувель обсерватор», «гангстеры нового типа» — те, кто с оружием в руках преследует выходцев из Алжира...

В Парагвае зверски истребляют коренных жителей — индейцев. Их изгоняют из лесов, продают в рабство, пытают...

В Новой Зеландии прошла волна демонстраций в знак протеста против угнетения иммигрантов-полинезийцев...

Нет числа преступлениям режимов юга Африки, где, как известно, существуют крайние формы расизма — апартеид и геноцид! Только в июне в ЮАР от карательных операций, в тюрьмах и полицейских участках погибло свыше двух тысяч африканцев.

Пытаясь остановить волну народного гнева, правители ЮАР и Родезии устраивают различные спектакли, на которые западная mass media дает хвалебные рецензии. Последняя «премьера» состоялась 26 октября. Местом действия был избран бантустан Транскей. Сюжет: эту зону резервации черного населения ЮАР объявляли «независимым» государством. Но как поверишь режиссерам из Претории, если, к примеру, Умтата — главный город первого из десяти бантустанов ЮАР — напоминает скорее военный лагерь, чем столицу свободной страны! На улицах патрулируют усиленные наряды полиции, повально арестовывают всех противников апартеида.

В общем, вместо красочного спектакля получился жалкий фарс. И пропагандистские фанфары тут — как и всякий раз, когда они звучат в честь расистов, — не помогли...

Но вернемся на Британские острова. Вот что говорит президент Ассоциации индийских рабочих в Англии А. С. Рай: «Мы подвергаемся здесь откровенной дискриминации. У нас нет шансов приобрести какую-либо квалификацию. Нам предлагают самую черную работу».

О подобных заявлениях в буржуазной прессе — тоже ни слова. Зато стоит, скажем, американскому профессору А. Пенсену выдвинуть теорию о «генетическом превосходстве» белой расы над черной, как ее сразу же начинают усиленно рекламировать. Стоит западногерманской «Вельт» напечатать махровую расистскую статью «А негры все-таки глупее», и «объективные» пропагандисты немедленно принимаются обильно цитировать эту статью.

КОГДА ПОЛЕ ОПУСТЕЛО

...Митинг закончился. Последний оратор перестал сотрясать воздух. Чернорубашечники выстроились в колонну. А слева и справа их плотной стеной обступили полицейские. Чтобы арестовать? Наоборот: охранять! Так они и зашагали в центре фашисты, а по бокам дюжие бобби в шлемах.

На улице колонну ждали юноши и девушки. Молодежь скандировала: «Нет — расизму!», «Наша сила в единстве!». И еще: «Позор убийцам Гейтли!»

Не впервые я слышал это имя. Прошло два с половиной года, но жители Англии по-прежнему помнят Кевина Гейтли. И чтут его память.

В то июньское утро семьдесят четвертого года демонстранты двигались к Ред лайон-сквер с разных сторон. Колонна из 500 членов «национального фронта» под охраной полиции благополучно добралась до площади от здания парламента. А студентов, которые, организовав контршествие, шли с севера столицы, встретили около Ред лайон-сквер «блюстители порядка». Юношам и девушкам стали заламывать руки, по их головам начали гулять дубинки. Удар, обрушившийся на 20-летнего К. Гейтли, оказался роковым: юноша умер, не приходя в сознание.

Расисты с удовольствием наблюдали за расправой. Их же никто и пальцем не тронул!

Англичане потребовали расследования обстоятельств гибели К. Гейтли, наказания виновных. Была создана специальная правительственная комиссия. Однако ее работа, продолжавшаяся почти два года, никаких результатов не принесла.

И общественность сама принимает меры. Глубокая озабоченность в связи с разгулом воинствующего шовинизма в Англии выражается в резолюции ежегодной конференции лейбористской партии, которая проходила в конце сентября в Блэкпуле. На Британских островах создан антирасистский комитет действий. Десятки профсоюзов провели в этом году манифестации с требованием запретить «национальный фронт».

* * *

Остаюсь один на опустевшем поле для игры в гольф. Повсюду мусор: листовки, обрывки газет и плакатов, окурки. Трава смятая, поникшая. А еще два часа назад это была предельно ухоженная лужайка: зеленая и чистая...

Лондон—Москва

Буржуазная демократия, для которой характерно социальное и национальное неравенство, создает предпосылки для расистских и фашистских настроений. И более того: правящие круги капиталистических государств перед лицом острейшего экономического кризиса все активнее пытаются разжечь национальную вражду, надеясь тем самым ослабить единство трудящихся в борьбе за свои права.

Мари-Жизель ААНД

СВАСТИКА В КАЛИФОРНИИ

Дверь распахнулась передо мной с громким стуком, и сумасшедшими глазами на меня уставился Гитлер. Его портрет на стене — это как удар хлыстом... Атлетического сложения молодчики в форме расхаживают в проходе между рядами. Лезут в глаза нацистское знамя и знамя СС, а рядом звездно-полосатый американский флаг. На возвышении — каска и винтовка... И свастики, свастики, словно все вокруг так и кишит пауками.

Сан-Франциско, 17 часов пополудни. В Гардинг-парке в воздухе разлита тишина субботнего летнего вечера. На берегу озера, метрах в ста от павильончика с вывеской «Ресторан — коктейли», рыболовы мирно сидят с удочками. А здесь, в зале, все напоминает о коричневой чуме... Гости — это члены «белой национал-социалистской партии» Калифорнии, приглашенные «провести вечер за кружкой баварского пива». Черно-белый пригласительный билет открывается гитлеровской цитатой: «Восторжествуют только сильнейшие». И дальше призыв: «Воскресите свастику!» Меню на немецком языке, а в конце скромно добавлено: за участие в вечере — три доллара. И подпись: Аллен Винсент (так зовут их главаря).

В зале прохладно. В глубине, за занавесом, дверь, охраняемая дюжим молодчиком. У него нарукавная повязка и дубинка. Руки он держит по швам. Вдоль правой стены — стойка бара.

Из электрофона несутся звуки нацистского гимна «Хорст Вессель». Рядом со мной млеет от удовольствия усатый тип. У этого на шее цепочка с железным нацистским орлом, а глаза — точно два кусочка голубого льда. «Не желаете ознакомиться с нашими пропагандистскими материалами?» — набивается он ко мне с вопросом.

Подхожу к столу. Брошюры громоздятся горой. Почти на каждой — автограф Аллена Винсента. Беру наугад первую попавшуюся, в ней излагается цель «белой национал-социалистской партии»: «Создать белую Америку. Избавиться от черных».

А вот плакат с фотографией негра и подписью: «Он наверняка не наш...» А вот серия рисунков типа «комиксов» с призывом: «Бойкотируйте еврейские магазины. Покупайте только в арийских магазинах».

Кто-то протягивает мне охапку повязок со свастикой. «Берите, берите — у нас это бесплатно!» Оказывается, тот же тип с усами. Жестом он указывает на два новеньких нацистских знамени, установленных на фоне большого американского флага: «Посмотрите, что нам прислали из ФРГ. Там их сейчас продают в любом магазине». Он заговорщически подмигивает мне и куда-то исчезает.

За моей спиной у дверей строгий голос предупреждает: «Никаких фотоаппаратов!» Незаметно оглядываюсь. Рослая особа неопределенного возраста. Волосы под платину. Могучий бюст. Черная юбка. На шее черный же галстук, перехваченный значком-свастикой. За стойкой бара появляются еще три женщины, одетые точно так же. Зал понемногу заполняется. Рукопожатия, разговоры вполголоса.

Усатый тип просит занимать места. Я протискиваюсь между рядами, а навстречу мне пробирается молодой парень в майке с надписью: «Евреев нужно поджаривать в печке». Я останавливаюсь как вкопанная. «Моя майка шокирует вас? — спрашивает он, встречаясь со мной взглядом. — А в ее специально заказал! Я встретил однажды приятеля, который уже два года состоит в «Волной партии», — он и привел меня сюда. По крайней мере, теперь у нас есть цель».

Наконец собрание открывается. Первым берет слово усач. Стоя под знаменем, он говорит, что «Майн кампф» стала его настольной книгой. Указывая на железного орла, болтающегося у него на шее, он рассказывает о том, что две джентльмена на ФВР посетили его прямо на работе. «Мы расстались, как лучшие друзья». Аплодисменты.

Второй оратор. Небольшого роста. Темноволосый. Мордастый. Этот говорит: «Нужно, чтобы каждый американский университет основывался на истинно арийских ценностях». Снова взрыв аплодисментов.

Тем временем рослая особа с платиновыми волосами пускает по рядам каску. Напоминание вслух: «Белая национал-социалистская партия» в районе Золотой бухты финансируется не только штаб-квартирой, находящейся в Арлингтоне. Нужны взносы и добровольные пожертвования». В каску обильно сыплются 10-долларовые бумажки. Я пытаюсь как-то осмыслить то, что вижу. — свастика, винтовка, майка с надписью... Я вспоминаю спокойных американцев, которые как ни в чем не бывало удят рыбу там, у озера...

Третий оратор. Крупный. Грузный. С залысиной. Говорит быстро. Голос глуховатый. «Высоко поднимем свастику. За белую победу!» — вопит оратор. «За белую победу!» — исступленно отвечает ему зал. Внезапно гаснет свет. Все встают. Из медной горловинки под портретом Гитлера факелом вырывается пламя. В темноте по стенам пляшут тени, руки тянутся в фашистском приветствии: «Хайль Гитлер!».

Ко мне опять подсаживается усатый тип, объясняет: «Сейчас мы ведем переговоры об аренде большого городского кинозала. Побольше рекламы — вот что нам нужно прежде всего!» Рядом на свободный стул опускается седой мужчина: «Я из Канзаса. Как-то приехал в Беркли и присоединился к демонстрации, устроенной «белой партией». Правда на нашей стороне. Страну надо как следует почистить... А еще нужно привлекать побольше молодежи. Но в Америке слишком много развлечений: бейсбол, кино... Все это отвлекает от серьезных дел. Однако мы не теряем надежд. Аллен Винсент — феноменальный человек. Поначалу он привлекал людей тем, что в полном одиночестве ходил по улицам Сан-Франциско с гитлеровским знаменем в руках. Да, наш Аллен — настоящий вождь».

43-летний Аллен Винсент сам себя называет «профессиональным расистом». Кто он? Уже в 13-летнем возрасте за кражу его посадили в исправительное заведение. Потом выпустили. В последующие годы он пристрастился к наркотикам. Снова кража. Снова тюрьма. На сей раз срок десять лет. В камере кто-то подсунул ему брошюрку, изданную американскими фашистами. Как только он освободился, тогдашний их фюрер, Джордж Роквелл, поставил его во главе «белой национал-социалистской партии» в районе Золотой бухты. С тех пор Винсент не жалеет сил, чтобы оправдать доверие.

В 1971 году он подал жалобу в городской суд Сан-Франциско на власти евреев вообще.

Маньяк — да и только.

В 1974 году он предлагает мэру города Сан-Франциско свою «армию белой победы» — «двести отлично подготовленных бойцов, желающих помогать полиции и обеспечивать безопасность граждан, защищая их от черных».

В 1976 году во главе своих «бойцов» он устраивает кровавую провокацию в порту Сан-Франциско, в доках компании «Фишермэнз уорф»...

Я спрашиваю, можно ли повидать Аллена Винсента. «Да вы его видели!» — восклицает усатый тип. Третий оратор, оказывается, и был Аллен Винсент. Тот крупный, грузный, с залысиной.

Мне он чуть позднее своей глуховатой скороговоркой сказал следующее: «Сколько нас? Я не люблю называть цифры. Во всяком случае достаточно, чтобы сделать то, что мы хотим. Наша цель? Спасти белую расу. В настоящий момент самое главное — это заявлять о себе, о том, что мы существуем. Все остальное — вопрос времени. Надо выждать, покуда расизм завоюет еще более прочные позиции. А это как раз и происходит. По очень простой причине. Жизнь в городах Америки стала невыносимой. Люди переселяются в предместья. Расовые конфликты обостряются с каждым днем. И когда все это взорвется, тогда ничто не сможет нас остановить. Людям придется голосовать за нас. И они будут счастливы видеть флаг со свастикой».

Он поднял на меня глаза. Взгляд блуждающий, мутный. И закончил торопливо: «Сан-Франциско — самый прогнивший из всех городов Америки. Но нам это и нужно. Тут всегда найдутся люди, которые мечтают, чтобы все переменилось. Вот этих-то людей мы и привлечем к себе. Тех, кому все противно».

Когда вечер кончился, загрохотали отодвигаемые стулья. Аллен Винсент уже сменил свою форму «калифорнийского Гитлера» на обыкновенные брюки и черную кожаную куртку. Остальные еще в мундирах. Тот, который только что стоял у знамени, подходит ко мне и доверительно шепчет: «Если вас интересует оружие, я могу дать адресок». На листке бумаги он рисует, как мне туда добраться...

Зал почти опустел. Плывет холодный сигаретный дым. На полу валяются бутылки из-под пива. Двое мужчин свертывают знамена со свастикой — до следующего раза. Сейчас и я уйду отсюда. Не прощенье усатый тип говорит мне с улыбкой: «А знаете, здесь, в Америке, наша «белая партия» будет шагать широким шагом. Ведь у нас — страна свободы!»

...У меня в руках бумажка с адресом. Да, все точно. Любой житель района Золотой бухты может купить оружие в этом магазине, находящемся на главной улице маленького городка в 25 километрах от Сан-Франциско. Это настоящий супермаркет оружия: винтовки любого калибра, карабины на любой вкус, пистолеты, пулеметы всех видов и систем — и все это сотнями, а может, и тысячами. Заходят мужчины, делают покупки и тихо исчезают. В витрине около кассы выставлены брошки со свастикой, значки со свастикой, цепочки со свастикой. Есть огромные свастики, есть крохотные. А вот и железные орлы — на цепочках. И все это новехонькое. На стеллажах матово поблескивают каски. Осведомляюсь о цене. Продавщица с готовностью протягивает мне каску: «Триста двадцать пять долларов, но она очень прочная...» И, на моргая, продавщица смотрит на меня своими голубыми холодными глазами.

Французский журнал «Нувель обсерватер»

И фотография (демонстрация неонацистов в английском городе Блэкберне), и рисунок, которые мы сегодня публикуем, свидетельствуют: расисты и фашисты беспрепятственно действуют на «свободном» Западе.

Василий АКСЕНОВ

ОСЕННЕЕ КИНО ПАРИЖА

РЕПОРТАЖ ИЗ МАССОВКИ

СТОЛИК в кафе «Ротонда», что на углу бульваров Монпарнас и Распай, совсем неплохое место для размышлений о современном кино: мимо течет непрерывная человеческая лента. Одна лишь зиждется неподвижная фигура — зазеленевший роденовский Бальзак, будто бы измученный бесконечным письмом, чудесным даром и величием.

«Жизнь моя кинематограф...» — вспоминаются строчки поэта. Вполне естественно, почти логично выплывает на экран следующий эпизод: осень, летящие листья, летящие шарфы, рты, носы, московский прозаик, сидящий в парижском кафе и размышляющий о современном кино.

Нынче западные фильмы чрезвычайно продолжительны. Берешь билет, значит, заряжаешься часа на три-четыре. Недаром вход в туалетные комнаты непосредственно из зрительного зала. Течет по экрану продолжительная высококачественная проекция, то ли имитирул течение жизни, то ли страдая сценарными слабостями. Мосфильмовский утонченный профессионал часто может быть шокирован, следя чередование бесконечных необязательных эпизодов на парижском экране. Где завязка, черт возьми, где кульминация, елки-палки, куда пропала развязка? Впрочем, если соотносить экран с жизнью и кинодраматургию с драматургией жизни, увы, не нами запрограммированной, не поддающейся никаким профессиональным схемам, то любую необязательность можно оправдать.

О'кей, оправдываю любую необязательность и мерилом качества беру одно лишь милос мне свойство — артистизм, как в жизни, так и на экране. В самом деле, ведь и необязательность может быть разного рода: то ли язычком пламени, артистическим аккордом, то ли комком жеванопережеванной требухи, назойливым идиотизмом.

В случайностях и необязательностях тоже можно проследить странную закономерность. Вот, например, сказано было о язычке пламени только лишь метафоры ради, ан тут же на тротуаре перед «Ротондой» появился пожиратель огня. Я смотрю на уличного артиста. Подержанное грехами сорокалетнее лицо и тощая юношеская фигурка, затянутая в черное трико. Плутовской рот изрыгает пулеметные очереди острот, заглатывает языки пламени.

Вот она, парижская необязательность, язычок огня, традиции, уходящая к временам Вийона.

Пример драматургии иного рода. Третьего дня явился ко мне в гостиницу журналист из солиднейшего Агентства Печати, милейший молодой господин, и попросил интервью по литературным вопросам. Разговор шел, как говорится, о высоких материях, об истоках нашего литературного поколения, о грустных паузах и периодах взлета (что там говорить, порядочная уже накопилась у нашего поколения история), о литературной инерции и новаторстве.

Передо мной был собеседник интеллигентный и знающий, и мы пробеседовали целый час, хотя и под магнитофон, но вполне почеловечески.

Журналист обещал показать окончательный текст своей статьи, но не сделал этого. В Африку, может быть, неожиданно улетел или в Австралию? Но тут на моей личной ленте появилась вдруг малоартистическая необязательность, выпадающая из драматургии требуха: позвонили французские друзья и предупредили, что текст интервью беспардонейшим образом обработан беспардоннейшей радиостанцией, снабжен дежурными антисоветскими пропагандистскими штампами и в таком виде запущен в эфир от моего имени.

Быть может, кто-то скажет: ну что ж, вот вам и ускорение ритма, подскок драмограммы, сюжетный рывок... В этом случае я возражу: эпизод не ввинчивался в сюжет, а вываливался, как газетный кулек с отбросами. Конечно, я разозлился, что какой-то анонимный неартист и даже непрофессионал пытается навязать мне свой бездарный поворот сюжета, конечно, тут же, пылая, опроверг белиберду в том же самом солидном Агентстве Печати, но над злостью и над пыланием превалировало гнетущее ощущение скуки. Банальности обижают и угнетают воображение как в жизни, так и на экране.

Когда спрашиваешь сейчас у французского интеллектуала о современном французском кино, он отвечает коротко: «тре маль» — очень плохо. Ответ вполне интеллигентский. Спросите, например, у меня о современном советском кино — тоже не обо всем начну петь тетеревом.

Не вполне все-таки доверяя подобного рода нечерпывающей критике, я устремляюсь к парижским экранам. Трудно сейчас говорить отдельно о французском кино, ибо его проблемы типичны во многом для всего европейского кинематографа. Парижские экраны — многонациональный спектр, а итальянские, скажем, фильмы появляются на них с большей оперативностью, чем грузинские на экранах московских. Была идея поговорить о трех родах времени, о прошлом, настоящем и будущем. Однако о прошлом помнят многие, будущее известно всем. Что такое настоящее западного кино — вот это загадка, как и любое, впрочем, «настоящее». Шаг — и прошлое, кадр — и забвенье.

Шедевр всегда в прошлом. Горько так думать, но это так, и, если артист в работе авансом заряжается на шедевр, толку не будет.

Целую неделю в городе висели анонсы нового фильма Бернардо Бертолуччи «1900», и вот наконец он на экранах. Иду в кино на площадь Монпарнас. Здесь у подножия пятидесятиэтажной башни темного стекла толпы народа, ежевечерний карнавал. Четверо парней в тяжелых шнурованных ботинках, с гитарами в руках неуклюже танцуют прямо перед кинотеатром и поют классику «Рок-рок-рок-зи-раунд-о-клок». Собирают деньги на обратный билет в Штаты.

— А что это за фильм? — спрашиваю у администратора. — Эротический или политический?

— Берите билет, месье, — улыбается администратор. — Не пожалеете.

В прошлом году я смотрел бертолуччиевское «Последнее танго в Париже» и хотя знал, конечно, о строгих оценках этого фильма, но не пожалел, вот в самом деле работа: кадра не выстрижешь.

Новый фильм суперталанлтливого итальянца снабжен прологом, который дает понять, что перед тобой новый шедевр, и, конечно, более значительный, чем предыдущий. По бледно-зеленому полю женщины в черном гонят мужчину в светло-сером, бьют его вилами и добивают до конца. Утыканная вилами жертва качается на экране, словно святой Себастиан. Впоследствии выясняется, что жертва — садист, фашист и кретин.

Так или иначе, ты настроен на шедевр и благоговейно трепещешь до того самого момента, пока вдруг не начинаешь зевать от скуки. Что такое? Скука? Не может быть! Не может быть тебе скучно на новом фильме Бертолуччи! Однако скучно, зевотно, дремотно до того самого момента, когда экран вдруг снова озаряется бликами гениальности и следуют замечательные сцены ловли лягушек или танцев в профсоюзном клубе с участием Стефании Сандрелли, или урока политграмоты, или приступа эпилепсии у проститутки, или нападения жандармов на рабочую демонстрацию... Десятки действительно великолепных сцен, но между ними снова длиннейшие куски замедленного темпа, зевотной эпопеи из десятилетия в десятилетие. История жизни двух мальчиков, родившихся в 1900 году, один в бедной семье, другой в богатой, временами смутно напоминает мне какой-то отечественный роман начала пятидесятых — роман киллограмма на два.

Забавную я замечаю закономерность в работах молодых еще западных суперталантов. Добивается человек постановки и тянет на последнем напряжении сил, с урезанной сметой. В результате случается — шедевр, успех, громкое имя. Кинобоссы разевают мешки. Смета неограничена — снимай все, что хочешь. Увы, когда снимаешь все, что хочешь, частенько получается ерунда. Скажем мягче, не ерунда, конечно (талант, в общем-то, не может сделать ерунды), но, увы, не шедевр. Американец Шлессингер, например, после «Полуночного ковбоя» снял длиннейший, нудный, с удивительными сценарными провалами «День саранчи» из жизни Голливуда тридцатых годов.

Я в кино работаю уже пятнадцать лет и психологию кинорежиссера вроде изучил. Профессия редкая — кажется, всего-то меньше десяти тысяч человек в мире занимаются этим делом. Особенная, конечно же, и психология — космический гул в голове, разговор с великими тенями и тут же — рапимость, уязвленность. В соседнем доме, например, живет кинорежиссер — на любое слово оборачивается с каменными челюстями, как бы не заподозрили в недостатке таланта.

В общем-то, я люблю этот народ и стараюсь щадить самолюбия. Много в них чудесной артистической примитивности. Мыслят зрительными образами. Ради воплощения образов оных готовы стать твоими друзьями нежнейшими, ради той же цели могут в одночасье и имя твое забыть. Если же вдруг перед кинорежиссером открываются неограниченные возможности по воплощению образов овых, трудно ему бывает удержаться от соблазна снимать все, что в голову придет, все, что на глаза попадается, ибо уверен — все, что накрутит его камера, все важно людям, человечеству, стало быть, искусству, истории. Быть может, одного лишь мог" назвать из режиссеров, сурового к себе, — Андрея Тарковского. Этот и на урезанной смете снял «Иваново детство», и на полной — «Зеркало». Правда, не пережил еще соблазна сметы неограниченной.

Лиловатость Парижа прочно вошла в русскую литературу, и прежде, когда бывал я несколько раз здесь проездом, лиловатость эту как читающий человек подмечал с романтическим вздохом. Теперь же, после двух парижских месяцев, я склонен воспеть сероватость Парижа. Ах, пою я запросто, как чудесна парижская сероватость! Она и тяжела и легка, и глубока и поверхностна, нюансам серого цвета нет конца. Серая осень — пора студенческой любви. Двое в джинсах прижались друг к другу, покачиваются в поцелуе, не замечая никого, даже уличного шарлатана, разрывающего цепи у подножия церкви Сен Жермен де Пре. Приближаясь, с умилением констатирую разнополость целующейся пары. Как мило целуются парень с девушкой, с какой целомудренностью увлечены они губами друг друга! Как будто в до «сексуально-революц и о нное» время. Поцеловались и пошли дальше, смеясь, помахивая сумками. Какой, однако, обыкновеннейший студенческий роман (я вижу эту пару каждый день уже третью неделю), и это на фоне афиш фильмов: «Секс-о-клок», где самой невинной представляется сцена полового акта в такси, «НЭА» — о проблемах мастурбации, «История «О», в которой групповой акт непринужденно следует за десертом, «Эмманюэль», где очаровательная бедняжка Сильвия Кристаль «ищет любовь» в женской раздевалке теннисного клуба...

Назвав здесь эти «особенные» фильмы, я подумал, что и среди «неособенных» фильмов этой парижской осени нет, пожалуй, ни одного, в котором не было бы детально разработанных постельных сцен. У Бертолуччи, например, в его эпосе даже и социально-революционная тематика идет на фоне экстатирующей пары или, напротив, является фоном парного экстаза. Как же прикажете относиться к этой совсем не такой уж простой теме — к сексу на экране? Очень легко посчитать все это делом буржуазной спекуляции и закрыть разговор. В той же степени примитивно восхвалять это как неслыханную смелость, революционность, отбрасывание замшелых предрассудков.

И снова я обращаюсь к тому критерию, с которого начал этот репортаж, — к художественности, то есть к артистизму. С этой меркой мы попробуем оценить несколько фильмов.

Фильм «Последнее танго в Париже» полон так называемого натурализма, однако зритель сразу, или почти сразу, понимает, что это метафора отчаяния и все дуэты Марлона Брандо и Марии Шнайдер суть простые попытки спастись, и ничего не выстрижешь из этого фильма, а выстрижешь — и будет фильм не тот, быть может, и превратится сразу в пошленький порно или полупорно.

Рядом для сравнения я бы поставил тоже весьма нашумевшую ленту «История «О». Помню, несколько месяцев назад об этом сексреволюционном фильме рассказывал мне один режиссер из европейской глубинки. Рассказывал с пузырями на губах. Экое, мол, дело: девица проходит академию любви с мазохистскими всякий раз апофеозами. Еще я по рассказу восторженного человека показалось мне произведение бредом сивой кобылы, говорится, «любят любовь», а это немалое достоинство для эротического фильма.

Мужики, сделавшие «Глубокую глотку», на мой взгляд, просто ополоумели. Даже при самом либеральном и доброжелательном отношении, когда, начиная следить анатомические приключения Линды Лавлэйс, ты хочешь хоть что-нибудь там найти от искусства, ну хоть «черный юмор», что ли, увы, не находишь ничего, кроме бездарной жажды скандала. Парадоксально, но в таких сверхоткровенных фильмах физическая любовь теряет всякую привлекательность, а иной раз и отталкивает. Знакомый американец признавался, что после «Глубокой глотки» они разошлись с подружкой по домам и неделю не встречались.

Иной раз видится в фильмах порно глубокий культурный провинциализм (может быть, даже и родственный пуританизму некоторых наших кинередакторов с их слишком уж осторожными регламентациями).

Влияют ли секс-фильмы на моральное состояние французского общества? В той же мере, полагаю, как бесконечные секс-шопы бульвара Клиши на семейные прогулки в Венсенском лесу. Влияет ли эротическое тавро «О» на утренний кофе с круасаном, на обеденный час, на обязательные уик-энды и каникулярное время? Одно соседствует с другим. И, безусловно, секс-наводнение размывает моральные устои, но сколько веков целуются студенты на улицах в Париже и все постарому, не обращая внимания ни на прохожих, ни на машины, ни на рекламы порно-фильмов, эту новую мимолетную ботанику бульваров.

Волны кино возникают, быть может, под влиянием солнечной активности, влияют, быть может, на картину лунной ночи и уходят, возможно, вслед за фазами астероидного кольца. Сейчас, кажется, отлив после штормового наката «политического фильма». Отголоски этой бури слышатся еще повсеместно — и в «1900», и в очень хорошей последней работе Дино Ризи «Карьера горничной», и, конечно же, достижения этой последней волны не пропали даром, но сейчас валы раздроблены, вонарилась хаотическая зыбь — самое время для возникновения шедевра, и взоры наши оборачиваются к Франции. Сия великая кинодержава давно уже не изумляла жаждущее шедевра человечество. Рискованно было бы сказать, что внутри европейского кино Франция переживает какой-то особенный кризис, французская марка по-прежнему достаточно высока, но нет полета, нет взрывов, мятежа, основные события происходят по периферии родины кинематографа — в Италии и за океаном. Взбунтовался было Жан Люк Годар, но чем обернулся его бунт в проекции на экране? Красивая актриса в скроенной изысканнейшим портным пролетарской одежде гуляет по индустриально-аграрной равнине и читает вслух ультралевые премудрости. «Настоящий революционер — это тот, кто по-настоящему революционен». На противоположном полюсе стоит крепкий мастер Роже Вадим. Этот верен себе и в последнем фильме «Верная женщина». Любовь, тайны любви, обреченность любви... Так или иначе, хоть, как говорится, и узок взгляд художника на мир, но в мастерстве, в чувстве ритма, меры, во вкусе Роже Вадиму не откажешь.

Между тем, рискуя показаться снобом, я хочу сказать, что в большинстве фильмов этой осени увидел я совершенно неожиданно для себя именно кризис мастерства, странный дефицит обыкновенных профессиональных качеств. Вот, например, упоминавшийся уже фильм Нелли Каплан «НЭА». В нем по крайней мере три логических и столько же эмоциональных концов. Разваливающийся на куски сценарий, неумение поставить точку, но вместе с тем — хорошие актеры, отличная камера, режиссерские изыски в разработке кадра. Быть может, есть в этом странном противоречии нечто психологически общее с психологическим состоянием всего европейского общества. Обилие красивых дизайнов в таком фильме напоминает витрины в аркаде «Лидо» на Елисейских полях. Так много всякого красивого, что ничего и не нужно, но голову отвернуть трудно — тащишься и смотришь.

Еще более странное впечатление: профессиональные изъяны видны не только в картинах новых режиссеров, но и в работах старых, признанных повсеместно мастеров. Еле пересидели мы, например, скучнейшую комедию Хичкока «Семейный заговор». Кто сделал эту тощищу, неужели автор «Психо» и «Птиц»? Лукино Висконти снял «Невинного» по одноименному роману Габриэля д'Аннунцио. Странный выбор первоисточника после манновского шедевра «Смерть в Венеции», и странной безвкусицей оборачивается роковое действо среди бархатных пуфиков и соболиных боа — великосветские страсти-мордасти. И, наконец, самое большое для меня разочарование сезона — последний фильм Ингмара Бергмана «Лицом к лицу». Замечательная актриса Лив Ульман поставлена в очень уж невыгодные для себя обстоятельства. Ее сажают перед камерой в белый угол и заставляют минут пять орать по нарастающей, словно в провинциальном театре. Затем ей предлагается войти в комнату и увидеть там открытый гроб с собственной персоной. Засим гроб этот загорается на ее глазах и горит шикарнейшим бутафорским пламенем. Как можно столь примитивно изображать подсознательный мир человека после Феллини и, главное, после самого себя, после «Земляничной поляны» и «Молчания»?

Конечно, всякий мастер имеет право на неудачи, и я не стал бы говорить здесь о неудаче своего любимого Бергмана, если бы она не отражала, как мне кажется, состояния всего европейского кино, в котором масса талантов и бездна возможностей, но вместе с тем какая-то странная послеобеденная полусонливость, вялость, необязательность с запашком халтуры.

Скорее всего это временная зыбь перед накатом новой волны, быть может, кризис, необходимый для поисков новых источников энергии. Долго ли он протянется? Лунатически бродя среди экранных разочарований, я набрел на скромнейший, чудеснейший «Следующая остановка Гринич Виллидж» и восхищен был «Барри Линдоном», но, увы, оба эти фильма сделаны за пределами нашего континента. Европа немного устала от своих изящных витрин. Однако уверен, что не одряхлела и никакой дымящейся варварской крови для здоровья ей не надо. Своей достаточно.

— Месьедам, леди-джентльмен, уважаемое панъетто, товарищи! На ваших глазах может произойти чудо — щуплый, маленький человечек разорвет эти могучие цепи!

Перед толпой туристов на пляже Монпарнас фигляpствует призрак средневековья, уличный артист, разрывающий цепи. Голый по пояс окутанный тяжелым чугуном, он приплясывает на асфальте и требует денег. Пока не соберется необходимая сумма, так он и будет жить в цепях.

Никогда ранее не предполагал такого обилия артистов на улицах Парижа. То ли их не было до этой осени, то ли в сумасшедшие транзитные часы ничего толком не замечаешь.

Две девушки-пантомимистки скользят меж столиков кафе, показывая незамысловато — срывание цветов, обнюхивание, восхищение, увядание.

Веселое нищенство, бесконечная карнавальность жизни. Очень интересно, как он порвет цепи. Бросаю франк. Подумав, второй.

Я уже говорил в этом репортаже о многоликости, многонациональности парижских экранов. Нет здесь только наших фильмов, советских. Не знаю, в чем тут причина — то ли покупать не хотят, то ли продаем плохо. Во всяком случае — досадно мне было не видеть в «Паризкопе» работ Тарковского, Климова, Данелии, Мотыля, Рязанова, которые, на мой взгляд, ничуть не полиняли бы от соседства с европейскими именами. (Список, конечно, на полноту не претендует, но отражает лишь мои субъективные пристрастия.) Больше того, мне кажется, что даже и так называемая «средняя продукция» нашего кинематографа, во всяком случае определенная ее часть (некоторые комедии, скажем, или «истерны» с басмачами и конными пограничниками), может быть вполне конкурентоспособна на европейском кинорынке. Необходимо, конечно, соответствующим организациям более детально изучить этот рынок, вкусы и запросы европейского зрителя, сложные отношения внутри шоу-бизнеса. Уверен, что наше кино не пробило себе дорогу в Европу во многом из-за того, что мы недостаточно изучаем эти сложные отношения.

Я уже сказал где-то впереди, что не собираюсь хвалиться отечественными кинодостижениями (да и не вижу, откровенно говоря, особенных возможностей для похвалы), но должен сказать, что в смысле профессионализма у нас сейчас происходит движение, обратное европейскому. Именно в смысле профессионализма наше кино сейчас крепнет, а яркие фигуры достигают здесь настоящих вершин.

Кадр за кадром волшебной чередой уходит в прошлое фильм парижской осени 1976 года. По бульвару Сен-Жермен навстречу движению идет студенческая демонстрация с красными знаменами. Одинокий кларнетист играет у входа в метро. Где-то за Карфур дю Бак бухает бродячий духовой оркестр. Я впервые участвую в этом фильме как актер массовки, иногда получаю эпизоды. Вчера, например, бесчинствующиеся гошисты бросили мне в машину пакет с мукой. Подъехал поближе и обругал их основательно по-русски. Не поняли, но испугались. Прежде мне казалось, что признание в любви Парижу — довольно банальное дело для начитанного человека. Теперь банально признаюсь — влюблен.

Разрывающий цепи наконец набрал нужную сумму для финального усилия и призвал всю площадь к вниманию. Внимание! — он напрягает мускулы и выскальзывает из цепей, неповрежденный чугун падает на асфальт. Так обманывают в Париже зевак уже девятьсот или больше лет.

ПАРИЖ—МОСКВА
Октябрь, 1976.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С КНИГОЙ

В детской библиотеке венгерского города Дунайварош Фото М. ТРАХМАНА

СЛОВО ОБ АНДРЕ МАЛЬРО

23 ноября в возрасте 75 лет скончался известный французский писатель, крупный общественно-политический деятель, теоретик искусства Андре Мальро. Его творчество, вся его бурно прожитая жизнь отразили кризис, трагизм бытия и сознания мыслящего и активно действующего западного интеллигента XX века.

Отклики на кончину Мальро не только не проясняют, как это часто бывает, линии и черты, цвета и оттенки его творческого и политического портрета, но лишь усугубляют всю сложность, неоднозначность этой личности. Причастность Мальро к различным, часто противоположным идейным течениям, политическим взглядам и общественным движениям создает много трудностей в попытках дать ясное определение его пути. Словечки-ярлыки — «попутчик», «великий авантюрист»; политические формулы — «коммунист», «антифашист», «голлист»; морально-этические оценки — «индивидуалист», «отчаявшийся одиночка», «несостоявшийся дилетант революции», «Дон Кихот XX века» — все это калейдоскопом мелькает на страницах зарубежной печати. Будучи в чем-то верны, они никак не выявляют в целом его облика.

Одаренный и трудолюбивый, Мальро обладал огромной эрудицией, неутомимой жаждой познания и необычайной страстью к приключениям. С темпераментом Сирано де Бержерака, он с юных лет бросался без страха, но волнуемый сомнениями, в крупнейшие политические битвы, где бы они ни происходили. Еще совсем молодым человеком он оказался в Индокитае, откуда завезучали его антиколониалистские призывы и репортажи. Затем начало китайской революции повелительно зовет его в эту, тогда еще загадочную для Франции страну. Одновременно начинается обильная по объему литературная деятельность.

Трудно сказать, что же преобладало в жизни Мальро: мысль или действие? И то, и другое словно кипело в нем, выплескиваясь неожиданно и бурно. Живо и непосредственно реагирует он на рост угрозы фашизма. В 1934 году Мальро едет в Берлин, чтобы потребовать освобождения Г. Димитрова. Вскоре он пламенно выступает на Первом съезде советских писателей. Если завтра вспыхнет война, заявляет он, место каждого французского демократа на стороне Красной Армии!

Затем — активное участие писателя в впопее Народного фронта в одних рядах с коммунистами. Мятеж Франко призывает Мальро в Испанию, где он становится командиром эскадрилья истребителей-бомбардировщиков. На его счету 70 боевых вылетов. Самолет его был дважды подбит. Ранение вынуждает Мальро оставить окровавленную Испанию, но он энергично ведет международную кампанию помощи республиканцам.

Вторая мировая война — и он в танковых войсках, жертва и свидетель разгрома Франции, борец Сопротивления, участие в котором он завершил полковником, командиром знаменитой бригады Эльзас-Лотарингия.

Но отныне символ его жизни — Лотарингский крест, тот же, что у движения Шарля де Голля. Генерал, политик трезвого действия, внешне холодный, пуританин, никогда не имел личных друзей: Андре Мальро был исключением, и де Голль не раз выражал восхищение своим, как он говорил, «гениальным другом». В 1947—1950 годах Мальро резко отходит от своих прежних убеждений. Как он объясняет свой уход от вдохновлявших его некогда идеалов революции? Незадолго до смерти он довольно неопределенно ответил на этот вопрос: «Начиная с 1943 года я решил, что связь, объединявшая меня с пролетариатом, отныне подчинена моей связи с Францией... В Сопротивлении я обручился с Францией». Вернее и проще объясняется его идейной непоследовательностью Андре Мальро.

После прихода де Голля к власти в 1958 году Мальро — его бессменный министр культуры.

Литературное наследие писателя разнообразно, сложно, противоречиво. Выделим лишь то, что действительно переживет самого Мальро, — в первую очередь романы «Удел человечества» и «Надежда». Их считают вершиной его творчества. Писатель-коммунист Андре Вюрмсер напомнил, что «наиболее велик Мальро был тогда, когда выступал на нашей стороне и создал свои шедевры». Главный редактор «Юманите» Рене Андрие в свою очередь сказал, что именно под влиянием произведений Мальро он стал коммунистом. В заявлении по поводу кончины писателя Генеральный секретарь Компартии Франции Жорж Марше, подчеркнув, что во многих исторических битвах Мальро «был вместе с нами, рядом с нами, иногда вдали от нас», заявил о вкладе Мальро в национальную культуру Франции...

На другой день после кончины писателя французские телезрители увидели и услышали живого Мальро в передаче, записанной за неделю до этого. Два французских издательства объявили о предстоящем выходе в свет его неизвестных еще произведений.

Это был необыкновенный, сложный, талантливый и вместе с тем противоречивый писатель и политик...

Профессор
Н. МОЛЧАНОВ

МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ

ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ (С ОПЛАТОЙ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ НА ПОЧТЕ)

Вирников В. Шагнувшая через века (книга о Монголии). Москва. «Планета». 1975. Ц. 2 р.

Советское искусство 1917—1940 гг. (Страницы истории искусств). Москва. «Изобразительное искусство». 1975. Ц. 1 р. 64 к.

Рядом друг. Альбом. Полвека в фотографиях. Москва. «Планета» — Будапешт. «Корвина». 1975. Ц. 6 р. 40 к.

Заказы высылайте по адресу: 121019, Москва, пр. Калинина, 26, Московский Дом книги

Ю. ТРУХАНОВ

(НОГИНСК)

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

ЧУТКОСТЬ

НАЧАЛЬНИК отдела Максим Иванович с утра был озабочен и рассеян.

— Максим Иванович, что это вы сегодня такой озабоченный? — спросил самый дотошный из всех сотрудников Семиухов.

— Мамаша ко мне приезжает. Поезд в десять тридцать, а встретить не могу — дел по горло, да и неудобно как-то по личному делу отлучаться. Жене, что ли, позвонить, чтобы встретила?

— Ну что вы, Максим Иванович, — забеспокоился Семиухов, — бросьте вы все эти дела и поезжайте на вокзал. Что же это получается, уж и нельзя мамашу встретить? Поезжайте, поезжайте, Максим Иванович. Давно мамашу-то не видели?

— Да около года.

— Целый год! Подумать только! — ужаснулся Семиухов. — Нет-нет, я решительно требую от себя и от имени всего коллектива, чтобы вы сами, лично поехали на вокзал!

— Поезжайте, поезжайте, Максим Иванович! — затараторили сотрудники, с интересом прислушивавшиеся к разговору. — Вы только подумайте, как приятно будет вашей мамаше, когда вы сами ее встретите, да и вы соскучились.

— Соскучился, — сознался Максим Иванович. — А все-таки, знаете, неудобно с работы. Жена ведь тоже может встретить.

— Ни в коем случае!

— закричали сослуживцы.

Они окружили стол Максима Ивановича и стали наперебой уговаривать его непременно ехать на вокзал самому.

— Друзья! — Максим Иванович встал и влажными глазами оглядел подчиненных. — Не буду скрывать: я глубоко тронут той чуткостью и заботой, которую вы ко мне проявили. Хорошо, я поеду, но не буду злоупотреблять вашими добрыми чувствами — быстро отвезу мамашу домой — и обратно.

— Нет, нет и нет! — замахал руками Семиухов. — Коллектив вам этого не простит! Вы должны оставаться с мамашей весь день. Разве это мыслимо — привезти и сразу на работу?

— Весь день, весь день, — галдели сотрудники. — Это немыслимо — привезти и сразу на работу! Вы обидите не только свою мамашу, но и нас всех!

Через десять минут после ухода Максима Ивановича отдел опустел. Только машинистка Зина, оставленная Семиуховым дежурить у телефона, с завистью смотрела в открытое окно, как разбегались из подъезда в разные стороны радостные сотрудники отдела.

К КОНТОРКЕ администратора гостиницы подошел высокий, элегантно одетый мужчина средних лет с двумя чемоданами в руках. Он поставил вещи на пол и, чуть наклонившись, произнес звучным баритоном:

— Серов Дмитрий Иванович. Дамский портной. Из Таллина. Номер, пожалуйста. С ванной, гостиной, фонтаном и садом, как говорил поэт. Я не привык кое-как...

— У нас сада вообще нет, — смущенно пролепетала дежурный администратор, с испугом глядя на приезжего. — И фонтана нет. И гостиных при номерах...

Дамский портной нахмурился.

— Могу предложить комнату с санузлом и балконом, — заторопилась женщина. — Номер хороший, с телефоном, телевизором, холодильником. Будете довольны...

— Так и знал, что в этом захолустье не найдешь приличного жилья, — брюзгливо проговорил Серов, доставая паспорт. — Оформляйте. Не ночевать же на улице!..

— Ой, Маша! — захлебывалась администратор по телефону, когда Серов ушел. — Сейчас поселила закройщика из Таллина. В сто четырнадцатый. Интересный такой. Фонтан требовал. Не привык, говорит, жить без фонтана, представляешь" Как ты считаешь, могу я потом ему свой костюм показать? Может, посоветует, как исправить? Я тоже так думаю. Все-таки директорский резерв отдала, верно?..

...Вечером приезжий спустился в ресторан.

Он сел за свободный столик, мягко отвел рукой протянутое официанткой меню и сказал:

— Понимаю, выбор у вас невелик, судя по скатерти и посуде. Но старайтесь все-таки, чтобы мне приготовили порцию омара. Из напитков — боржом. Спиртного, знаете, не признаю.

— Чего-чего? Какой еще омар? Лимонад могу...

— Я — дамский портной! — капризно перебил посетитель. — В омаре много фосфора. Это помогает думать над линиями, понимаете?..

Официантка нервно затеребила передник:

— Я передам...

Через несколько минут около столика Серова одновременно хлопотали два респектабельных официанта: меняли скатерть, протирали тарелки, ставили цветы, наливали в фужер боржом. Метрдотель, почтительно склонившись, что-то шептал гостю на ухо...

— Кого это они так обхаживают? — удивился один из компании за соседним столом. — Глядите, боржом! Или у меня галлюцинация? Наверно, столичная знаменитость!

— Какая, к черту, знаменитость! — возмутился другой. — Знаю я его. Серов это из Таллина. Профессор, доктор наук, автор математического парадокса о превращении бесконечно малых чисел в бесконечно большие. Между прочим, с приветом мужик. Вечно себя за дамского портного выдает... Мания величия у человека!

Леонид НАУМОВ

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС

ФРАЗЫ

● *Если время — деньги, то где же они?*
Сумская обл. **Е. ДВОРЯНЧИКОВ**

● *Не плюй в источник финансирования.*

● *Какие прекрасные развалины строили наши предки!*

● *Используйте демографические взрывы в мирных целях.*
КУЗНЕЦК **Юрий БАЗЫЛЕВ**

ЧУ-ДА-КИ

В. ПЕСКОВ

О. ПОМОЧНЛИН

В. АШМАНОВ

ДРАМЫ «КЛУБА ДС»

Леонид ТРЕЕР

(НОВОСИБИРСК)

ПАДЕНИЕ

СЛУХИ о том, что ожидается сокращение штатов подтвердились. В пятницу Камодов вызвал к себе всех сотрудников и сообщил:

— Наш отдел должен принести в жертву одну штатную единицу. — Павел Тимофеевич скорбно обвел взглядом присутствующих. — Лучше, если найдутся добровольцы...

Отдел молчал. Сулин лихорадочно перебирал в уме возможных кандидатов и убеждался, что в принципе сократить можно любого, в том числе и его самого.

— Ну что ж, — Камодов выдержал паузу, — желающих, к сожалению, нет. Тогда устроим небольшое голосование. Пусть каждый напишет на листке фамилию сотрудника, которого по его мнению, можно уволить с минимальным ущербом для дела. Свои предложения прошу сдать мне к концу рабочего дня.

Притихшие подчиненные покидали кабинет, стараясь не смотреть друг на друга. Их было девятнадцать. Они разбрелись по своим комнатам, чтобы определить лишнего. Сулин сел за стол и положил перед собой чистый лист бумаги.

Заскочил Чесноков, молодой специалист, и горячо затараторил:

— Это дикость! Шеф создает атмосферу подозрительности и недоверия. Пусть сам решает, кого сокращать!

— Кончай базар! — прервал его мудрый Деев. — Камодов — демократ. Он хочет знать наше мнение.

Чесноков махнул рукой и ушел. Наступила тишина. Все делали вид, что заняты работой. Сулин рисовал кубики, а в голове вертелся лишь один вопрос: «Кого?». Конечно, если хорошенько разобраться, есть в отделе люди, на которых все держится. Тот же Деев, башковитый мужик. Или, скажем, Мамаев. Мамаев, правда, несколько раз ругался крепко с шефом, но человек он, безусловно, талантливейший, это всем известно. Таких трогать нельзя. А остальных? Сулин вздохнул. Остальных можно... Он вдруг представил приказ о своем сокращении, соболезнующие взгляды коллег, и от этих мыслей на душе у Дмитрия стало скверно. Службу свою Сулин не любил, но потерять ее боялся. Без работы он, конечно, не остался бы, но всякие перемены в жизни его пугали и тревожили.

«Нет, нет, — успокаивал себя Сулин, — меня не должны, я не хуже других. Я и после работы задерживаюсь, если надо».

Он вспомнил, как ему однажды объявили благодарность в связи с каменогорским проектом, и пожалел, что это было так давно, что все, наверное, забыли об этом факте. Дмитрий осторожно покосился на сослуживцев, пытаясь угадать, о чем они думают.

Рожнев вздыхал за его спиной, обдумывая ситуацию. Он настолько привык к своей любимой игре «Спортлото», что даже теперь начертил девятнадцать клеток с фамилиями коллег и поочередно вычеркивал их карандашиком. Деев что-то быстро писал. Этот знал себе цену и ни о чем не беспокоился. Обернувшись, Сулин поймал взгляд Гаранина и смутился. Во взгляде ему почудилась скрытая насмешка.

«Нехорошо как смотрит — с беспокойством отметил Дмитрий. — С чего бы это?»

Время шло, а он все еще не знал, какую фамилию предложить Камодову. Его раздражала идея шефа провести тайное голосование. Захотелось написать на листке «Предлагаю сократить Камодова Павла Тимофеевича». Сулин тут же испугался этой мысли, начнут копаться, по почерку найдут автора, накажут.

Он ломал голову до конца рабочего дня, но так ничего и не написал. Душевные терзания Сулина кончились тем, что он взял чистый лист, аккуратно сложил его вчетверо и сдал сотруднику, собиравшему «бюллетени».

Субботу и воскресенье Дмитрий провел плохо. Было такое чувство, что его уже сократили, но он еще об этом не знает. Он еле дождался понедельника и первым прибежал на работу. Часов в одиннадцать стало известно, что большинством голосов отдел рекомендовал сократить Мамаева.

Первая мысль Дмитрия была: «Не я! Слава богу, не я!»

Он готов был запеть, и тут только до него дошла вся нелепость происшедшего. Как могло получиться, что выбор пал на Мамаева? Это же дикость, абсурд, черт знает что! Мамаев умница, его знания и опыт постоянно выручают отдел, без него ни как нельзя.

Сотрудники, после некоторого замешательства, загудели, загалдели, перебивая друг друга. Многие хвалили Мамаева и удивлялись странным результатам голосования. Молодой специалист Чесноков закричал, что не зря Камодов держит в тайне собранные листки.

— Шеф решил избавиться от Мамаева! — горячился Чесноков. — Это же ясно! Он простить не может Мамаеву, что его дважды не взял в соавторы!

Все смолкли. Обвинение было серьезное.

— Не будем торопиться с выводами, — негромко сказал рассудительный Деев. — Во-первых, я не вижу причин подозревать шефа в непорядочности. Во-вторых, историю о соавторстве мы слышали только от Мамаева, а Камодов нам ничего не докладывал. Ну, и, в-третьих, незаменимых работников, как я полагаю, нет.

Наступила тишина. Речь Деева подействовала отрезвляюще.

— Се ля ви, — уныло сострил кто-то.

Сулин, испытывая приятное волнение. — Схожу...

В ту минуту ему казалось, что он нашел в себе силы преодолеть собственную слабость, и ощущение нравственной победы над самим собой будоражило Дмитрия. Позже, когда все разошлись по своим рабочим местам и он остался один, началось отрезвление. Лавина сомнений накатывалась на Сулина. То, что еще полчаса назад казалось ему нравственным взлетом, теперь выглядело глупым ребячеством. Он понял, что сказал не подумав. Идти к Камодову расхотелось.

«Ну кто тебя тянул за язык!» — казнил себя Дмитрий. — Ведь никто тебя не трогал! Сам вылез, трепло несчастное, правдолюбец дешевый!»

Самым ужасным было то, что уже ничего нельзя было изменить. Слово вылетело, и отказаться от визита к Камодову — значит стать всеобщим посмешищем.

Через несколько часов измученный Сулин постучался в кабинет шефа. Камодов оторвавшись от бумаг, пристально уставился на вошедшего.

— Тебе чего?

Дмитрий собрал всю свою волю и быстро, чтобы разом кончить дело, произнес:

— Я, Павел Тимофеевич, по поводу Мамаева. Нельзя его сокращать...

Некоторое время Камодов молчал.

— Ты это от своего имени или по поручению коллектива?

— От своего, — мужественно ответил Сулин и тут же добавил, — но большинство в отделе разделяют мое мнение...

Шеф усмехнулся.

— Что ж, надо прислушаться. Тут, правда, имеется один нюанс. По количеству собранных голосов ты, Сулин, идешь сразу после Мамаева. Так что сам понимаешь, если не Мамаев, то ты...

Дмитрию стало душно, он почувствовал в груди неприятную пустоту, мигом наполнившуюся липким страхом. Он готовился к неприятностям, но чтоб так, сразу, одним ударом... этого он не ждал.

— Но я тебе откровенно скажу, Сулин, — продолжал шеф, — я бы предпочел иметь в отделе тебя, а не Мамаева. Хочешь знать, почему?

Дмитрий быстро кивнул. Почувствовав, что можно выпутаться, он смотрел на шефа с надеждой.

— Для тебя, наверно, не секрет, что у меня с Мамаевым психологическая несовместимость, — Камодов хрустнул пальцами. — Он, безусловно, специалист неплохой, но характер у него, сам знаешь...

И опять Сулин слегка кивнул головой в знак согласия.

— А отдел — это тот же организм. И если, скажем, голова думает одно, а рука делает наоборот, то такой организм долго не протянет. И лучше вовремя ампутировать руку. Я правильно говорю?

— Пожалуй, верно, — сказал Сулин. В закоулках его души промелькнула мысль, что все это демагогия, потому что голова в отделе, скорей, Мамаев, но Дмитрий уже думал лишь об одном: выкарабкаться из неприятностей.

— Ну, а если ты со мной согласен, — Павел Тимофеевич улыбнулся, — значит, интересы отдела тебе не безразличны, значит, нам с тобой по пути. И я очень рад, что в тебе не ошибся.

Дмитрий понял, что он прощен и помилован. Захотелось пожать шефу руку, сказать ему что-нибудь приятное, заверить, пожелать...

В коридоре его ждали сгорающие от любопытства коллеги.

— Ну как? — почти хором спросили они.

— Нормально, — ответил Дмитрий, пытаясь изобразить улыбку.

А. АРЛЕВ

(ЛЕНИНГРАД)

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО МОВЕТОНА

АЛЬТРУИСТ

УТРОМ пятнадцатого мая в душе Луколова проснулась совесть. Когда зазвонил будильник, совесть уже клокотала в груди невостребованными возможностями. «Для себя живу. Эгоистом все считают. Стыдно. Для других пора жить». — застряла в голове необычная мысль. За завтраком он впервые обратил внимание на жену. За годы жизни с ним она значительно состарилась и похудела. «Мается она со мной. Худющая, как спичка, стала. Жаль ее». — подумал Луколов на остановке автобуса.

В автобусе Луколов впервые уступил свое место.

— Нет, нет. Я настаиваю, чтобы вы сели, — говорил Луколов тридцатилетнему мужчине, стоявшему перед ним.

— Перестаньте, пожалуйста. На нас люди смотрят — взмолился пассажир.

— Видели? — апеллировал Луколов к людям. — Я к нему со всей душой, а он — «перестаньте». Нет уж, садись, дорогой товарищ, пока я общественное мнение против тебя не поднял.

На работу Луколов пришел с одной мыслью: обязательно закончить порученное ему задание, чтобы не подвести коллектив со сроком сдачи отчета. Для этого он попросил коллегу справа сделать ему цифровые подсчеты, коллегу слева — вычертить график, а недавно прибывшего молодого специалиста — весь день точить им карандаши. В том, что отчет не был сдан в срок, Луколов был не виноват: он свое задание сдал вовремя. Коллектив подвели помощники Луколова, которые не успели в этот день закончить свою работу.

«Хорошо бы еще дерево посадить. Память обо мне людям останется». — догадался Луколов, направляясь домой после рабочего дня. Он свернул на приусадебный участок подшефной школы, где отобрал у пионеров саженец осины.

— Копай здесь, — указал он самому старшему место на газоне.

Луколов пихнул саженец в свежевырытую ямку и велел закопать. Полить деревце он разрешил ребятам самостоятельно, так как очень спешил наворотить сегодня как можно больше добрых дел.

На перекрестке Луколов подхватил упирающуюся старушку и переволок ее через улицу, которую она перешла минуту назад. За поворотом он неожиданно заметил, как из углового дома вырываются клубы серого дыма. Он вскочил в телефонную будку и набрал 01.

— Здесь пожар. Вам о нем еще не сообщали? Значит, я первый. Моя фамилия Луколов.

Уже подходя к своей парадной, Луколов вспомнил, что его школьный друг лежит сейчас в больнице. Луколов заскочил домой и затем поехал в больницу.

— Ты, главное, врачей меньше слушай, — хлопнул Луколов товарища по впалой груди, как только вошел в палату. — Они подозревают у тебя серьезную болезнь. Так это же их работа. Они деньги за нее получают. Ну, будь здоров. Смотри, не кашляй...

По дороге домой Луколов опять подумал о жене. На углу он зашел в стеклянный «Гастроном» и купил большой кремовый торт.

— Съешь-ка его перед сном. Может, к утру в весе прибавишь, — протянул он торт расстроганной супруге. — Худющая стала, смотреть тошно.

Заснул Луколов с мыслью: завтрашний день прожить так же, как сегодня, — для людей.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

РОГА И КОПЫТА

● **МОРФОЛОГИЯ**
«Простите, девушка, но ваше лицо мне очень знакомо. Вы случайно в кино не снимаетесь?» — всего лишь предлог.

● **НОВЫЙ РЕКОРД**
Новый рекорд европейского союза магов, телепатов и ясновидцев установила француженка Шарлотта Н. Б. Лефо. Взамен традиционного переноса сигарет и спичечных коробков она умственным усилием стронула с места товарный состав и, обворожительно улыбаясь линзам кинокамер, вывела его за пределы станции. Триумф Шарлотты нимало не умаляет вопиющее заявление ее соперников, что состав был попросту отправлен со станции согласно расписанию.

● **ЦЕННАЯ НАХОДКА**
На чердаке старинного жилого дома города Ляпинска обнаружен один из поздних шедевров Рембрандта. Картина имеет ряд повреждений: полностью осыпались краски, превратился в порошок холст, начисто сгнила рама и т. п. После проведения реставрационных работ этот подлинник короля светотени займет почетное место в местном музее.

● **ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ**
Вчера писатель О. закончил подбор избранных материалов для пятого тома переписки с ЖЭК № 1 по поводу ремонта бачка в санузле.

● **В ЗАЩИТУ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ**
Не сорите деньгами!

● **ОБМЕН ОПЫТОМ**
Если подчиненный талантливее тебя, не мешай его росту в соседнем учреждении.

● **ВСЕ ДЕЛО В ФОРМЕ**
Наконец-то обрели нужную форму футболисты «Гранита». Они получили меховые рукавицы, шапки из опоссума, дубленки, унты и ватерские тулупы. «Теперь мы выстоим против любой команды!» — скромно заявили гранитовцы.

● **НОВОСТИ ТОРГОВЛИ**
Умело подобран соответствующий ассортимент товаров. Куракинский райторг открыл магазин без покупателя.

Виктория ТУБЕЛЬСКАЯ

Перемешинки

БЛЕЙЗЕР МАРИИ АНТУАНЕТТЫ

ДОРОГИЕ друзья! Уважаемые труженицы! Сейчас мы вам покажем нашу весенне-летнюю — осенне-зимнюю коллекцию. Она отличается совершенно новым психологическим решением: образ женщины — девочки — подростка в мини-юбке, не оставляющий никаких тайн, предельно открытый, уступил место женщине-загадке. Ниспадающее, драпирующее, остающееся недоговоренным — вот девиз современной моды. Женщина — прекрасная незнакомка, сама духовность, сама тонкость.

Посмотрите несколько моделей, предназначенных специально для летнего отдыха на берегу моря.

Одиннадцать часов дня. Как приятно скинуть это пляжное платье романтического покроя, отделанное вологодскими кружевами, и остаться в купальном костюме-ретро, в котором мы использовали некоторые мотивы эпохи Марии Антуанетты. А потом переодеться для прогулки на яхте: сняв длинная юбка, белый изящный блейзер. Ансамбль дополняет спутник, выдержанный в контрастных цветах — белые брюки, синий мужественный блейзер.

Интересны платья-амазонки для верховой езды, выполненные в классической строгой манере.

А вот платье для пятичасового чая в кругу отдыхающих из соседних палат. Обратите внимание, как оно струится. Это одно из основных направлений современной моды. Да, женщина должна струиться, напоминая поэтических русалок.

Восемь часов вечера. Вы идете на концерт. Взгляните, как психологично это длинное платье, декорированное ручной вышивкой жемчугом. Платье практично — его можно надеть и зимой, в театр. В таком случае его дополнит скромная, очень простого покроя шубка из баргузинского соболя.

Да, меха! Традиционные норка, бобер, горностай, каракуль... Они никогда не выходят из моды. Но особенно модна в этом сезоне малайская пальмовая куница. Предлагаем вашему вниманию оригинальную интерпретацию — экзотический мех в сочетании с традиционной темой тулупа дает незабываемый эффект.

Но невозможно достичь апогея самовыражения без аксессуаров. Ими часто пренебрегают, а меж тем цветок в волосах, оттеняющий блеск глаз, элегантно повязанный шарф, маленькая неброская бриллиантовая брошь на воротнике способны подчеркнуть всю сложность и противоречивость вашей индивидуальности. Мыслима ли блоковская незнакомка без шляпы с траурными перьями и без узких рук с кольцами? Или дама с камелиями без камелий?

Я думаю, дорогие женщины, что теперь, после просмотра нашей коллекции, вы все будете модно и практично одеты, каждая найдет свой собственный неповторимый стиль.

Благодарю за внимание.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А—09096 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 845 ИНДЕКС 50067